зала 38.
шкафъ 1.
полка 9.
№ 3.
/8

Проверено 1950

38. 1. 9. 3.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. А. ГОНЧАРОВА.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ и факсимиле.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Изданіе четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.
1912.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. А. ГОНЧАРОВА.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ
И. П. Пожалостинымъ и факсимиле.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Изданіе четвертое.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ГЛАЗУНОВА.
1912.

Собственность Глазунова.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ЧЕТЫРЕ ОЧЕРКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ	1
МИЛЬОНЪ ТЕРЗАНІЙ.	121
ЗАМѢТКИ О ЛИЧНОСТИ БѢЛИНСКАГО	167
ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА	199

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

«...Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду!»
Крыловъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧТЕНІЕ.

Къ одному изъ домовъ, на Конногвардейскомъ бульварѣ, къ подъѣзду подъѣхало, около восьми часовъ вечера, въ маѣ мѣсяцѣ, нѣсколько экипажей- —одинъ вслѣдъ за другимъ, и, высадивъ господъ, отправились по домамъ. Ровно въ восемь часовъ швейцаръ получилъ приказаніе не принимать никого болѣе.

Человѣкъ тридцать гостей обоего пола собрались у Григорія Петровича Уранова слушать въ этотъ вечеръ чтеніе новаго романа.

Автора романа, какъ писателя, знали немногіе. Онъ напечаталъ, безъ имени, нѣсколько статей по финансовымъ и политико-экономическимъ предметамъ, замѣченныхъ и оцѣненныхъ по достоинству только спеціалистами. Кромѣ того, онъ написалъ опытъ дипломатическихъ мемуаровъ и напечаталъ ихъ въ весьма небольшомъ количествѣ, для немногихъ. Онъ занималъ нѣкогда дипломатическій постъ на югѣ Европы и провелъ молодые лѣта за границею. Теперь онъ былъ, какъ и хозяинъ дома, гдѣ назначалось это чтеніе, членомъ одного совѣта и, кромѣ того, предсѣдательствовалъ

въ какой-то комиссіи по разнымъ преобразованіямъ. Въ свѣтѣ его любили, за огромное богатство, за открытое гостепріимство, за привѣтливость; а близкіе люди — за капитальныя достоинства ума и характера.

Извѣстіе о романѣ однако проникло въ общество его круга. Авторъ, на вопросы, обращаемые къ нему, не отрицалъ, что романъ пишется, но болѣе не распространялся объ этомъ. Извѣстно было, что онъ читалъ то, что было написано, кое-кому изъ пріятелей, у себя дома, но эти лица хранили о романѣ скромное молчаніе.

Ближайшій пріятель и сослуживецъ автора, Григорій Петровичъ Урановъ, и тотъ не былъ посвященъ въ тайну о романѣ. Напрасно добивался онъ отъ автора отвѣтовъ на эти вопросы—онъ ничего не узналъ.

— Ты не читаешь романовъ, говорилъ ему авторъ: — зачѣмъ тебѣ знать, что я написалъ? — Я тебя оттого и не пригласилъ въ свой домашній кружокъ послушать.

— И обидѣлъ меня! возразилъ Урановъ. — Если ты считаешь меня равнодушнымъ къ романамъ, или вообще къ литературѣ, то все же это не значитъ, чтобъ я былъ равнодушенъ къ тебѣ и къ твоему произведенію.

Автора тронулъ этотъ упрекъ и онъ обѣщалъ прочесть свое произведеніе у него въ домѣ. Урановъ послалъ ему списокъ приглашенныхъ лицъ, которые большею частью принадлежали къ кругу ихъ общихъ друзей и знакомыхъ. Авторъ возвратилъ съ своимъ согласіемъ и съ просьбою прибавить еще одну, тоже общую ихъ знакомую, графиню Синявскую съ дочерью, и двухъ своихъ сослуживцевъ. Урановъ торжествовалъ.

Вотъ это именно общество и собралось въ означенный вечеръ въ большомъ и богатомъ домѣ Григорія Петровича и размѣстилось въ обширной комнатѣ, между кабинетомъ

и столовою, окнами на дворъ, чтобы ѣзда экипажей не мѣшала чтенію.

Григорій Петровичъ мало интересовался собствно романомъ, какъ справедливо упрекнулъ его авторъ, въ чемъ онъ и самъ сознался. Но слухъ о романѣ произвелъ сенсацію въ свѣтѣ, сталъ событіемъ дня, и поэтому сталъ и для него событіемъ. Съ утра до вечера онъ обыкновенно жилъ въ толпѣ, никогда не былъ и не умѣлъ быть одинъ. Все, что дѣлалось въ свѣтѣ—болѣе или менѣе касалось и его. Онъ былъ вдовецъ, принималъ у себя больше мужчинъ, рѣдко дамъ.

Онъ и совѣтъ свой, въ которомъ служилъ, любилъ потому, что онъ занималъ у него три утра въ недѣлю. Онъ называлъ его утреннимъ клубомъ, въ отличіе отъ вечерняго, т.-е. англійскаго клуба. Въ свободныя утра, онъ или самъ ѣхалъ, или къ нему ѣхали съ визитами; потомъ онъ обѣдалъ у знакомыхъ, или у него обѣдали знакомые. Онъ щеголялъ гастрономическими обѣдами, на которые приглашалъ тонкихъ знатоковъ изъ гастрономовъ-пріятелей. Вечера—тоже въ свѣтѣ, или у себя, а больше въ клубѣ, за картами.

Такъ проходило незамѣтно восемь мѣсяцевъ въ году. Въ маѣ начиналась для него трудная пора, застой, истома. Всѣ разъѣзжались — кто въ деревню, кто за границу, многіе на дачу: всѣ врозь. И онъ переѣзжалъ поневолѣ куда-нибудь, больше на острова, чтобы не удаляться отъ города. Но небольшой, относительно, кружокъ остававшихся знакомыхъ мало удовлетворялъ его. У него оставались незанятые вечера. Да и что за вечера лѣтомъ въ Петербургѣ, безъ темноты, безъ огней! Ему нужно было всѣхъ, весь городъ, и онъ не зналъ, что съ собою дѣлать. Онъ угрюмо встрѣчалъ „лучезарнаго Феба", когда тотъ, вскорѣ послѣ полуночи, начиналъ опять сіять на

горизонтѣ и просился въ окна, когда онъ еще и заснуть не успѣлъ.

Вообще, такъ называемую природу, лѣса, горы, озера и прочее, онъ терпѣть не могъ.

— Нашли какую рѣдкость — хорошій воздухъ! Еще рекомендуютъ, какъ лѣкарство! ворчалъ онъ сердито, нюхая воздухъ въ аллеяхъ елагинскаго парка. — А чѣмъ воздухъ дурнѣ въ клубѣ, или хоть въ нашемъ совѣтѣ, если только не садиться близко къ Петру Ѳомичу, да къ Семену Яковлевичу!

Такъ и теперь въ маѣ онъ началъ скучать, не досчитываясь то сосѣда за столомъ въ совѣтѣ или въ клубѣ, то партнера въ вистѣ — и всякое утро вставалъ съ вопросами. „Кто изъ знакомыхъ уѣзжаетъ сегодня? У кого закрылись пріемные дни? Куда потратить онъ утро, съ кѣмъ будетъ обѣдать, какъ убьетъ вечеръ?"

И вдругъ, какая находка: созвать гостей на чтеніе романа!

Хорошъ или дуренъ романъ, будутъ довольны слушатели авторомъ и авторъ слушателями—дѣло для него совсѣмъ не въ томъ. А въ томъ, что вся эта процедура займетъ у него цѣлую недѣлю: разъѣзды, приглашенія и, наконецъ, желанный вечеръ, проведенный по зимнему, далеко за полночь, потомъ ужинъ до утра! Кромѣ того, послѣ долго будутъ говорить, что авторъ читалъ первый разъ, почти публично, у него, у Уранова!

Однако онъ, обдумывая (прежде и старательнѣе всего) меню ужина, позаботился, надо отдать справедливость его умѣнью жить, и о томъ, чтобы общество слушателей имѣло и авторитетныхъ представителей литературнаго міра. Онъ пригласилъ, прежде всего, извѣстнаго профессора словесности, написавшаго много книгъ о литературѣ; потомъ одного старика, Краснопѣрова, своего сослуживца и прія-

теля, предполагая въ немъ знатока литературы, потому что онъ былъ когда-то пріятелемъ Греча и Булгарина: наконецъ, одного пожилого бѣлетриста, знакомаго ему по клубу.

Сверхъ того, Григорій Петровичъ поручилъ племяннику своему, студенту, который жилъ у него въ домѣ и котораго онъ, не имѣя своихъ дѣтей, любилъ, какъ сына, помочь ему сдѣлать вечеръ занимательнымъ и привести кого-нибудь изъ новыхъ литераторовъ. Тотъ обѣщалъ представить редактора одного извѣстнаго журнала и критика, по части бѣлетристики, какой-то газеты.

Авторъ явился за пять минутъ до восьми часовъ и прежде всего выразительно и дружески привѣтствовалъ приглашенную по его желанію графиню Синявскую, потомъ поздоровался со всѣми прочими знакомыми и обѣгло познакомился съ неизвѣстными ему слушателями, которыхъ представлялъ ему хозяинъ, называя ихъ по именамъ. Авторъ отвѣчалъ кому пожатіемъ руки, кому поклономъ или полупоклономъ, инымъ сказалъ нѣсколько словъ.

Потомъ онъ подошелъ къ столу, взялъ у своего сослуживца, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхалъ, портфель, отперъ его, вынулъ нѣсколько мелко и красиво исписанныхъ тетрадокъ и, окинувъ общимъ взглядомъ общество, сказалъ любезно:

— Я готовъ, прикажете начать?

Всѣ поклонились и поспѣшили занять свои мѣста. Онъ бережно отодвинулъ отъ себя подносъ съ сахаромъ и зельтерскою водою, съ лимонадомъ, оршадомъ, и всѣмъ, что ставятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ подъ носомъ чтеца, чего почти никогда не пьютъ и отъ чего бываетъ только тѣснота на столѣ. Потомъ онъ началъ читать пріятнымъ, густымъ баритономъ.

Взглянемъ прежде на гостей, потомъ послушаемъ.

Гости расположились на креслахъ, нать, dos-à-dos и

другой покойной мебели, неправильнымъ полукругомъ, въ три ряда.

Впереди сидѣли дамы. Одна—княгиня Тецкая съ дочерью. Княгиня, въ темномъ платьѣ моаръ-антикъ, въ бархатной мантильѣ, которую сбросила на спинку стула, съ сафьянымъ краснымъ мѣшкомъ, откуда она достала какое-то вязанье, съ бѣлыми костяными спицами, и начала работать, впрочемъ, кажется, больше для вида, потому что изъ пяти только одинъ разъ попадала спицею, какъ слѣдуетъ. Она часто опускала руки съ вязаньемъ на колѣни, безпрестанно вздрагивая, будто отъ испуга или отъ внезапной боли, и сильно мигая. Иногда даже у нея вырывалось нѣчто въ родѣ „аха“ или „оха“, сопровождаемаго опять вздрагиваніемъ. На это почти никто не обращалъ вниманія: всѣ знали, что у нея „нервы“ и привыкли къ этому.

На лицѣ и во всей фигурѣ княжны, ея дочери, напротивъ, покоилось непарушимое спокойствіе: ни удовольствія, ни скуки не выражало это лицо. Можно было бы назвать его мраморнымъ изваяніемъ, если бы—когда въ романѣ заходила рѣчь о любви—это лицо не принимало внезапно выраженія ничего не понимающей невинности.

Княжна сидѣла нѣсколько впереди всѣхъ. Свѣтъ лампы сбоку ярко освѣщалъ ея голову, бюстъ и руки.

Она была одѣта въ розовое съ бѣлымъ отливомъ платье, въ рукѣ держала черепаховый вѣеръ, на колѣняхъ былъ небрежно брошенъ кружевной платокъ. Мать часто оглядывала туалетъ дочери: не отдѣлилась ли какая-нибудь непокорная прядь волосъ, правильно ли лежитъ на шеѣ и на груди цѣпочка съ брильянтовымъ крестикомъ, красиво ли драпируется шлейфъ около ногъ. Носокъ розовой миніатюрной ботинки кокетливо выглядывалъ изъ-подъ платья и все время, пока продолжалось чтеніе, оставался на виду.

Подлѣ нихъ, немного позади, помѣстилась полная, кругленькая, невысокаго роста дама лѣтъ тридцати, съ голубыми, какъ небо, дѣтскими глазами, въ голубомъ платьѣ, съ голубымъ же головнымъ уборомъ. На ея большомъ и красивомъ, какъ у здоровой кормилицы, лицѣ разливались нѣрокія пятна румянца и съ губъ не сходила улыбка, тоже дѣтская. Она вошла съ этой улыбкой, здоровалась ею же со всѣми, съ улыбкой слушала чтеніе и уѣдетъ съ тою же стереотипною улыбкою, которая такъ же извѣстна была всѣмъ ея знакомымъ, какъ и вздрагиванія и „ахи“ княгини Тецкой, или выраженіе непониманія при намекахъ на любовь, на лицѣ княжны. Она являлась съ этою улыбкою вездѣ, даже на похороны—и теперь таяла отъ удовольствія, еще до начала чтенія.—Ça doit être joli! шептала она сосѣдямъ. Это была извѣстная въ свѣтѣ вдова Гилина, всегда всѣмъ довольная, всѣхъ любившая и всѣми любимая и балуемая, и страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ.

Подлѣ самаго автора, вплотную къ нему, пристѣлъ старикъ графъ Нестовъ, свѣтская окаменѣлость, напоминавшая Тугоуховскаго. Онъ уже лѣтъ десять смотрѣлъ тусклымъ взглядомъ вокругъ себя, не всегда и не все понимая, что происходитъ. Онъ поминутно забывалъ о чемъ говорить, иногда и съ кѣмъ говорить, подчасъ не узнавалъ даже родныхъ внуковъ. Зато, какъ это часто бываетъ съ долговѣчными стариками, онъ помнилъ до мелочей свой вѣкъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, и служилъ живымъ архивомъ для справокъ; онъ помнилъ всѣхъ современниковъ, крупныя событія и мелкія сплетни, хронологію, анекдоты, даже у кого въ домѣ когда собирались, чей лучше былъ поваръ и т. п. Его возили вездѣ, какъ и Тугоуховскаго, между прочимъ и потому, что онъ боялся оставаться одинъ дома и умереть. Привезутъ его, посадятъ въ поко-

ное кресло и посылают то того, то другого гостя по очереди, поговорить съ нимъ, потомъ оставятъ. А онъ поситтитъ, пожуетъ губами, пошепчетъ что-то и задремлетъ.

Онъ, приставивъ руку къ уху, внимательно слушалъ чтеніе.

Далѣе, въ тѣни абажура лампы помѣстилась на маленькомъ пати та дама, которую пригласилъ авторъ, графиня Синявская, и рядомъ, близко, почти на колѣни къ ней, прильнула семнадцатилѣтняя прелестная брюнетка, ея дочь, въ простомъ розовомъ барежевомъ платьѣ, съ кисейнымъ шарфомъ на шеѣ, безъ вѣера, даже безъ перчатокъ, которыя она сняла, лишь только сѣла, и положила на столикъ рядомъ. У нея съ кистей рукъ еще не спала, какъ у многихъ подростковъ, краснота молодой крови. Ея свѣтло-каріе глаза сыпали снопы лучей наивной, нескрываемой радости отъ всего, что она тутъ видитъ и слышитъ. Она робко, стороной, бросала застѣнчивые, но любопытные взгляды на все и на всѣхъ: на автора, на глухого графа Нестова, на первыя вздрагиванья княгини Тецкой, на туалетъ княжны и Ирины—и потомъ смотрѣла на мать, какъ будто спрашивая, такъ ли она держитъ себя, какъ слѣдуетъ.

Мать отвѣчала на ея взглядъ улыбкой, какая бываетъ только у матерей. Видно было, что дочь выѣзжаетъ недавно и что все ей было новость.

У самой графини былъ изящный профиль, матовая бѣлизна лица, темно-сѣрые умные глаза, и какая-то тонкая, загадочная улыбка, такъ что нельзя было угадать, порицаетъ она ею или одобряетъ что-нибудь, радуется, или смѣется про себя.

За эти умные глаза и загадочную улыбку—ее прозвали сфинксомъ. Она была еще молода, и въ особенности мо-

жава, такъ что казалась скорѣе старшею сестрою, нежели матерью своей дочери.

Она мелькомъ давно оглядѣла слушателей, потомъ почти не спускала глазъ съ автора, иногда взглядывала на дочь, говорила ей тихо, съ улыбкой, слова два: и опять слушала чтеніе.

Авторъ, отрывая глаза отъ рукописи, каждый разъ прежде всего обращалъ взглядъ на графиню, очевидно справляясь съ ея впечатлѣніемъ, потомъ уже переходилъ къ сидѣвшему близъ нея старику Чешневу, а на остальныхъ изрѣдка кидалъ общій, неопредѣленный взглядъ.

Старикъ Чешневъ сидѣлъ на стулѣ, скрестивъ руки на груди, положивъ ногу на ногу.

У него были рѣдкія и мягкія сѣдины, благодушное, почти женское выраженіе лица и умные, проницательные глаза, которые иногда прищуривались, иногда покрывались задумчивостью. Закинувъ немного назадъ голову, съ большимъ, открытымъ лбомъ, онъ слушалъ внимательно чтеніе, какъ будто вокругъ никого и ничего не было.

За нимъ, во второй шеренгѣ, помѣщались: профессоръ словесности, потомъ тотъ гость, котораго въ качествѣ литературнаго эксперта, пригласилъ на чтеніе хозяинъ, потому что онъ былъ знакомъ съ Гречемъ и Булгаринымъ, и еще пожилой бѣлетристъ Скудельниковъ.

Профессоръ слушалъ съ строгимъ, офиціальнымъ вниманіемъ, склонивъ немного голову на бокъ и сохраняя приличную случаю мину.

Пріятель Греча и Булгарина—слушалъ, опустивъ подбородокъ въ широкое жабо галстука, иногда покачивалъ головою или зѣвалъ въ ладонь и разсѣянно поглядывалъ на картины, развѣшенныя на стѣнахъ.

Сосѣдъ ихъ, бѣлетристъ Скудельниковъ, какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ

или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—вообще ко всему вокругъ себя.

Григорій Петровичъ вытащилъ его изъ его гнѣзда, обѣщалъ хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хорошій ужинъ. Онъ и пріѣхалъ.

Дальше сидѣлъ приглашенный племянникомъ-студентомъ, по просьбѣ дяди, редакторъ журнала, средняго роста, среднихъ лѣтъ, довольно полный блондинъ, приличной наружности, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ gibus въ рукахъ, слушавшій чтеніе съ выраженіемъ учтиваго равнодушія на лицѣ.

Потомъ сидѣли человѣка два-три такихъ слушателей, которые находили, что если зовутъ на чтеніе чего-нибудь, то это должно быть очень хорошо. За ними помѣщались и такіе, которые были всегда того мнѣнія, что если зовутъ на чтеніе, то непремѣнно будетъ очень скучно.

Между послѣдними особенно выдавался гость, пожилой, полный, съ одышкой, Иванъ Ильичъ Суховъ, который былъ приглашенъ потому, что былъ короткій пріятель и любимый застольный товарищъ хозяина—и въ совѣтѣ, и въ англійскомъ клубѣ. Онъ обнаруживалъ кое-какіе знаки нетерпѣнія при чтеніи: дышалъ громко, то ртомъ, то носомъ, иногда прикрывалъ рукою зѣвоту и пробовалъ заговаривать съ сосѣдями, чаще всего съ военнымъ генераломъ, еще не старымъ, крѣпкимъ, здоровымъ человѣкомъ, съ бодрой осанкой и простымъ, но энергическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ извѣстенъ, какъ отличный боевой генералъ и вмѣстѣ хорошій администраторъ по военной части, и на литературу смотрѣлъ нѣсколько съ съ боевой точки зрѣнія, читая, что попадется, въ видѣ отдыха, а чаще и вовсе ничего не читая. Онъ, съ хозяи-

номъ, съ Суховымъ и съ самимъ авторомъ романа—быль въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ службѣ, и въ обществѣ, и они составляли собою свой тѣсный кружокъ.

Не далеко отъ нихъ сидѣлъ на плетеномъ, простомъ стулѣ, одѣтый, такъ же, какъ и журналистъ, во фракъ и бѣломъ галстукѣ, одинъ изъ приглашенныхъ сослуживцевъ автора, человѣкъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ серьезнымъ лицомъ, съ крупною морщиною на лбу отъ напряженнаго вниманія, съ какимъ онъ слушалъ, сидя прямо и держа шляпу на колѣняхъ.

Онъ, казалось, съ трудомъ или неохотно вникалъ въ смыслъ чтенія, пытливо поглядывая то на автора, то на того или другого изъ слушателей.

Это былъ Иванъ Ивановичъ Кальяновъ, сослуживецъ и одинъ изъ главныхъ помощниковъ автора въ комиссіи по преобразованіямъ и по другимъ дѣламъ, какія на того возлагались. Онъ считался столпомъ въ администраціи и правою рукою своего предсѣдателя. Вѣрнѣе, точнѣе и свѣдущѣе по своей части исполнителя, какъ этотъ Иванъ Ивановичъ, не было даже ни у одного министра. Самъ онъ никогда ничего не придумывалъ и не предлагалъ новаго, но бралъ предложенный ему матеріалъ—проектъ ли закона, новую какую-нибудь мѣру и, вооруженный уставами, положеніями, сводомъ законовъ, указами, инструкціями, органически воплощалъ идею, давая ей плоть и кровь.

Онъ удивлялся производительной головной дѣятельности своего предсѣдателя, изобрѣтательности и блеску его ума, а тотъ чувствовалъ, что безъ такого техника—организатора, какъ этотъ Иванъ Ивановичъ, его идеи и планы, указанія и desiderata—не достигали бы своей цѣли.

Они были тѣсно связаны узами, если не дружбы, такъ службы, и взаимно уважали другъ друга.

Въ комиссіи у нихъ все было разное: вкусы, склонности, удовольствія. Одинъ жилъ въ свѣтѣ, въ большомъ кругу, другой—дома, за бумагами, а вечеромъ дома же, за картами съ двумя-тремя пріятелями, partie fixe.

Какъ такой человѣкъ попалъ на это чтеніе? Онъ и самъ не могъ надивиться этому. Это случилось нечаянно.

Заглянувъ однажды съ бумагами въ кабинетъ къ предсѣдателю комиссіи и увидѣвъ, что тотъ углубленно пишетъ, Кальяновъ на цыпочкахъ вышелъ вонъ. Но дверь скрипнула и предсѣдатель воротилъ его.

— Это вы, Иванъ Ивановичъ: что же не вошли? спросилъ онъ.

— Вы, кажется, очень заняты.

— То, что вы принесли и вообще приносите мнѣ, всегда важнѣе того, что я дѣлаю безъ васъ, и особенно въ эту минуту! любезно, съ улыбкой, сказалъ тотъ, отодвигая свое писанье въ сторону и приглашая его сѣсть.— Что у васъ?

Тотъ подалъ ему двѣ бумаги и какіе-то чертежи и прибавилъ длинное, словесное объясненіе.

— Вотъ тутъ планъ, смѣта и справки, сказалъ онъ, указывая другую бумагу: — и чертежи, и заключеніе. Угодно вамъ согласиться, такъ я велю заготовить докладъ, потому что всѣ члены согласны.

— Знаю, знаю! Хорошо, оставьте. Я посмотрю — и завтра возвращу вамъ съ отвѣтомъ. Больше ничего нѣтъ?

— Есть, но то можно оставить до слѣдующаго засѣданія, а это намъ поскорѣе бы сбыть. Тамъ ждутъ.

Кальяновъ всталъ.

— Куда же вы? Сейчасъ чай подадутъ, вотъ сигара! удерживалъ Левъ Ивановичъ Бобиковъ—такъ звали предсѣдателя.

— Благодарю, меня дома ждутъ, да и вы заняты!

— Знаете, чѣмъ я занятъ? сказалъ Левъ Ивановичъ, придвигая къ себѣ тетрадь, которую писалъ до того.

Кальяновъ молчалъ.

— Романъ пишу.

Тотъ все молчалъ, только немного поднялъ брови.

— Вы не вѣрите? спросилъ Бобковъ, улыбаясь.

Тотъ отвѣчалъ тоже улыбкой.

— Хорошъ долженъ быть романъ, сказалъ онъ, поглядывая на тетрадь. — Пожалуй, отъ него канцеляріи на полгода работы хватитъ, а дѣлопроизводителю, т.-е. вашему покорному слугѣ, опять по ночамъ не спать!

Левъ Ивановичъ засмѣялся.

— Не бойтесь! вамъ угрожаетъ одна опасность: выслушать его и сказать ваше мнѣніе.

— И такъ и зналъ, что будетъ работа! А позвольте узнать, о чемъ этотъ романъ? Не опять ли о введеніи предварительныхъ мѣръ въ видѣ опыта?... Мнѣніе мое вы уже знаете...

— Нѣтъ, нѣтъ! со смѣхомъ возразилъ Бобковъ: — романъ, настоящій романъ! Почему вы не вѣрите?

— Не станете вы заниматься...

— Такимъ вздоромъ, да? Говорите прямо!

Кальяновъ молчалъ изъ учтивости.

— Какое варварство, Иванъ Ивановичъ! Вы не знаете, что въ наше время газеты и романъ сдѣлались очень серьезнымъ дѣломъ! Газета — это не только живая хроника современной исторіи, но и архимедовъ рычагъ, двигающій европейскій міръ политики, общественныхъ вопросовъ: а романъ пересталъ быть забавой: изъ него учатся жизни! Онъ сдѣлался руководствующимъ кодексомъ къ изученію взаимныхъ отношеній, страстей, симпатій и антипатій... словомъ, школой жизни!

Кальяновъ сталъ небрежно смотрѣть въ сторону.

„Знаю, что мастеръ говорить!“ думалъ онъ: „вонъ какъ— точно зубы заговариваетъ: и о чемъ же — о романѣ! Чудки! Этакій богачъ—и станетъ писать!“

— Теперь всѣ бросились на романъ, продолжалъ Бебиковъ: — одни пишутъ, другіе читаютъ. Государственные люди, политики, женщины, даже духовныя лица написали много романовъ, и всѣ учатъ, или учатся уловлять тонкіе законы индивидуальной, общественной, политической, соціальной и всякой жизни—изъ романовъ!

„А все-таки это вздоръ!“ подумалъ Кальяновъ, но не рѣшился сказать вслухъ, думая: „а ну, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ пишетъ этотъ... вздоръ! Неловко! Да нѣтъ, не можетъ быть!“

Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Все не вѣрите? сказалъ Бебиковъ: — а вотъ повѣрите, когда я приглашу васъ послушать! Вы не откажетесь?

— Нѣтъ, я всегда слушаю все, что вамъ угодно мнѣ читать... сказалъ онъ покорно.

— И часто опровергаете, но всегда съ успѣхомъ и пользой для дѣла...

— Развѣ это дѣло? вдругъ сорвалось съ языка у Кальянова.

Оба засмѣялись.

— Вы запомнили только одно слово „вздоръ“, сказалъ предсѣдатель:—а мое разсужденіе о значеніи романа...

— Принялъ къ свѣдѣнію, подсказалъ Кальяновъ.

— Примите же его и къ исполненію! добавилъ Левъ Ивановичъ:—и когда я приглашу васъ послушать, скажите свое мнѣніе. Да?

Кальяновъ поклонился, еще разъ недовѣрчиво взглянулъ на начальника, покосился на тетрадь — и вышелъ, все раздумывая о томъ, насколько хватитъ всей комиссіи и ему работы.

„Вотъ тебѣ и будетъ романъ!“ заключилъ онъ.

Предсѣдатель не то чтобы интересовался знать мнѣніе Ивана Ивановича о романѣ, но пригласилъ его потому, что пришлось кстати, и потому еще, что хотѣлось оказать любезность своему помощнику. Кальяновъ и забылъ объ этомъ разговорѣ.

Но каково было его удивленіе, когда, черезъ мѣсяцъ послѣ того, именно въ маѣ, Левъ Ивановичъ, однажды, послѣ доклада, сказалъ, что Григорій Петровичъ Урановъ заѣдетъ къ нему, Кальянову, пригласить его на чтеніе романа.

— Какого романа? вдругъ спросилъ Кальяновъ и тутъ только вспомнилъ бывшій разговоръ.

— Вы слово дали! напомнилъ начальникъ.

— Ужели это... не мистификація? спросилъ онъ нерѣшительно.

— Вотъ какая мистификація—полюбуйтесь!

Бобиковъ показалъ ему кучу мелко исписанныхъ тетрадей.

— Смотрите же—я ожидаю вашей критики! прибавилъ онъ.

Кальяновъ ушелъ въ раздумья, все не вѣря и предполагая какой-нибудь сюрпризъ.

„Соберетъ, чего добраго, всю комиссію туда, на вечеръ къ Уранову, да и прочтетъ какой-нибудь проектъ или „идею...“ отъ него станется! Охъ ужъ эти мнѣ идеи!“

Однако въ назначенный вечеръ, онъ надѣлъ фракъ, бѣлый галстукъ и поѣхалъ къ Уранову.

„И женщины тутъ: что-жъ это въ самомъ дѣлѣ—ужели такъ-таки романъ и есть?“ шепталъ онъ, робко усаживаясь въ третьей шеренгѣ слушателей.

Другой сослуживецъ автора, Фертовъ, напротивъ вовсе не садился. Онъ рѣялъ, какъ зефиръ, между слу-

нателями и, наклоняясь то къ тому, то къ другому, особенно къ дамамъ, роняль по нѣскольку словъ восторженныхъ похвалъ о романѣ, который уже слышалъ.

Онъ былъ высокій красивый и отлично одѣтый господинъ, лѣтъ сорока, юркій, свѣтлоокій блондинъ, съ проборомъ посреди головы, съ бакенбардами, струями падавшими къ плечамъ, съ изящными манерами, — словомъ, представительная салонная фигура.

Фертовъ былъ тоже необходимое лицо у автора—и по службѣ, и по всякимъ другимъ дѣламъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ Кальяновъ. Онъ добывалъ особенныя, предварительныя справки по дѣламъ, дѣлалъ развѣдки, tâtait le terrain въ томъ или другомъ вѣдомствѣ — не путемъ бумажныхъ отношеній, а лично: былъ употребляемъ для компромиссовъ, улаживалъ пути, устранялъ, своимъ ловкимъ и пріятнымъ характеромъ, недоразумѣнія и т. д. Онъ же былъ вѣрнымъ эхомъ городскихъ новостей и слуховъ, особенно въ высшихъ сферахъ.

Сзади всѣхъ, въ углу, у камина, помѣстился газетный критикъ, Кряковъ, котораго привелъ, согласно обѣщанію, племянникъ хозяина. Онъ былъ средняго роста, съ темно-русой густой бородой, въ которой пряталась вся нижняя часть лица и отчасти носъ. Одѣтъ онъ былъ въ коротенькомъ пиджакѣ и въ свѣтлыхъ брюкахъ, по-лѣтнему. Онъ жалъ въ рукахъ сѣрую, мягкую шляпу и, повидимому, не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ укрывался въ тѣни угла, куда его привелъ студентъ, представивъ сначала дядѣ.—Сиди тутъ: я помогу дядѣ принять гостей, потомъ приду къ тебѣ! сказалъ онъ.—Смотри не надуй, а то я удеру! отвѣчалъ тотъ.

И онъ сталъ смотрѣть на каждаго гостя, на самого хозяина, на автора, на все окружающее, задѣвалъ ногою за ящицы, которые гремѣли о рѣшетку камина, и, кажется,

не разъ хотѣлъ встать и въ самомъ дѣлѣ уйти. Но все притихло, началось чтеніе—и онъ усѣлся.

Черезъ четверть часа послѣ начала чтенія, явились еще три слушателя, двое военныхъ молодыхъ людей и третій—статскій. Первые два осторожно несли сабли въ рукахъ—и всѣ трое, a pas de loups, подкрались къ кружку. взяли три стула, безъ шума поставили ихъ на коверъ и тихо опустились на нихъ, за спиною автора.

На нихъ никто не обратилъ вниманія, только хозяинъ дома ласково погрозилъ имъ пальцемъ, да княжна Тецкая бросила быстрый взглядъ на статскаго. Онъ поклонился, больше глазами, но она не повторила своего взгляда.

Романъ начался съ описанія блестящаго бала, на которомъ являются два главныя лица романа, или герой и героиня. Онъ — графъ, она — княгиня. Она блестящая звѣзда большого свѣта, по красотѣ, изяществу, уму. Онъ—красивый, ловкій и тоже блестящій молодой человѣкъ. офицеръ одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ.

Онъ, подъ маскою строгаго приличія, едва сдерживаетъ пылъ страсти къ своей княгинѣ: онъ ищетъ ея взгляда, хочетъ ей сказать слово: но она будто не замѣчаетъ его. и отъ нея, какъ отъ Онѣгинской Татьяны, вѣетъ холодомъ и неприступностью. Онъ въ ужасѣ: отчего такая перемѣна! Еще такъ недавно, дня три тому назадъ, на немъ покоился ея взглядъ, полный такого сочувствія, ему говорились тихія рѣчи нѣжной страсти—и вдругъ теперь даже не глядитъ! Что такое произошло? Онъ ходилъ изъ залы въ залу, слѣдя за княгинею, и ловилъ минуту, чтобы узнать, что значитъ эта перемѣна, отчего у нея какая-то тревога, сдержанное страданіе на лицѣ?

— Я не видалъ васъ цѣлую вѣчность—и вотъ пріемъ!

тихо упрекнулъ онъ, подходя къ ней, когда она была одна.

— А я видѣла васъ вчера, сухо отозвалась она, не глядя на него.

— Гдѣ? когда?

— Я проѣзжала по мосту, черезъ Фонтанку, и издали видѣла, какъ вы гуляли по набережной... съ дамою кажется... да?

— Да... правда... запинаясь сказалъ онъ.

— Кто эта дама? не секретъ? небрежно спросила она, обмахиваясь вѣеромъ.

Онъ не вдругъ отвѣчалъ, ему и не хотѣлось отвѣчать, но дѣлать было нечего.

— Это... это... m-me Armand... французская артистка...

— А! холодно сдѣлала она и пристально поглядѣла на него.

— Я встрѣтилъ ее нечаянно и прошелся съ нею...

— Я не требую объясненій и подробностей! сухо перебила она и отошла.

Онъ слѣдилъ, какъ она, поговоривъ съ тѣмъ, съ другимъ, подошла къ дѣвицѣ Индіи N. и сѣла подлѣ нея.

— Я вчера заѣзжала къ вамъ, chère Lydie, около трехъ часовъ, но васъ не было; гдѣ вы были? спросила она.

— Да, мнѣ maman сказывала; я очень жалѣла... Мнѣ необходимо было выѣхать...—отвѣчала Индія, но не сказала куда.

— Мнѣ показалось, что я васъ видѣла на улицѣ и я заѣхала узнать, не ошиблась ли я?

Она взглянула на Индію и видѣла, что та смутилась. И княгиня сама измѣнилась въ лицѣ.

„Mon Dieu!“ воскликнула каждая изъ нихъ про себя.

„Ужели она замѣтила!“ подумала Индія.

„Это была она!“ подумала княгиня.

Балъ былъ къ концу, княгиня тронулась съ мѣста и направилась къ выходу; графъ предупредилъ ее. Онъ подалъ ей руку.

— A demain... n'est-ce pas? Puis-je vous suivre? бормоталъ онъ.

Она не взяла руки.

— Vous croyez vous adresser à Lydie N. peut-être? сказала она:—vous vous trompez; la voilà!—Она указала вдаль вѣеромъ, гдѣ сидѣла Лидія.—Restez auprès d'elle.—Général! donnez moi votre bras! обратилась она къ проходившему мимо генералу и пошла подъ руку съ нимъ по лѣстницѣ, не бросивъ на героя взгляда.

Онъ оцѣпенѣлъ на мѣстѣ, потомъ медленно воротился въ залу. Онъ посмотрѣлъ на Лидію, прелестную молодую блондинку, въ цвѣтѣ лѣтъ, стройную, граціозную, съ умными глазами, просто и со вкусомъ одѣтую.

Онъ сказалъ ей какую-то банальную фразу и глядѣлъ ей пристально въ глаза, въ надеждѣ, не объяснитъ ли она намекъ княгини.

Глаза ея дѣйствительно высказывали что-то особенное. Взглядъ ея блуждалъ разсѣянно кругомъ, ни на чемъ не останавливаясь; очевидно мысль ея была не тутъ. Она была задумчива, почти печальна, вѣроятно подъ вліяніемъ бѣглаго разговора съ княгиней. Но графъ не слыхалъ этого разговора, да если бы и слышалъ, то все не добился бы ключа къ намеку княгини.

Постоявъ съ минуту передъ нею, графъ пошелъ къ выходу и на лѣстницѣ столкнулся съ адъютантомъ, барономъ В., который вертѣлся около и видѣлъ сцену прощанія съ нимъ княгини: какъ она не приняла руки графа и пошла съ генераломъ. Баронъ бросился за нею и, проводивъ ее вмѣстѣ съ генераломъ до кареты, возвращался на балъ. Онъ

съ ироніею взглянулъ на графа. Онъ былъ неравнодушенъ къ княгинѣ и терпѣть не могъ графа, какъ предпочтеннаго соперника. Графъ понималъ его положеніе и прощалъ ему, т.-е. былъ равнодушенъ къ его ненависти. Но тотъ, какъ шекспировскій Яго, искалъ случая мстить ему.

Между тѣмъ, графъ, мучимый холодностью княгини, написалъ ей письмо, въ которомъ объяснялъ, какъ онъ, наканунѣ бала, встрѣтилъ m-me Armand, выходившую изъ одного дома и не нашедшую своей кареты. Онъ вышелъ изъ саней и пошелъ съ нею пѣшкомъ по набережной Фонтанки до Невскаго проспекта, гдѣ они и разстались. Онъ предложилъ ей свои сани и она уѣхала. Онъ прибавилъ, что эта m-me Armand извѣстна всей jeunesse dorée Петербурга, что она состоитъ въ тѣсной зависимости отъ одного извѣстнаго лица, что весь городъ это знаетъ и что подозрѣвать его было бы недостойно ни княгини, ни его собственнаго характера, и такъ далѣе.

Но онъ не прибавилъ, какъ онъ весело болталъ съ француженкою, наклонялся къ ней, шутилъ, смѣялся, велъ съ нею живой, маскарадный разговоръ.

А княгиня видѣла это. Съѣхавъ съ моста, она велѣла кучеру остановиться и пристально слѣдила за ихъ прогулкою. Она видѣла ихъ сзади и не могла разглядѣть лицо дамы; она видѣла только ея фигуру и ростъ—все это было поразительно похоже на фигуру и ростъ Лидіи. особенно двѣ длинныя букли были точь-въ-точь такія, какъ у той: и цвѣтъ такой же, и такъ же выпущенныя изъ-подъ шляпки назадъ, онѣ скользили по ея плечамъ. Остальные признаки подсказало воображеніе, т.-е. ревность. Княгиня нашла похожею и походку дамы, и такую же соболью шубку, какъ у Лидіи, и все.

Здѣсь авторъ романа вошелъ въ тонкій психологическій анализъ ревности: какъ эта послѣдняя наблюдаетъ всѣ мел-

кіе признаки, сама создаетъ многіе, группируетъ ихъ, и творитъ адъ въ душѣ своей жертвы.

Княгиня, проводивъ ихъ далеко глазами, велѣла ѣхать въ домъ Индіи N, чтобы увѣриться, дома ли она, или нѣтъ, и не застала ее. Вотъ причина ея допроса у Индіи, гдѣ она была? Смущеніе Индіи подтвердило ея догадки, а слѣпая ревность превратила ихъ въ увѣренность. Она отгоняла спасительныя сомнѣнія, которыя проснлись ей въ умъ въ видѣ вопросовъ: „какъ Индія, дѣвица, принадлежащая къ лучшему обществу, у которой есть родители—люди съ положеніемъ, со связями въ большомъ свѣтѣ, вдругъ будетъ играть своей репутаціей, уѣзжать одна изъ дома на секретныя свиданія, гулять открыто вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ, котораго всѣ знаютъ?“ Княгиня отгоняла эти вопросы, какъ „докучливыхъ мухъ“, по словамъ автора, потому что ревность, разъ потерявши главную точку опоры, здравую логику, какъ всякая горячка, т.-е. страсть, питается и поддерживается галлюцинаціями и сама создаетъ себѣ рядъ пытокъ. Кстати княгиня вспомнила, что Индіи уже двадцать лѣтъ, что отецъ ея поглощенъ службою, а мать—болѣзненная женщина и выѣзжать съ нею не можетъ; что Индія выѣзжаетъ съ компаніонкою, а часто и одна; что на ней даже лежатъ обязанности по управленію домомъ и что она, не въ примѣръ многимъ другимъ дѣвицамъ, пользуется значительною долею самостоятельности. Это всѣ знали въ свѣтѣ, но никогда никому не приходило въ голову видѣть что-нибудь таинственное и лукавое въ ея поведеніи: это противорѣчило бы личному ея характеру, воспитанію и нравственному складу и тону всего ихъ дома и семьи, всѣми уважаемыхъ.

Но княгиня не слушала этихъ голосовъ разума. Въ глазахъ ея сверкало какое-то красное пламя, внутри жгло.

„А отчего она смутилась, когда я намекнула, что ви-

дѣла ея? Отчего не договорила, гдѣ была?" терзала она себя вопросами... „Да, это была она! А Paul говоритъ... нѣтъ, какой онъ Paul: c'est un traître de la plus pire espèce!" казнила она его про себя: —„онъ вздумалъ увѣрять, что это m-me Armand! Онъ съ нею и не пошелъ бы: онъ презираетъ этихъ..." Она не досказала эпитета.

Она клала себя за то, что не бросилась вслѣдъ уходящей парѣ, что не остановила графа, не взглянула вблизи на женщину, а бросилась въ домъ Индіи. „Теперь я знала бы все!"

Она не думала, даже не вѣрила, чтобы свиданья графа съ Индіей заходили далеко, чтобы въ нихъ скрывалось что-нибудь похожее на то, что было между ею самою и графомъ... Нѣтъ, но она видѣла въ этой нѣжности графа къ Индіи зарю—не пылкой страсти, а молодой, свѣжей—такъ сказать—законной любви, той любви, которая охватываетъ всего человѣка и наполняетъ теплотой всю его жизнь. И она устунитъ, когда сама только что покорила этого рыцаря чести, мужской красоты, какой-то силы души и характера—и отдастъ его другой, едва расцвѣтшей, еще не начавшей жить!

„У той, разсуждала она,—жизнь вся впереди: ее ждетъ своя доля счастья! А она вдругъ отнимаетъ его у нея, изломаетъ ея страсть и вмѣстѣ съ нею и ее самое, княгиню: потому что ей больше ничего не останется въ жизни... Нѣтъ, нѣтъ! А онъ! Заплатитъ ей измѣной за все... какая низость! какая низость!"

Она вздрагивала, ворочаясь, послѣ бала, въ постели и уснула только подъ утро.

Послѣ полудня ей доложили, что пріѣхалъ баронъ В., адъютантъ. Она, давно зная его чувства къ ней и виды на нее, избѣгала его и принимала неохотно и рѣдко. А теперь велѣла просить.

Она ужаснулась, поглядѣвъ на себя въ зеркало, и старалась пудрой, и даже немного румянами, скрыть слѣды безсонной и мучительной ночи.

Баронъ пріѣхалъ не спроста. Онъ вчера уловилъ кое-какіе симптомы разлада между княгиней и графомъ, замѣтилъ сцену ихъ прощанія, потомъ разговоръ съ Лидіей N, у которой, послѣ отъѣзда княгини, онъ искусно развѣдалъ, о чемъ ей говорила княгиня. Та наивно отвѣчала, что княгиня думала, что видѣла ее на улицѣ, и заѣзжала къ ней узнать, не ошиблась ли она. И только. Но баронъ принялъ это къ свѣдѣнію и поѣхалъ къ княгини выпытать что можно. У него уже шевелилась мысль о возможности разрыва графа съ княгиней: надо помочь этому, довести до конца— и... и... Словомъ, у него заиграло въ головѣ.

Ему не стоило труда узнать въ чемъ дѣло. Княгиня, послѣ пустыхъ фразъ о вчерашнемъ балѣ, сама спросила: знаетъ ли онъ m-me Armand? Онъ конечно сказалъ, что знаетъ ее, какъ и многіе другіе, т.-е. весь кругъ золотой молодежи; что онъ бываетъ иногда у нея; что она очень живая, умная, любезная женщина, и наконецъ, въ свою очередь, спросилъ, почему она такъ интересуется ею.

— Такъ! сказала княгиня:—я видѣла ее на улицѣ, спросила, кто это, и мнѣ назвали ее... больше ничего.

Баронъ ничего не сказалъ. У него уже была нить въ рукахъ—и онъ, простившись съ княгиней, поѣхалъ прямо къ m-me Armand—постучаться тамъ, выяснить эту исторію и на ней основать свой планъ дѣйствія.

Онъ безъ труда узналъ отъ m-me Armand, что она недавно встрѣтилась съ графомъ, проѣхалась съ нимъ по набережной Фонтанки и доѣхала въ его саняхъ домой.

Барону стало ясно все. Что онъ далѣе говорилъ француженкѣ, осталось неизвѣстно; но только когда, послѣ этого, княгиня осторожно, стороной, черезъ преданныхъ ей

людей, изъ третьихъ рукъ, стала узнавать о прогулкѣ съ нею графа, m-me Armand jurait ses grands dieux, что она съ нимъ не встрѣчалась и не гуляла.

Отсюда начинается сложная драматическая путаница романа! Прежде всего значительно огласились въ свѣтѣ, до тѣхъ поръ только подозрѣваемыя отношенія княгини къ графу. Потомъ пронелъ глухой, неизвѣстно кѣмъ пущенный исподтишка (конечно барономъ) шопотъ о какой-то прогулкѣ Лиди съ графомъ наединѣ. На нее стали смотрѣть съ страннымъ любопытствомъ, которое она относила вовсе не къ прогулкѣ съ графомъ, чего и подозрѣвать не могла, а къ тому, что узнали, какъ она предполагала, одинъ ея секретъ.

А секретъ ея состоялъ въ слѣдующемъ. У нея была самая любимая ея по институту подруга и лучшій по уму и симпатичнымъ качествамъ души и сердца другъ, Лиза Ф. Онѣ вмѣстѣ росли, учились и вмѣстѣ вступили въ свѣтъ. Лиза Ф., по выходѣ изъ института, жила въ домѣ Лидіи, потому что у ней не было состоянія. Мать ея, вдова, сама жила въ деревнѣ у родной сестры, и предоставила дочери свою пенсію, тысячу двѣсти рублей. Обѣ онѣ не могли содержать себя этими средствами въ Петербургѣ и Лиза пріютилась въ семействѣ Лидіи N, какъ ея лучшій другъ, какъ сестра.

Такъ ихъ признавалъ и свѣтъ; онѣ два зимнихъ сезона являлись неразлучно всюду. На третій сезонъ Лидія вдругъ осталась одна. Лиза Ф. уѣзжала на лѣто къ матери и не возвращалась изъ деревни.

Такъ объявлено было въ кругу всѣхъ знакомыхъ—и только. Ни Лидія, ни ея отецъ и мать болѣе не распространялись объ этомъ. Это породило нѣкоторое сомнѣніе: стали наводить справки и узнали, что въ деревнѣ, у тетки, съ Лизой разыгрался какой-то романъ, кончившійся потомъ

такими послѣдствіями, за которыя тетка не захотѣла держать ее у себя, и что Лиза вернулась въ Петербургъ и живетъ съ матерью гдѣ-то въ глухомъ уединеніи, на маленькой квартирѣ, въ большой нуждѣ.

Это всѣ узнали, судили, рядили и казнили Лизу безпощаднымъ приговоромъ. О Лизѣ перестали говорить въ свѣтѣ; никогда не произносили имени ея и въ домѣ Индіи. Всѣ какъ будто условились забыть ее и наконецъ забыли. Не могла забыть въ ней лучшаго, единственнаго друга только Индія — и не забыла. Она не сочла себя вправѣ быть ея судьею, и не только сохранила, но удвоила къ ней свою нѣжность, окружила ее заботами, утѣшеніями, помощью—всѣмъ, въ чемъ такъ нуждалась теперь бѣдная, обманутая любовью, выброшенная изъ привилегированной среды женщина. Дружба не обманула ее. Индія объявила отцу и матери, что она не покинетъ друга въ бѣдѣ и нуждѣ, когда именно необходимъ другъ.

Отецъ обнялъ ее, мать заплакала: оба предоставили дѣлать ей что говоритъ ея сердце; они сами любили и жалѣли эту Лизу, но умоляли только дѣлать это втайнѣ, поберечь себя и не оскорблять законовъ свѣта.

Индія, разъ въ недѣлю, посвящала свободный вечеръ или утро, иногда цѣлый день, своей подругѣ и ѣздила въ наемной каретѣ, по вечерамъ въ сопровожденіи вѣрной и скромной горничной, а днемъ—одна, въ отдаленную улицу, въ маленькую квартиру, къ своей милой и дорогой Лизѣ Ф.

Наканунѣ бала, она провела тамъ утро, и вотъ причина ея смущенія, когда княгиня сказала, что видѣла ее гдѣ-то на улицѣ.

Оскорбленная княгиня не принимала графа и не отвѣчала на его письма. Только на одномъ изъ нихъ, возвращенномъ нераспечатаннымъ, она написала карандашомъ:

„vous avez menti. Adieu!" Онъ былъ въ ужасѣ. Свѣтскій судъ не пощадилъ ее; его толки дошли до нея и она, съ первыми весенними лучами, уѣхала въ свое родовое имѣніе, заперлась, съ компаніонкой, въ замкѣ—и никуда не выѣзжала.

Лидія тоже не выдержала косыхъ взглядовъ, улыбокъ, шопота... она занемогла. Отецъ и мать ея были въ отчаяніи и наконецъ отправили ее, съ одной старой теткой, за границу. Свѣтъ не узналъ настоящаго ея секрета, а только привязалъ, „какъ бумажку къ ея шлейфу", по выраженію автора романа, имя графа къ ея имени, пока еще не зная, что говорить далѣе.

Графъ тоже не вынесъ пытки. Онъ рѣшился на смѣлый шагъ, взялъ отпускъ за границу, переодѣлся въ статское платье, пробрался въ имѣніе графини, поселился въ деревнѣ и бродилъ каждый день въ сумерки, съ ружьемъ на плечѣ, около парка княгини. Наконецъ онъ увидѣлъ ее, сидящею въ глубокой задумчивости на скамьѣ, подъ вязомъ: возлѣ на травѣ валялась книга. Онъ тихо подошелъ кустами сзади; на него вдругъ залаяла ея собачка, но узнавъ его, начала радостно визжать и ласкаться къ нему.

— Кто тутъ? съ испугомъ спросила княгиня.

— Я! сказалъ онъ, упавъ на траву и прижимая ея руки къ губамъ.—Простите!

— Вы... ты... вы! оторопѣвъ произнесла княгиня и залилась слезами... Отъ чего? Отъ негодованія? Отъ оскорбленной гордости? Нѣтъ, отъ радости, отъ счастья!

— Я ждала тебя, я знала, что ты будешь! шептала она, отвѣчая на его поцѣлуи.—Если бъ ты не пріѣхалъ, я не простила бы тебѣ...

— О рай! о небо! твердилъ онъ и т. д.. и т. д.

Они провели тайкомъ въ этой глуши такое лѣто, какого,

по словамъ автора, еще не было ни у нея, ни у него въ жизни. Она даже не потребовала у него объясненій эпизода прогулки съ m-me Armand и зажала ему рукою ротъ, когда онъ зашкулся объ этомъ.

— Я здѣсь, наединѣ съ собою, сама добралась до истины, и только... женскій стыдъ мѣшалъ мнѣ написать тебѣ. Я знала, что ты пріѣдешь!

При этомъ онъ падалъ на коверъ или на траву и катался, вмѣстѣ съ собаченкой, у ея ногъ.

Онъ воротился въ Петербургъ, гдѣ объяснилъ, что ѣздилъ устроить дѣла въ имѣніи, и отправился за границу; а княгиня заперлась опять въ своемъ замкѣ.

Въ романѣ, кромѣ самого героя, героини и дѣвицы Лидіи, большія роли даны еще отцу ея, умному администратору, потомъ отставному генералу, съ твердымъ, упрямымъ и нѣсколько желчнымъ характеромъ, и, наконецъ, общему другу того и другого—здравомыслу всего этого круга, пожилому князю.

Вся группа представителей старыхъ поколѣній въ романѣ исполнена житейской мудрости, высокихъ правилъ чести, рыцарскаго благородства.

Въ молодомъ, ближайшемъ къ нимъ поколѣніи—дѣтей и племянниковъ ихъ, еще молодыхъ офицерахъ, замѣтно отражаются родовыя черты характера старшихъ, ихъ образа мысли и традиціонныхъ убѣжденій. Обѣ линіи представляютъ собою два параллельныя поколѣнія извѣстнаго, такъ называемаго, высшаго круга.

Преобладающій элементъ въ романѣ—военный. Гражданскій занимаетъ второстепенное положеніе.

Между прочимъ, цѣлая глава посвящена описанію маневровъ войскъ, между Гатчино, Краснымъ Селомъ и Павловскомъ. Мѣстами приводятся черты образа жизни, нравовъ, быта военныхъ высшаго круга.

Женскій кругъ тоже богатъ персоналомъ. На первомъ планѣ, кромѣ молодыхъ героинь—княгини и Лиди, являются нѣсколько свѣтскихъ матронъ, двѣ княгини, одна—важная, добродѣтельная, другая—суетливая и говорливая, потомъ мать дѣвицы, мать героя и другія.

Между дѣйствующими лицами, почти нѣтъ лицъ изъ другихъ, низшихъ сферъ: только въ деревнѣ явился неожиданный поклонникъ княгини—уѣздный врачъ. Видя ея „меланхолію", какъ онъ говорилъ, онъ сталъ увѣрять ее, что послѣдняя можетъ повести къ серьезной болѣзни и что ему судьбою предназначено посвятить всю свою жизнь на сохраненіе „ея драгоцѣнныхъ дней". Но когда, съ пріѣздомъ графа, ея „меланхолія" мгновенно прекратилась, княгиня перестала принимать врача, и онъ, въ свою очередь, какъ графъ, сталъ бродить съ ружьемъ около парка—но, конечно, безуспѣшно.

Изъ простого званія—въ романѣ не было никого. Авторъ постоянно держался на высотѣ только одного высшаго круга и утонченнаго воспитанія.

Княгиня инкогнито тоже пробралась за границу — и соединилась съ героемъ въ какомъ-то уединенномъ уголкѣ.

За границей дѣйствіе происходитъ, частью на водахъ въ Германіи, а потомъ въ Южной Франціи и Италіи. Романъ изобиловалъ описаніями видовъ природы, граціозныхъ и цѣломудренныхъ сценъ любви, тонкихъ замѣтокъ о произведеніяхъ искусства въ музеяхъ и т. п.

Герой и героиня, насыщенные страстью, оба, наконецъ, смутно начинаютъ чувствовать неловкость своего взаимнаго положенія. Кромѣ того, княгиня замѣчаетъ—сначала усталость въ своемъ другѣ, потомъ и симпатію его къ Лиди, которую онъ встрѣтилъ гдѣ-то въ Парижѣ, а потомъ въ Швейцаріи, съ теткой.

Графъ между тѣмъ давно просрочилъ свой отпускъ и былъ уволенъ отъ службы. Онъ былъ до того поглощенъ страстью къ княгинѣ, что не исполнилъ даже обычныхъ формальностей, не попросилъ отсрочки. Онъ и не хотѣлъ дѣлать этого; законныхъ причинъ у него не было: онъ былъ здоровъ, никакія дѣла не удерживали его за границей—а лгать, выдумывать предлоги, было не въ его характерѣ. У него былъ предлогъ, и самый уважительный, по законамъ чести—это долгъ принести въ жертву все женщинѣ, которая пожертвовала всѣмъ для него — и онъ подчинился этому закону, къ крайнему отчаянію его матери и всѣхъ военныхъ gros bonnets его круга.

Но когда, послѣ многихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ наединѣ, насыщенная страсть успокоилась, потомъ ослабѣла и, наконецъ, совсѣмъ упала—героиня украдкой уѣзжаетъ отъ героя, возвративъ ему свободу.

Графъ и Лидія хотя еще не сблизились между собою, но уже замѣтны были первые признаки сближенія. Въ частыхъ встрѣчахъ въ уединенныхъ затишьяхъ, среди красоть природы, они пристальнѣе вглядывались другъ въ друга, такъ что можно уже было предвидѣть „зарю" той любви, которую, въ припадкахъ ревности, предугадывала княгиня.

Романъ кончался пока этимъ. Далѣе, по словамъ автора, еще не было написано.

Прочитавъ первыя главы, авторъ всталъ и предложилъ отдохнуть. Слушатели поднялись съ мѣстъ молча, какъ будто раздумывая, что сказать о первыхъ главахъ — и ничего не сказали: кто позѣвывалъ, кто разминалъ ноги. только Лилина, сіяя улыбкой, твердила „très joli", да молодая графиня, дѣвица Синявская, крѣпко сжимая

руку матери, влажными глазами смотрѣла ей въ глаза и встала вмѣстѣ съ нею съ дивана.

Авторъ и графиня стали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы, графиня, конечно еще ничего теперь не скажете мнѣ? спросилъ онъ.

— И послѣ не скажу—зачѣмъ?

— Развѣ вы не знаете, какъ я цѣню ваше мнѣніе.

— У меня нѣтъ мнѣнія, а только впечатлѣніе.

— Скажите ваше впечатлѣніе.

— Не умѣю, его надо угадать.

— Въ глазахъ сфинкса трудно угадывать, развѣ измѣнитъ улыбка ваша: она у васъ добрѣе глазъ...

— Надѣюсь, не добрѣе улыбки .Іилиной; посмотрите, онъ такъ и сіяетъ, такъ и горитъ нетерпѣніемъ сказать вамъ свое впечатлѣніе!

Онъ пожалъ плечами и подошелъ къ Чешневу.

— Вы что скажете, Дмитрій Ивановичъ? спросилъ онъ старика, въ раздумьѣ поникнувшаго головой.

— Ничего—я все еще слушаю! отвѣчалъ тотъ коротко.

Слушатели, стоя группами, говорили совсѣмъ о другомъ. Иные пошли къ буфету „прохладиться", кто зельтерской водой съ шампанскимъ, кто просто шампанскимъ: другіе ушли въ кабинетъ хозяина, выкурить папироску.

Опоздавшій статскій юнона пробрался къ княгинѣ Тецкой и поцѣловалъ у нея руку, съ словами:—Ma tante!

— Ай! закричала та и вздрогнула.

Онъ выразительно улыбнулся княжнѣ.

— Eh bien? спросила она чуть слышно.

— C'est fait, ma cousine!

— Où donc?

— Тамъ, въ швейцарской, въ вашемъ пальто.

— Merci!

Между тѣмъ принесли чай, мороженое, конфеты. Григорій Петровичъ предлагалъ автору — оршаду, лимонаду, спросилъ, не хочетъ ли онъ нарзанскаго въ зельтерскую воду, наконецъ, принесъ какой-то флаконъ съ утоляющими жажду лепешками, купленный въ англійскомъ магазинѣ.

— Въ Лондонѣ, въ парламентѣ, у всякаго оратора непремѣнно есть въ карманѣ такой флаконъ! объяснилъ онъ.—Я буду возить съ собой въ совѣтъ!

— А ты собираешься говорить тамъ рѣчи, какъ въ парламентѣ? спросилъ его пріятель, толстый Сухово,—и оба засмѣялись.

— Лучше вози въ клубъ, въ субботу, послѣ кулебяки прохлаждаться! прибавилъ онъ.

Урановъ успокоился только тогда, когда авторъ вынилъ вина съ водой и предложилъ читать далѣе, прибавивъ: „если не наскучило!“

— Пусти меня, или пойдемъ къ тебѣ наверхъ! шепталъ газетный критикъ Кряковъ, косясь на звѣзды мужчинъ:—еще пожалуй, провреться —вонъ отъ тѣхъ бѣды наживешь!—Онъ указалъ на сановныхъ стариковъ.

Студентъ засмѣялся.

— Вздоръ какой! сказалъ онъ. — Пойдемъ лучше въ буфетъ.

Всѣ опять усѣлись. Лакеи обирали пустыя чашки, блюдечки отъ мороженаго. Григорій Петровичъ поставилъ хрустальныя вазы съ конфетами на столикахъ передъ дамами, а передъ авторомъ успѣлъ-таки положить флаконъ съ прохладительными лепешками.

Фертовъ облетѣлъ опять всѣхъ слушателей.

— Comme c'est beau! On se croirait transporté à l'époque d'Homère! говорилъ онъ то тому, то другому.

— C'est joli! вторила ему Лилина.

— C'est peu dire joli — c'est sublime! кинулъ онъ ей въ отвѣтъ и нагнулся-было къ графу Нестову, чтобы сказать что-нибудь въ этомъ родѣ. Но авторъ бросилъ на него внушительный взглядъ и онъ присмирѣлъ.

Кромѣ Чеснева, еще двое гостей не вставали съ мѣстъ: это пожилой беллетристъ, отъ лѣни, должно-быть, только вытянувшій немного ноги впередъ, будто потягиваясь, да Иванъ Ивановичъ Кальяновъ, сослуживецъ автора, точно застылъ въ своей позѣ. Даже толстый Сухонъ, и тотъ уходилъ „освѣжиться“ и принялъ стаканъ зельтерской воды съ шампанскимъ—отъ одышки, говорилъ онъ.

Въ буфетѣ хозяинъ учтиво предложилъ и Крякову „освѣжиться“.

— Не вредитъ! сказалъ онъ и выпилъ стаканъ шампанскаго.

Кальяновъ просто не зналъ, какъ ему быть. Надежда на мистификацію рушилась— онъ видѣлъ это ясно: ни пересмотра проектовъ, ни дополнительныхъ штатовъ, никакихъ смѣтъ, ничего такого въ романѣ не было. А все что̀ было— ему было чуждо и даже противно, въ родѣ какой-то дѣтской забавы.

Сдавая вступительный экзаменъ въ университетъ, по факультету камеральныхъ наукъ, между прочимъ и изъ словесности, онъ запомнилъ имена Вальтеръ-Скота, Бальзака, у насъ—Загоскина и Лажечникова. Позднѣе, въ журналахъ, онъ встрѣчалъ имена Жоржъ Занда, Виктора Гюго, помнилъ, какого шума надѣлала „Капитанская дочка“ Пушкина, затѣмъ романы Лажечникова, Лермонтова и Гоголя. Но онъ, ставъ на практическую точку служебныхъ занятій, уже ничего этого послѣ не читалъ—и на романъ смотрѣлъ... просто никакъ не смотрѣлъ. Онъ считалъ это женскимъ или, какъ онъ выражался, бабьимъ дѣломъ, и нахмурясь смотрѣлъ, какъ у его сестры, старой дѣвушки,

цѣлый уголь, точно дровъ, навалено было русскихъ и французскихъ романовъ.

А теперь вдругъ зовутъ его слушать романъ,—да еще требуютъ критики!

„Что я ему скажу?“ раздумывалъ онъ про себя.—„А онъ непремѣнно спроситъ—вонъ, то и дѣло поглядываетъ на меня! Сказать коротко, „никуда не годится“, это было бы всего удобнѣе и искреннѣе съ моей стороны — да нельзя, если бъ и хватило духу; надо объяснить, почему не годится. Сказать „очень хорошо“,—я рискнулъ бы и на это, а какъ спросятъ: что именно и почему хорошо? И когда романъ бываетъ хорошъ, когда не хорошъ — чортъ знаетъ! Нѣтъ, не одинъ чортъ: вотъ этотъ журналистъ, сосѣдъ мой, знаетъ; вонъ и тотъ, лѣвѣе смотритъ—тоже знаетъ; и старикъ Чешневъ сидитъ, точно всенощную слушаетъ—и тотъ видно, что въ своей тарелкѣ!“

Онъ съ завистью поглядывалъ на того, на другого изъ слушателей, стараясь уловить, по выраженію ихъ лицъ, что имъ нравится, что нѣтъ, чтобы заготовить по этому себѣ какой-нибудь запасъ заемныхъ впечатлѣній, и продолжалъ тупо и напряженно вслушиваться.

Авторъ между тѣмъ выводилъ лицо за лицомъ, рисовалъ рядъ тонкихъ сценъ, пейзажей; чередою текли благородныя, возвышенныя мысли, блистали искры остроумія, слышались тоны нѣжныхъ чувствъ, или являлись штрихи наблюдательности. Все это свободно вязалось между собою, какъ будто разыгрывалось по нотамъ; и послушно выражало главныя задачи или тезисы автора.

Герои были представители принциповъ чести, человѣческаго достоинства и высокой степени умственнаго и моральнаго развитія—до вѣжливой выработки включительно, до умѣнья выражать въ каждомъ шагѣ и словѣ уваженіе

къ себѣ и къ другимъ, до изящныхъ, простыхъ и естественныхъ манеръ, до языка и всѣхъ формъ общежитія.

Это была чистая сфера джентльменовъ, салонъ жизни, гдѣ скорби и радости, заботы, труды и удовольствія, мысли, знаніе, искусства, даже самыя страсти, подчинялись строгому регулятору традиціонной школы вершинъ жизни, доступной въ европейскихъ обществахъ ограниченному меньшинству.

Ничего вульгарнаго, никакой черновой, будничной стороны людского быта не входило въ рамки этой жизни, гдѣ все было очищено, убрано, освѣщено и украшено, какъ въ свѣтлыхъ и изящныхъ залахъ богатаго дома. Прихожія, кухни, дворъ, со всею внѣшнею естественностью,—ничего этого не проникало сюда; сіяли одни чистые верхи жизни, какъ снѣговыя вершины Альпъ.

Авторъ читалъ слѣдующія за первыми главы—одушевленіе, гости слушали напряженіе. Всѣхъ охватывалъ интересъ широко раздвинувшагося въ рамкахъ романа.

Только газетный критикъ Кряковъ становился все сердитѣе, по мѣрѣ того, какъ развивался ходъ романа, да еще толстый Суховъ вздыхалъ вслухъ отъ нетерпѣнія. Среди одной сцены, происходившей гдѣ-то въ Италіи, онъ даже сказалъ вполголоса своему сосѣду генералу: — завтра дождь будетъ!

— А что? спросилъ тотъ.

— Мозоли ноютъ. У тебя есть мозоли?

Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Мозоли бываютъ только у учителей да почтальоновъ, прибавилъ онъ почти обидчиво.

На нихъ разомъ взглянули и авторъ, и хозяинъ: они смолкли и Суховъ началъ громко дышать носомъ.

Княгиня Тецкая, когда читались сцены свиданія молодыхъ людей наединѣ—вздрагивала, а при описаніи одной дуэли нервно ахнула.

Княжна разъ шесть напускала на лицо непониманіе невинности.

— Mais elle est prude, ta cousine, не можетъ переносить такихъ цѣломудренныхъ сценъ! тихо говорилъ офицеръ статскому, поймавъ раза два такое выраженіе на ея лицѣ.

— C'est vrai! c'est pour cela qui je lui fournis les volumes de Zolà: il y en a un—dans ce moment qui l'attend dans l'antichambre: „La Curée". Elle le supporte parfaitement bien...

Оба старались подавить смѣхъ. Хозяинъ издали погрозилъ имъ.

Авторъ все чаще и чаще обращался взглядомъ къ графинѣ Сиявской, стараясь уловить ея впечатлѣніе.

При слабыхъ мѣстахъ, длиннотахъ, глаза ея разсѣянно оглядывали стѣны, останавливались на дочери, или смотрѣли внизъ, на коверъ. Не то—такъ она машинально доставала конфету изъ вазы и подавала дочери.

Напротивъ, при живыхъ сценахъ, она не сводила глазъ съ автора, а когда появлялись лучи поэзіи, тонкіе штрихи наблюдательности, и сверкала, неожиданностью или смѣлостью оборота, мысль—взглядъ ея дѣлался мягокъ, на губахъ бродила свойственная ей загадочная улыбка. И авторъ читалъ тогда увѣреніе и оживленіе. Когда зато брови ея немного сходились, глаза теряли загадочное выраженіе и улыбка исчезала—онъ бралъ со стола карандашъ и отмѣчалъ на поляхъ NB; это значило—худо. Чешневъ, при такихъ мѣстахъ, тоже—или глубже опускалъ голову, или перекладывалъ одну ногу на другую.

Авторъ мелкомъ замѣчалъ эти критическіе симптомы. Пожилой литераторъ гладилъ себя, при слабыхъ мѣстахъ, по лысой головѣ, какъ будто внутренно одобрялъ себя мыслью, что самъ онъ лучше написалъ бы эти мѣста.

Авторъ читалъ описаніе военныхъ маневровъ. Всѣ замерли въ безмолвіи. Въ стереотипное батальное изображеніе воинскихъ рядовъ—авторъ вдохнулъ огонь, далъ душу стройной живой массѣ и связалъ органически это цѣлое однимъ чувствомъ и одной мыслью. Кромѣ того онъ нѣсколькими деталями смягчилъ суровость и однообразіе картины.

Графиня Синявская не сводила глазъ съ автора. Чешневъ тоже во всѣ глаза смотрѣлъ на него, очевидно съ одобрительнымъ чувствомъ.

— C'est bien écrit, n'est-ce pas? сказалъ вдругъ, точно проснувшись и отнявъ руку отъ уха, графъ Нестовъ, ища глазами вокругъ, къ кому бы обратиться.

— Très bien écrit! oui, très bien, très bien! энергически подхватили два-три голоса изъ тѣхъ, что находятъ всякое чтеніе, на которое зовутъ, прекраснымъ.

— Pourquoi n'avez vous pas écrit cela en français? спросилъ графъ, обращаясь къ автору и приставивъ руку къ уху, чтобъ выслушать отвѣтъ.

— И какъ вѣрно, замѣтилъ офицеръ: —а вѣдь онъ не военный! Откуда онъ знаетъ?

— A! c'est une grande capacité! Une tête, ce qu'on appelle! говорилъ виолголоса статскій. — Мы къ Борелю отсюда? какъ бы не заперли! шопотомъ прибавилъ онъ.

— Bah! on nous ouvrira! увѣренно замѣтилъ офицеръ.

— Comme c'est joli! говорила Анлина княжнѣ Тецкой.

— Oui, ch-ar-ma-nt! протяжно отвѣчала княжна, играя вѣеромъ.

— C'est divin! c'est Homère, doublé de Tasse! прибавилъ подскочившій Фертовъ, наклоняясь къ княгинѣ Тецкой.—N'est-ce pas, princesse?

— Охъ! сдѣлала она, вздрогнувъ.

Фертовъ отскочилъ.

Чортъ знаетъ, что это такое, эти маневры!.. Ка-

зарма! довольно громко ворчалъ въ углу Кряковъ, такъ что нѣкоторые на него оглянулись.

Студентъ потихоньку смѣялся. Редакторъ журнала держалъ себя скромно и не выражалъ ни одобренія, ни порицанія. Профессоръ одобрительно покачивалъ головою. Пріятель Грека и Булгарина, старикъ Красноперовъ, сложилъ руки на брюшкѣ и, повидимому, скучалъ.

По мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось къ концу, Иванъ Ивановичъ Кальяновъ становился покойнѣе; онъ даже повеселѣлъ и смѣлѣе поглядывалъ на автора и на присутствующихъ, почти не вслушиваясь въ послѣднія страницы романа, какъ будто онъ пришелъ къ какому-нибудь критическому заключенію.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа авторъ кончилъ, всталъ и наклонилъ слегка голову, благодаря за вниманіе.

Стулья шумно задвигались, всѣ встали, громко аплодируя, громче всѣхъ тѣ, которые меньше всѣхъ слушали, особенно толстый Суховъ —отъ удовольствія, что кончилось.

— У меня ноги затекли! говорилъ онъ пріятелю Грека и Булгарина, потирая икры.

Хозяинъ обратился-было съ благодарственными объятіями къ автору, но тотъ съ улыбкою уклонился отъ нихъ.

— Mesdames и messieurs! сказалъ онъ, укладывая тетради въ портфель и передавая его Фертову: — мнѣ поздно становиться въ положеніе начинающаго автора, и я не ищу авторскихъ лавровъ, а представляю этотъ опытъ пера пріятельскому кругу просто, какъ плодъ моего досуга. Мнѣ давно хотѣлось высказать нѣсколько идей, наблюденій, опытовъ и взглядовъ на нашу общественную жизнь, на наши дѣла, досуги, даже страсти (въ томъ кругу, какъ вы видѣли, къ которому я имѣю честь принадлежать), между прочимъ, взглядъ мой и на искусство, на литературу, и на романъ тоже, какъ именно я его понимаю. Кромѣ того,

я еще избралъ романъ, какъ форму, въ которой мнѣ легче высказывать, а слушателямъ удобнѣе узнать мои тезисы и мои цѣли. Вотъ точка, съ которой я желалъ бы, чтобы слушатели взглянули на этотъ плодъ моихъ досуговъ! Благодарю еще разъ за вниманіе и терпѣніе!

Рукоплесканія усилились. Всѣ окружили автора: одни протягивали руки, прочіе кланялись. Только Кряковъ сердито смотрѣлъ изъ своего угла и на автора, и на гостей.

— Merci! говорилъ графъ Нестовъ автору.—C'est bien écrit!

— Très bien écrit! tout-à-fait bien! подхватили хвалители.

— Vous me donnerez un exemplaire: je le mettrai à côté de J. J. Rousseau.

— Oui, mon prince, je vous l'apporterai...

Авторъ старался пробраться къ графинѣ, которая стояла съ дочерью у своего мѣста и собиралась уѣхать. Молодая дѣвушка съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣла на автора, какъ на героя. На щекахъ у нея рдѣли два розовыя пятнышка, она отъ волненія сильно сжимала обѣ руки у матери. Мать съ улыбкою смотрѣла на автора. Глаза у нея тоже смѣялись, должно-быть благосклонно, потому что авторъ глядѣлъ на нее съ улыбкою скромнаго торжества. Она молча подала ему руку и онъ молча пожалъ ее.

— Позвольте проводить васъ до кареты, сказалъ онъ.

— Merci, сейчасъ; вотъ она остынетъ немного, отвѣчала графиня, указывая на дочь.—Посмотрите, какъ она взволнована! Вотъ вамъ живое и непритворное впечатлѣніе! Довольны вы?

— А вы сами что скажете?

Она улыбнулась по-своему.

— Впрочемъ, нѣтъ, не говорите, не надо: я уже знаю ваше мнѣніе, прибавилъ онъ: я его „видѣлъ".

— Запишите это выраженіе въ романъ, замѣтила она:—„видѣль мнѣніе!" Оно характеристично, какъ весь романъ.

Гости стояли толпой. Хозяинъ куда-то исчезъ. Офицеры и статскій ускользнули къ Борелю, однако послѣдній успѣлъ напомнить своей кузинѣ, чтобы она не забыла въ швейцарской „La Curée" Zola, положенной ей въ пальто.

Иванъ Ивановичъ Кальяновъ осторожно пробирался къ выходу—еще шагъ и онъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ его кто-то мягкою рукою взялъ за плечо. Онъ вздрогнулъ, какъ княгиня Тецкая, и оглянулся. Это былъ авторъ.

— Уходите, не сказавъ ни слова! Нѣтъ, вы не отдѣлаетесь, говорилъ онъ: — подождите одну минуту: вотъ меня зоветъ княгиня, я сейчасъ ворочусь.

Онъ подошелъ къ княгинѣ.

— Charmant! Charmant! говорила она, вздрагивая и мигая:—я очень довольна и Катѣ понравилось... Catherine, n'est-ce pas?

Дочь отвѣчала условною улыбкою.

— Жаль только, что молодой человѣкъ, продолжала княгиня съ разстановкой,—бросилъ службу: онъ испортилъ всю карьеру и огорчилъ мать!

— Вѣдь это бываетъ, замѣтилъ небрежно авторъ.

— Да, какъ же: вотъ молодой Ступицынъ—тоже самое! Зачѣмъ же описывать дурное! Это надо скрывать!

Она вздрогнула, а авторъ пожалъ плечами.

— Онъ бы лучше посватался къ другой... какъ ее зовутъ — Индія? говорила она. — Comme elle est gentille, cette petite Lydie; n'est ce pas, Catherine?

— Oui, maman, elle est très bien!

— Онъ женится на ней потомъ? спросила княгиня.

— Можетъ-быть... вѣроятно...

— А какъ же княгиня... что же она? Она, въ де-

ревнѣ, съ графомъ... Это ужасно! Зачѣмъ вы вывели княгиню: лучше бы простую!

Она сильно вздрогнула. Авторъ сталъ раскланиваться.—Attendez donc, еще я хотѣла спросить. Какъ же это Лидія ѣздитъ одна къ этой... потерянной Лизѣ. .—шопотомъ прибавила она, чтобъ не слыхала дочь.—Supprimez cela!

Она охнула и вздрогнула. Авторъ подошелъ къ Кальянову.

— Что же вы скажете: довольны или нѣтъ? спросилъ онъ.

— Прекрасно, отвѣчалъ тотъ: — какое перо!... -Онъ не зналъ какой эпитетъ прибавить. Только...

— Только—что? пожалуйста не стѣсняйтесь, если не служба, такъ дружба обязываетъ васъ къ откровенности. Что вы замѣтили?

— Вотъ у васъ, смѣло заговорилъ Кальяновъ: -сказано, что восточный вѣтеръ нагоняетъ тучи, дождь... а я живу на дачѣ, на Выборгской сторонѣ, такъ сказать, подъ самымъ восточнымъ вѣтромъ, и всегда замѣчалъ, что онъ именно приноситъ ясную погоду. Бывало, въ ненастье, ждешь его, какъ благодати...

Авторъ засмѣялся.

— А когда вы живете на дачѣ? спросилъ онъ.

— Вотъ на-дняхъ переѣзжаю, на той недѣлѣ. лишь только подуетъ восточный вѣтеръ! отвѣчалъ смѣясь же Кальяновъ.

— И останетесь тамъ...

— До половины сентября, если вы разрѣшите.

— Нѣтъ, я дамъ вамъ предписаніе остаться, по дѣламъ службы. до января, сказалъ Бобиковъ:—и наблюдать, какую погоду приноситъ восточный вѣтеръ осенью!

Онъ съ улыбкой глядѣлъ на Кальянова, который въ раздумьи старался припомнить, какова бываетъ погода при этихъ условіяхъ.

— Но я вамъ благодаренъ, прибавилъ авторъ: -что вы даже и на мелочи обратили вниманіе.

— Зато все остальное уже безупречно! рискнулъ Кальяновъ кинуть вслѣдъ уходившему автору, но тотъ, улыбаясь, какъ бомбу, бросилъ ему въ отвѣтъ фразу:

— Мы еще объ этомъ поговоримъ!

„Вотъ тебѣ разъ!“ размышлялъ онъ, спускаясь съ лѣстницы:—„а я думалъ, что ужъ и отдѣлался! Постой, постой!“ вспоминалъ онъ:—„у меня еще мелькали какія-то два замѣчанія: одно—ошибка противъ гражданскаго права, а другое... другое... что, бишь такое?“ И онъ, очень довольный, уѣхалъ домой.

Въ залѣ слушатели виолголоса разбирали романъ, стараясь выказать критическій тактъ другъ другу. Авторъ опять ходилъ съ графинею взадъ и впередъ, ожидая хозяина, чтобы проститься и уѣхать. Княгиня тоже собиралась уѣхать и укладывала свою работу въ мѣшокъ. Дочь накидывала ей мантилью на плечи.

— Et ou est Woldemar? вдругъ спросила княгиня, оглядываясь.

— Il est parti, maman.

Княгиня вздрогнула.

— И не проводилъ насъ! сказала она: — завтра ему надо голову вымыть; онъ такой же непослушный, какъ этотъ офицеръ, про котораго читали. N'est-ce pas?

— Oui, maman!

Старикъ Чешневъ подошелъ къ автору.

— Что скажете, Дмитрій Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Скажу, что вы сдѣлали подвигъ. Говорить, какъ вы сдѣлали, надо бы долго говорить и, пожалуй, пришлось бы кое о чемъ спросить. Но что это подвигъ, сказать все это, стать смѣло противъ потока.—въ томъ спорить нельзя! Вы ополчились за добрыя общественныя начала, за религію, за

нравы, за благовоспитанность, за чистоту вкуса въ искусствѣ; будьте же мужественны и доведите подвигъ до конца!

— Аминь! сказала графиня.

— Подвигъ съ вашей стороны —выслушать! прибавилъ, улыбаясь, всегда находчивый авторъ. Если у васъ достанетъ терпѣнія—я почерпну въ немъ силу довершить свое дѣло.

Пока авторъ выслушивалъ эти привѣтствія, Кряковъ собирался уходить, но студентъ его не пускалъ. Лилина вертѣлась около автора, чтобы въ десятый разъ сказать ему свое „très-joli“. Графа Нестова—Фертовъ и другой гость вели подъ руку къ выходу.

— Dites-lui, qu'il écrive cela en français! говорилъ графъ спутникамъ.

— Oui, mon prince, отвѣчали они.

Нѣкоторые гости позѣвывали въ руку и тоже готовились уѣзжать.

— Гдѣ же Григорій Петровичъ? спросилъ кто-то громко:—бросилъ насъ и проститься не хочетъ!

Въ это время отворилась дверь изъ столовой и явился Григорій Петровичъ съ метръ-дотелемъ, который на всю залу возгласилъ:

— Messieurs et mesdames sont servis!

Всѣ оцѣпенѣли на минуту. Въ столовой виденъ былъ длинный сервированный столъ, ярко освѣщенный канделябрами, и толпа офиціантовъ.

— Прошу! mesdames, messieurs! Что это — вы собираетесь уѣхать! Какъ это можно, отъ ужина!

Онъ бросился къ гостямъ, къ дамамъ, уранивалъ, у мужчинъ отнималъ шляпы. Но дамы, кромѣ Лилиной, отказались. Отказался и авторъ, извиняясь усталостью. Онъ подалъ руку графинѣ Синявской и повелъ ее съ дочерью до кареты.

Хозяинъ чуть не плакалъ; онъ убѣждалъ всѣхъ другихъ остаться, а упрямыхъ почти силою толкалъ въ столовую, въ томъ числѣ и Крякова.

— Не откажите мнѣ въ удовольствіи отужинать съ нами! вѣжливо просилъ онъ его.

— Хорошо, хорошо, сказалъ тотъ:—это кстати, я проголодался!

Онъ гостепріимнаго хозяина какъ рублемъ подарилъ.

— И прекрасно! сказалъ онъ, пожимая ему руку: — я очень радъ. Митя! веди гостя и постарайся занять его, чтобы онъ не соскучился у насъ!

Митя засмѣялся и повелъ его въ столовую, куда, подъ руку съ Лилиной, вошелъ Чешневъ, потомъ журналистъ, профессоръ, Красноперовъ и всѣ прочіе. Толстый Суховъ и военный генералъ были уже тамъ и закусывали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УЖИНЪ.

— Господа! сказалъ хозяинъ, когда всѣ усѣлись за столъ:—теперь моя очередь: я авторъ menu ужина. Повару только слѣпой исполнитель моей программы. Прошу подарить и мое произведеніе вниманіемъ, какимъ вы почтили нынѣшнее чтеніе. Прочти menu, обратился онъ къ Сухову: — вонъ оно подлѣ тебя лежитъ, чтобы гости знали, какъ распорядиться аппетитомъ.

Суховъ хватился за карманъ достать очки, но тамъ ихъ не оказалось.

— Potage—nids d'hirondelles, читалъ онъ наизусть:—filets d'éléphant и pattes de crocodile à la tortue; légumes—jonc d'Espagne au jus de scorpions...

Всѣ засмѣялись.

— Какая гадость! сказалъ Ураповъ: вѣдь ты аппетитъ отобьешь.—И самъ прочиталъ тепи.

Вмѣсто крокодила и слона оказались: дикая коза, стерлядь, перепелки, всѣ примѣры зелени и фруктовъ.

Послѣ первыхъ двухъ блюдъ, заговорили о читанномъ романѣ. Первая подала голосъ Лилина.

— Comme c'est joli, n'est-ce pas? Я все еще подъ вліяніемъ этого чтенія! Кажется, никогда не забуду! Charmant! Charmant! твердила она съ своею дѣтскою улыбкою, какъ дѣвочка, которой подарили новую куклу.

— Вамъ нравится? насмѣшливо спросилъ ее Кряковъ:— поздравляю васъ: у васъ хорошій вкусъ!

Она сконфузилась и посмотрѣла на другихъ.

— Вы не конфузьтесь! продолжалъ Кряковъ и самъ въ то же время ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

— Отъ чего мнѣ конфузиться? я думаю... и другіе того же мнѣнія! сказала она.

— Это дамское купанье, конфетка! продолжалъ онъ, наливая себѣ краснаго вина.—„C'est joli, très-joli“ хвалили вы: это достойная похвала автору изъ вашихъ устъ!

Всѣ улыбались, глядя на него, а онъ допилъ стаканъ съ виномъ и, кажется, не замѣчалъ улыбокъ!

— Славное у васъ вино! обратился Кряковъ къ хозяину:—и стерлядь отличная, жирная!

— Очень радъ, что мое скромное угощеніе вамъ нравится! сказалъ Ураповъ:—не прикажете ли еще? Человѣкъ, подай блюдо!

— Что-жъ, я возьму!

И онъ взялъ другую порцію. Всѣ стали смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— А романъ все таки очень хорошъ! сказалъ хозяинъ.

— И какъ хорошо авторъ читаетъ, какой пріятный го-

лось, и манера благородная. Языкъ тоже славный! хвалилъ профессоръ.

— „Да... это замѣчательное произведеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ!... сдержанно замѣтилъ редакторъ журнала.

— Хорошо, очень хорошо! я съ удовольствіемъ слушалъ! похвалилъ генералъ. — Теперь что-то не пишутъ такъ!

— Какъ это „такъ?“ спросилъ Урановъ.

— Такъ пріятно, плавно, по-русски, чтобы всякій понималъ! Возьмешь книгу или газету—и не знаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! Объективный, субъективный, эксплоатація, инспирація, конкуренція, интеллигенція —такъ и погоняютъ одно другое! Вмѣсто швейцара пишутъ тебѣ портье, вмѣсто хозяйка или покровительница—патронесса! Еще выдумали слово „импонировать!“

— „Да и по-русски-то стали писать, Боже упаси, какъ! вздохнувъ, вмѣшался старикъ Красноперовъ, пріятель Греча и Булгарина: — напримѣръ, выдумали — „немыслимо“, а чѣмъ было худо слово „невообразимо?“ Нѣтъ, оно, видите, старое, такъ прочь его! Или, всѣ говорили и писали: „такой-то или такіе-то обращаются къ тому, другому, или другъ съ другомъ такъ-то:“ не понравилось имъ, давай мѣнять: „такой-то относится-де такъ-то“. Лучше ли это, я васъ спрашиваю?

Онъ обратился къ редактору журнала.

— Одно другому не мѣшаетъ, отвѣчалъ тотъ небрежно: „немыслимо“ и „невообразимо“ вовсе не одно и то же, такъ же, какъ и слова: обращаться и относиться!

— Совершенно справедливо, подтвердилъ профессоръ: — это даже и не синонимы. Зачѣмъ стѣснять свободу языка? пусть онъ обогащается путемъ печатнаго слова! Неволо-

гизмы, чуждые духу языка, никогда не войдутъ въ плоть и кровь его. Чѣмъ больше словъ, тѣмъ лучше!

— Ты, Иванъ Петровичъ, не связывайся съ ними, сказалъ Суховъ тихо Краснопёрову: они загоняютъ тебя. Народъ ученый!

Иванъ Петровичъ обидѣлся.

— Пожалуйста! не загоняютъ! вслухъ возразилъ онъ. Николай Ивановичъ и Оаддей Венедиктовичъ не чета были нынѣшнимъ, а и тѣ уважали мое мнѣніе? Это правда, что языкъ обогощается постепенно, какъ вы изволите говорить, обратился онъ къ профессору: —только позвольте доложить, что это обогащеніе производится писателями съ вѣсомъ. Напримѣръ, вотъ Николай Михайловичъ Карамзинъ ввелъ слово промышленность, его всѣ и приняли. Василій Андреевичъ Жуковскій тоже много обогатилъ россійскую словесность и облагородилъ простонародный языкъ; передъ нимъ еще Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Такъ вѣдь какіе же это были и люди! Одинъ — исторіографъ, другой — министръ, третій — наставникъ царскихъ дѣтей! Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ уже шелъ по ихъ слѣдамъ. Вотъ они-то и поставили нашъ языкъ на твердое основаніе. А Николай Ивановичъ Гречъ и Оаддей Венедиктовичъ Булгаринъ были на стражѣ и бдительно охраняли правильность и неприкосновенность слога. Не стало ихъ — и ворвались нововодители! Кто ихъ послушаетъ? Откуда они явились?

— Оттуда же, я думаю, откуда и Карамзинъ съ Жуковскимъ и Дмитріевымъ, и мы съ вами тоже: все изъ одного мѣста! сказалъ Кряковъ.

Всѣ улыбались. Лилина вспыхнула.

— Что правда, то правда! съ этимъ спорить нельзя! подтвердилъ и Суховъ.

— При тѣхъ не смѣли бы такъ вольничать! продолжалъ Краснопёровъ, не слушая его: —бывало, сочинители

по стрункѣ ходили, и тѣ изъ нихъ только и выходили въ люди, которые побывали въ ихъ школѣ. Сколько ихъ, бывало, являлось къ Николаю Ивановичу на поклонъ и выслушивало отъ него благіе совѣты, да слѣдовали имъ!

— Который вамъ годокъ? вдругъ спросилъ Кряковъ Красноперова.

Общій смѣхъ покрылъ его вопросъ. Тотъ сердито молчалъ.

— А что? спросилъ Суховъ, которому очевидно нравился задоръ въ противникахъ.

— Да ужъ очень отзывается добрымъ старымъ временемъ! отвѣчалъ тотъ безцеремонно.—Вы, я думаю, родились при „старомъ и новомъ слогѣ“?

— А что жъ, худо было, что ли, тогда, при Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ? сердито возразилъ Красноперовъ.— Тогда умѣли слушаться старшихъ — и былъ порядокъ. Отъ Грека и Болгарина доставалось не мало и Александру Сергѣевичу, когда онъ былъ молодъ и вольничалъ! А прочіе ходили тише воды, ниже травы.

— Какъ не ходить, когда ихъ, бывало, сѣкли, а Болгарина и Грека приговаривали! вдругъ провозгласилъ Кряковъ при общемъ смѣхѣ.

— Такъ и надо! не худо бы и теперь! ворчалъ Краснопеpовъ ближайшимъ сосѣдямъ: Уранову, Сухову и генералу,—а то ужъ очень расходились! Я бы всѣмъ сочинителямъ при полиціи списки завелъ, да выдавалъ бы имъ желтые билеты на жительство.

Кругомъ его всѣ смѣялись.

— За что такъ немилостиво? спросилъ съ добродушнымъ смѣхомъ профессоръ. — Вѣдь уже это почти все было прежде: если не желтые билеты, такъ была, кажется, какая-то особая книга, куда записывали литераторовъ...

Но и это не помогло: сами же вы говорите, что сочинители ушли изъ-подъ ферулы...

— А зачѣмъ выпускали? Правительство ослабѣло, строгости нѣтъ! горячился Краснопѣровъ: — вотъ и порядка нѣтъ! Страху бы намъ, страху! вотъ что нужно, а не свободу печати!... Дать бы я имъ свободу! Сколько зла отъ этого! Боже мой, сколько зла!

— Какое же зло? и будто все зло? спросилъ, тоже смѣясь, журналистъ.

— Какое! Вы еще спрашиваете! Развѣ не видите! Все колеблется, разсыпается врозь, ни у кого нѣтъ ничего святого!

— Не печать же виновата, помилуйте! сказалъ журналистъ.

— Вездѣ смуты, раздоры... твердилъ Краснопѣровъ, не слушая.

— Потопы, трусы, братъ лѣзетъ на брата, подсказывалъ Суховъ.— Такъ, такъ, Иванъ Петровичъ, молодецъ! Хорошенько ихъ! За твое здоровье! — У тебя нынче весело. Григорій Петровичъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ Уранову.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! Вы, сами потакаете этимъ новымъ! горячился еще больше Краснопѣровъ: — что мудренаго послѣ этого, что дѣти чуть не рѣжутъ родителей...

— А родители дѣтей! подсказывалъ опять Суховъ. — Правильно!

— Да! и правильно! Перестанешь смѣяться, какъ вонъ эдакіе новые умники (онъ кивнулъ на Крякова, а Кряковъ въ отвѣтъ кивнулъ ему) придутъ къ тебѣ, да объявятъ, что домъ твой въ Большой Конюшенной не твой, а ихъ: что все общее... А тебя вытолкаютъ вонъ! Будетъ тогда „весело!“

— Господи помилуй! Что ты это на ночь путаешь! говорилъ Суховъ.— Слышите, что онъ говоритъ! обратился онъ къ Уранову и генералу. Не бойся, мой другъ, прибавилъ онъ успокоительно: — всѣ эти отрицатели и разрушители, если не обо что-либо другое, такъ о собственность лобъ себѣ разобьютъ!

— Я старѣе васъ всѣхъ тутъ—и могу говорить... настаивалъ на своемъ Красноперовъ.

— И говоришь по опыту, что ли?

— Богъ миловалъ пока, а коли вы такъ равнодушно глядите на всѣ затѣи, да идеи этихъ мальчишекъ, что величаютъ себя новымъ поколѣніемъ, и мѣръ не принимаете... такъ дождетесь, что и у насъ заведутъ комуну! Смотри-ка, что теперь дѣлается! Старинихъ нѣтъ, перемерли, учить уму-разуму некому! Что если бы они возстали изъ гробовъ!...

— Ихъ теперь посадили бы въ кунсткамеру, а съ ними и васъ! сказалъ Кряковъ.

Красноперовъ разсердился, особенно когда это замѣчаніе встрѣтило смѣхъ даже около него.

— А васъ, милостивый государь, и всѣхъ подобныхъ вамъ сочинителей, которые такъ разсуждаютъ, ужъ, извините, я бы не туда посадилъ! горячо замѣтилъ онъ учительскимъ тономъ.

— Сажаютъ, успокойтесь, господинъ Фамусовъ: вы еще не всѣ перевелись на Руси!

Всѣ смѣялись, глядя на задоръ противниковъ.

— Что это, какъ здѣсь весело сегодня! повторилъ Суховъ.

— Ты не обижайся, Иванъ Петровичъ! шепнулъ хозяинъ старику: —лучше послушаемъ! Любопытно, до чего онъ договорится.

Но Красноперовъ не слушалъ.

— Что смѣетесь! говорилъ онъ раздражительно гостямъ постарше: — вы ему въ руку смѣетесь и угождаете новому поколѣнію: да, вы унижаетесь передъ нимъ. стыдно показаться отсталыми! Что? неправда?

— Что ты! внушительно сказалъ хозяинъ: — что намъ за надобность угождать, вѣдь мы не ребята; чего намъ заискивать у новаго поколѣнія? Мы его не боимся и ничего не ждемъ отъ него дурного. — Вонъ онъ (онъ указалъ на племянника) тоже новое поколѣніе: что жъ, дуренъ что-ли? Въ большинствѣ и всѣ они такіе. и дай Богъ, чтобъ были такіе.

— Кланяйся и благодари! сказалъ Кряковъ, погладивъ студента по головѣ.

— Какая же намъ причина потакать такимъ ужасамъ. какіе ты разсказываешь? продолжалъ Урановъ.

— Какая причина... изволь, я скажу.

— Говори.

— Вы всѣ сами нигилисты, вотъ что! брякнулъ онъ. Всѣ весело, со смѣхомъ, глядѣли на него.

— C'est trop fort! замѣтили на другомъ концѣ стола.

— Какъ такъ! Богъ съ тобою! говорилъ Урановъ. — Объяснись, пожалуйста!

— „Да такъ! вы сами за одно съ этими новыми. Кто больше. кто меньше... но всѣ, всѣ! Напримѣръ, иные изъ васъ — и я знаю кто — вѣруютъ въ Бога по-своему, а не такъ, какъ указываетъ православная церковь: ходятъ разъ въ годъ на исповѣдь, „для примѣра“ — говорятъ: другіе исповѣдуютъ противный господствующему строю правительства образъ мыслей и разсуждаютъ объ этомъ подъ рукой съ пріятелями, а сынки слушаютъ, да на усъ мотаютъ! Что мудренаго послѣ этого, что они не признаютъ и не уважаютъ ничего и никого!

Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ и слушали съ улыбкою.

— Вотъ извольте видѣть, замѣтилъ журналистъ: а вы все на печать!

А печать поддерживаетъ, подстрекаетъ! говорилъ Красноперовъ.

— Нельзя ли указать, гдѣ и какъ?

— Да вездѣ! Гдѣ я теперь припомню? Да и припоминать нечего.

Красноперовъ очевидно затруднялся.

— Чего тутъ указывать, все никуда не годится! ворчалъ онъ.—Вотъ Николай Ивановичъ или Оаддей Венедиктовичъ, тѣ сейчасъ бы указали, за словомъ въ карманъ не полѣзли бы! Я не цензоръ—что мнѣ!

Онъ не зналъ что сказать. Но заговорилъ неожиданно новый собесѣдникъ. Это былъ худощавый господинъ въ синихъ очкахъ, съ легкою просѣдью, въ бакенбардахъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, прилично одѣтый. Онъ все молчалъ и слушалъ прилежно, смиренно потупляя взоръ въ тарелку и по временамъ вглядываясь изъ-подъ очковъ то въ того, то въ другого изъ собесѣдниковъ.

— Вы изволите спрашивать подтвержденіе тому, что Иванъ Петровичъ излагали сейчасъ насчетъ распространенія путемъ печати превратныхъ идей... сказалъ онъ вкрадчиво журналисту.

— Да-съ! не возьмете ли вы на себя трудъ доказать, чѣмъ это подтверждается въ печати?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ... положительнымъ образомъ не подтверждается, это точно-съ...

— Вотъ видите! сказалъ журналистъ Красноперову.

— Противнаго религіи, продолжалъ новый собесѣдникъ:—въ печати нѣтъ-съ, это правда. Оно и понятно: не позволили бы. Но зато ни одинъ журналъ не ополчается и за религію..,

– Зачѣмъ же, когда вы сами говорите, что на нее не нападаютъ?

— Не нападаютъ, это такъ-съ, продолжалъ синія очки: — но упадокъ религіознаго начала въ обществѣ ощутителенъ, а поддержки ему никакой нѣтъ... Напримѣръ, въ журналахъ, — и въ вашемъ тоже, извините, — на трехъ-четырехстахъ страницахъ нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно...

Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него и на журналиста.

— Dieu-Dieu-Dieu-Dieu! зачастилъ кто-то въ концѣ стола.

Что, не правду я говорилъ? подтвердилъ Красноперовъ. –Не я одинъ, а и другіе заключаютъ...

Я ничего не заключаю-съ, я только хотѣлъ бы прояснить этотъ вопросъ изъ любопытства... постѣпенно прибавилъ гость въ синихъ очкахъ.

– Кто это? вполголоса спросилъ генералъ у Сухова про синія очки.

– Не знаю! сказалъ тотъ.—Надо спросить Григорія Петровича.

— Сикофантъ, развѣ не видите! вдругъ брякнулъ Кряковъ, услыхавшій вопросъ генерала. Чешневъ даже слегка вздрогнулъ.

— Что это, фамилія, что ли его? спросилъ генералъ и немного смутился, когда нѣкоторые засмѣялись и даже Чешневъ улыбнулся.

— Нѣтъ! это имя ему при крещеніи нарекли! добавилъ Кряковъ.

Всѣ старались сдержать смѣхъ.

Гость въ синихъ очкахъ, должно-быть, не слыхалъ.

Урановъ тихонько объяснилъ, что фамилія его Трухинъ.

— Онъ служитъ у Алексѣя Петровича, прибавилъ онъ:—тотъ прислалъ его на чтеніе вмѣсто себя; онъ говоритъ, что этотъ господинъ все печатное читаетъ: ни слова не пропускаетъ, все знаетъ и ему обстоятельно докладываетъ, такъ что тому ни газетъ, ни журналовъ читать самому не нужно.

— Что же это, по вашему мнѣнію, значитъ, что имя Божіе не призывается въ журналахъ всуе? спросилъ журналистъ у Трухина: это скорѣе показываетъ уваженіе къ религіи...

— Та-та-та, не лукавьте, милостивый государь! остановилъ его Красноперовъ:- вовсе не отъ избытка благоговѣнія не упоминаете вы о Богѣ, а потому, что не вѣруете! Или вѣруете по Ренану: Спаситель-де принесъ въ міръ прекрасное ученіе, а самъ былъ хорошій человѣкъ, а не Богъ! Вотъ вѣдь что у васъ на умѣ?

Всѣ улыбались.

— Почему же вы это знаете? спросилъ журналистъ, тоже улыбаясь.

— Какъ не знать! Всѣ знаютъ! теперь этого и не скрываетъ никто, до того дошло! Даже щеголяютъ этимъ: вотъ-мол какіе мы умные! Иначе какъ бы не напечатать объ упадкѣ религіи и не поддержать ее? А вы только объ упадкѣ курса пишите, да перечите правительству!

— На то спеціальные духовные журналы есть, замѣтилъ журналистъ:—тамъ и пишутъ о подобныхъ предметахъ...

— Да вѣдь вы сами говорили, что поповъ трогать нельзя; грозитъ, такъ вы грозите посадить куда-то автора! замѣтилъ Кряковъ Краснопорову.

— Вы хитры! возразилъ тотъ:—изъ воды сухи выйдете! Трогать духовныхъ особъ не велятъ, такъ какъ вы обозвете ихъ клерикалами, да и давай глумиться надъ ними!

Это точно, бываетъ... подтвердилъ Трухинъ.

— Зато, кажется, печать оказываетъ и не малую пользу—и правительству, и обществу. Согласитесь съ этимъ! возразилъ ему журналистъ.

— О, конечно-съ, конечно-съ... большую, большую пользу! согласился Трухинъ.—Печать горячо преслѣдуетъ кражи, убійства, всякіе скандалы! Сломаютъ ли кружку у церкви, или расхитятъ кассу въ банкѣ—вся пресса дружно и громко предаетъ гласности и кражу, и вора: всякія публичныя безобразія, также неисправности администраторовъ, особенно новыне, тоже непремѣнно обличитъ, по косточкамъ разберетъ.

— Даже если пьяный съ барки упадетъ въ воду и вылѣзетъ—и то не пропуститъ! прибавилъ Суховъ.

— Чего же вы еще хотите?

— Но она нерѣдко пропускаетъ безъ вниманія очень серьезныя вещи, и это меня иногда удивляло, признаюсь! отъ безпечности ли, или отъ чего другого? Вотъ въ чемъ мнѣ любопытно бы попросить разъясненія... продолжали синія очки.

— Напримѣръ, какія вещи? спросилъ журналистъ.

— Напримѣръ, вотъ хотя бы въ прошломъ году произошла смута между молодежью: разнесли столы, стулья, выгнали профессора...

— Что же, пресса не умолчала; объ этомъ всѣ журналы прокричали.

— Заявила, единогласно заявила,—это правда, правда! И какъ вѣрно, точно, отчетливо...

— Такъ что же?

— Мнѣ только любопытно бы знать, смиренно продолжали синія очки:—отчего пресса поскупилась на осужденіе этого поступка по достоинству... не прибавила ни слова отъ себя? Не пожурила, не разъяснила неприличія,

Это бы не могло не подѣйствовать на молодые умы благотворно, я полагаю...

— А случись противное, печать бы не молчала! замѣтилъ Красноперовъ.

— То-есть, взбунтуйся профессоръ противъ учениковъ, тогда бы печать напала на него! Такъ ли, по-вашему? спросилъ Кряковъ при общемъ смѣхѣ.

— Да! такъ, такъ! не смѣйтесь! ораторствовалъ Красноперовъ:—чуть гдѣ-нибудь учитель выдереть ученика за вихоръ, по-нашему, по-старому, или вытурить директоръ изъ училища лѣнтяя, а тотъ съ дуру топиться пойдетъ—сейчасъ газеты такъ и завопятъ: „ахти, какой директоръ злодѣй!“

— Если одни журналы умалчиваютъ, по вашему мнѣнію, о чемъ вы говорите, и преслѣдуютъ какія-нибудь свои задачи, замѣтилъ журналистъ гостю въ синихъ очкахъ:—зато другіе становятся на защиту тѣхъ вопросовъ, о которыхъ упомянули сейчасъ.

— Что нынѣшніе журналы! Вотъ Николай Ивановичъ и Оаддей Венедиктовичъ—тѣ сумѣли бы постоять за порядокъ! сказалъ Красноперовъ.—То былъ вѣкъ, когда...

— Когда водились еще гориллы, отъ которыхъ и произошли нынѣшніе сикофанты! досказалъ Кряковъ, поглядывая на синія очки.

Кругомъ его засмѣялись, больше всѣхъ студенты.

— Что это за неурядица такая, право! ну что бы всѣмъ дружно, да мирно идти однимъ путемъ, рука въ руку! мечталъ генералъ, обращаясь къ Сухову.

— И нога въ ногу, по-военному! договорилъ Сухов.— А ты что не идешь въ своемъ комитетѣ рука въ руку и не ходишь нога въ ногу съ Кураковымъ и Нетрищевымъ, а все вздоришь?

Генералъ такъ и затрясся весь.

— Съ этими... началъ онъ.

Сикофантами, что ли? подсказалъ Суховъ—и оба захохотали.

— Ну, и у сочинителей тоже самое! прибавилъ Суховъ.

— Духъ вѣка пробивается, генералъ! сказалъ профессоръ: —книгъ работа, совершается великая борьба идей, понятій, интересовъ... исхода которой мы, конечно, не увидимъ. Сила вещей приведетъ все къ должному концу. Нужно терпѣніе... не мы, такъ дѣти увидятъ тотъ порядокъ, который долженъ выработаться изъ этого хаоса.

Вотъ что значитъ профессоръ. сейчасъ нашелъ ключъ къ ларчику и рѣшилъ—какъ быть и что дѣлать, и средство такое простое предписалъ: - терпѣніе! Вѣкъ и успокоитъ! Покорнѣйше благодаримъ! сказалъ Кряковъ, кланяясь профессору.

— Страху бы намъ, страху! вотъ чего недостаетъ! твердилъ свое Красноперовъ.

– Позвольте обратиться къ нынѣшнему чтенію, сказалъ хозяинъ:—я имѣю сдѣлать предложеніе. Достоинство новаго произведенія признано, сколько я замѣтилъ, всѣми слушателями...

Кряковъ задвигался на стулѣ и хотѣлъ что-то сказать, но былъ удержанъ студентомъ.

— Мнѣ хотѣлось бы выразить благодарность автору за доставленное всѣмъ намъ удовольствіе, продолжалъ хозяинъ.—У меня есть старинный кубокъ, работы Бенвенуто-Челлини—дѣдъ мой изъ Венеціи привезъ—вонъ онъ, въ шкапѣ. Достаньте! обратился онъ къ дворецкому.

Тотъ ушелъ за ключомъ.

Что если мы велимъ вырѣзать на немъ всѣ наши имена и поднесемъ автору на память нынѣшняго чтенія! Какъ вы думаете?

- Кромѣ моего имени: я не желаю, отрѣзалъ Кряковъ.

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ.

— Очень хорошо, вѣжливо, но сдержанно замѣтилъ хозяинъ, послѣ минуты молчанія: - мы васъ обойдемъ. А вы согласны? спросилъ онъ, обводя глазами собраніе.

- Конечно! конечно! Какая славная мысль! Покорнѣйше просимъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Меня, меня не забудьте! нѣжнымъ голосомъ просила Лилина.

Дворецкій подалъ кубокъ и всѣ передавали его изъ рукъ въ руки.

— Отчего вы не желаете присоединиться къ намъ? спросилъ кротко Крякова старикъ Чепцевъ. Вы имѣете какія-нибудь свои особенныя причины?

— Да, имѣю.

- Или не находите романъ заслуживающимъ этого вниманія?

— Да, и романъ не нахожу заслуживающимъ! такъ и рубилъ Кряковъ.

-- Если бъ это было и такъ, то, независимо отъ критики, нашъ кружокъ хочетъ благодарить автора за его намѣреніе сдѣлать удовольствіе...

— Пусть благодаритъ, а я не стану!

Чепцевъ вздохнулъ съ прискорбіемъ. — Отчего же? — спросилъ онъ.

— Зачѣмъ онъ написалъ этотъ романъ? задорно упрекнулъ Кряковъ.

— Какъ зачѣмъ? вы слышали, какъ онъ объяснялъ свои мотивы: желаніе, въ формѣ романа, высказать нѣсколько идей, наблюденій, опытовъ... И онъ успѣлъ, не только со стороны содержанія, но и формы, и далъ тонкое, изящное произведеніе...

Не зачѣмъ распространять свои допотопныя идеи и

возвращать насъ за сто лѣтъ назадъ! Это все отжило! А если написалъ для забавы, такъ читай на ухо тому глухому графу, что подлѣ него сидѣлъ, да вонъ господину Красноперову; тѣ и удовлетворятся! А онъ собралъ вонъ сколько народу, — это ужъ публика; значитъ, у него не просто забава была на умѣ, а поученіе, претензія! Пожалуй и въ печать суется! Покажись только —я бы ему далъ знать!

Студентъ засмѣялся.

— Этотъ критикъ, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, крокодила обѣлся! шепнулъ одинъ гость другому—изъ тѣхъ, что находятъ всякое чтеніе, на которое зовутъ, прекраснымъ.

Всѣ молчали. Кряковъ тоже замолчалъ и сердито жевалъ, обводя гостей глазами и ожидая возраженія.

Старикъ Чешневъ былъ какъ будто лично оскорбленъ. По своей впечатлительности онъ былъ до крайности чутокъ и ощущая пріятное и непріятное, какъ тепло и холодъ, не могъ воздержаться и не выразить своего ощущенія словомъ или жестомъ, иногда рѣчью.

— Если бъ это было и такъ, если бъ этотъ романъ не имѣлъ достоинствъ и его не слѣдовало писать и даже читать, говорилъ онъ сосѣду своему виолголоса, медленно, точно нѣхотя:—то неужели этотъ гость, приглашенный въ интимный кружокъ друзей автора, не понимаетъ неумѣстности своего протеста!

Онъ вздохнулъ и опустилъ голову.

— Вы обо мнѣ говорите? рѣзко обратился къ нему Кряковъ, до котораго долетѣло нѣсколько словъ.

Чешневъ взглянулъ на него какъ будто съ состраданіемъ и не сказалъ ничего.

Урановъ началъ немного безпокоиться и поглядывалъ съ недоумѣніемъ то на Крякова, то на своего племянника, какъ бы спрашивая послѣдняго глазами: „какого это гостя

привезъ ты ко мнѣ?“ Но студентъ старался не смотрѣть на дядю.

— Вы требуете, чтобы я хвалилъ то, что нахожу дурнымъ; это противно моимъ принципамъ! заключилъ Кряковъ.

— Слишишь — „принципы“, это стоитъ „игнорированья“, тихо замѣтилъ генералъ Сухову.

— Вы дали преимущество одному принципу и забыли о другихъ, которые нужно было тоже соблюсти въ эту минуту здѣсь... — сказалъ небрежно Чешневъ, глядя въ сторону.

— Вы хотите дать мнѣ урокъ приличія? Благодарю! Но я ему не послѣдую—и въ угоду вамъ или хозяину, за его ужинъ, не стану восхищаться тѣмъ, что̀ никуда не годится. Это заячьи души способны такъ поступать!

— Ого! замѣтилъ кто-то въ концѣ стола.

— Этого и не нужно, никто и не проситъ! учтиво замѣтилъ Урановъ:—тѣмъ болѣе, что романъ и не напечатанъ, а прочтенъ намъ по довѣрію, въ надеждѣ на снисхожденіе.

— Ахъ, какая институтка вашъ авторъ—въ снисхожденіи нуждается! Зачѣмъ и писать въ такомъ случаѣ?

— Позвольте, однако; нельзя же все порицать въ романѣ, въ немъ есть, конечно, недостатки, но есть и большія достоинства...—заступился профессоръ.

— Одни только недостатки! я ничего больше не вижу! рѣшилъ Кряковъ.

— Помилуйте, когда все общество... заговорили нѣкоторые.

— И какой это романъ? развѣ это романъ? вызывающимъ голосомъ возражалъ Кряковъ.

— Что же вы называете романомъ? спросилъ Чешневъ.

— Я не даю уроковъ эстетики, вонъ спросите профес-

сора! отвѣтилъ точно брякнулъ. Кряковъ, однако прибавилъ: -Вѣдь романъ есть, или долженъ быть, художественнымъ произведеніемъ... такъ, что ли, господинъ профессоръ?

— Такъ что же-съ?

— Развѣ здѣсь есть художественность... въ томъ, что намъ читали сегодня?

— А позвольте васъ спросить, смиренно заговорили синія очки:- позволили вы читать и къ какому роду произведеній, художественныхъ или нехудожественныхъ, вы относите, напримѣръ, романъ французскихъ писателей Эркмана-Шатріана „Исторія одного крестьянина?"

— Высокаго художественнаго достоинства! отрѣзалъ Кряковъ, мутно поглядѣвъ на него.

— Такъ-съ! сказалъ тотъ, потушившись.

— А позвольте мнѣ, также смиреннымъ голосомъ, передразнивая синія очки, заговорилъ Кряковъ:—въ свою очередь, спросить васъ, отчего именно объ этомъ романѣ спрашиваете вы меня?

— Относительно художественности... за нимъ, кажется, французы не признаютъ этого качества, замѣтилъ гость, потупляясь къ тарелкѣ.

— Ты читалъ этотъ романъ? спросилъ Урановъ у Сухова.

— Нѣтъ! я не читаю и русскихъ новыхъ авторовъ, отмахивался Сухово:—пробовалъ, да бросилъ.

— Что такъ?

— По ночамъ сталъ кричать!

— Да что тамъ такое описывается? добивался Урановъ.

— Революція! вызвался объяснить Кряковъ, но прежде иронотомъ спросилъ студента: „Не вру ли я? я забылъ! кажется, тамъ революцію превозносятъ?" „И я забылъ: да ничего, сойдетъ!" отвѣчалъ тотъ и засмѣялся.

— Тамъ герои первой французской революціи уподобляются древнимъ римлянамъ! смѣло провозгласилъ Кряковъ громко Уранову: —такъ вотъ ваши гости, господинъ Красноперовъ, да господинъ... (онъ поглядѣлъ на синія очки) Синеоковъ, кажется, и собираются высѣчь меня за то, что я хвалю этотъ романъ. Такъ ли? прибавилъ онъ, глядя на нихъ обоихъ.

— Да, теперь Марата, Робеспьера и Дантона чуть не въ святые возводятъ: это все новые... съ своимъ прогрессомъ! добавилъ Красноперовъ.

— Ну, а что ты скажешь, Иванъ Петровичъ, обратился Урановъ къ Красноперову: — о романѣ нашего автора? Ты все воевалъ противъ молодыхъ литераторовъ, а ничего объ этомъ не сказалъ!

— Не одобряю! рѣшилъ Иванъ Петровичъ.

— Что такъ? вѣдь въ немъ религія поставлена выше всего; и долгъ, и военная честь, и патріотизмъ, все есть!

— Такъ-то такъ... Но объ этомъ надо бы не въ романѣ писать,—не мѣсто тамъ! —а въ серьезномъ сочиненіи изложить! А то въ романѣ — нашелъ гдѣ! Да и какой это романъ— они правду сказали... Онъ указалъ на Крякова.

— Слышишь, Митя? я най-мальчикъ сталъ, папа-Фамусовъ похвалилъ! прибавилъ, осклабясь, Кряковъ.

— Въ романѣ нѣтъ ничего особеннаго, необыкновеннаго... прибавилъ Красноперовъ.

— Какъ особеннаго?

— Такъ! описывается все, что каждый день вездѣ случается: что жъ это за романъ?

— Значитъ, изображается жизнь, какъ есть, что и слѣдуетъ изображать въ картинѣ, снисходительно замѣтилъ профессоръ.

— Зачѣмъ же изображать, если я это каждый день и такъ вижу!

Всѣ засмѣялись.

— А тебѣ чего же надо? спросилъ Сухово: — чтобы люди на головахъ ходили, или ѣли другъ друга, что ли?

— Да, пожалуй: если это случится—и опшии!

— Гдѣ вы учились? вдругъ спросилъ его Кряковъ.

— А вамъ на что? сердито возразилъ старикъ.

— Любопытно бы знать! сказалъ тотъ.—Я отдамъ туда своихъ дѣтей.

Смѣхъ былъ общій.

— Да вѣдь Гоголь писалъ тоже все, что каждый день происходитъ... замѣтилъ студентъ.

— Ну и скверно! хладнокровно рѣшилъ Красноперовъ.— Не даромъ Фаддей Венедиктовичъ не могъ его терпѣть! и Николай Ивановичъ тоже! Вонъ давали мнѣ „Мертвыя души“: я думалъ, судя по заглавію, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь особенное, романическое: а тамъ плутъ какой-то собиралъ имена умершихъ послѣ ревизіи крестьянъ, чтобъ заложить ихъ! Что жъ тутъ интереснаго? И нынѣшній ваши авторъ описываетъ, какъ молодой человѣкъ влюбился въ женщину и оба тайкомъ уѣхали въ деревню, да тамъ и нѣжничаютъ! Какая рѣдкость! Я думаю, съ каждымъ поѣздомъ десятки такихъ влюбленныхъ паръ уѣзжаютъ — такъ обо всѣхъ и писать!

Всѣ съ веселой улыбкой слушали эту критику.

— Какіе же романы вы признаете занимательными? спросилъ Чешневъ.

— Теперь я не знаю, а прежде бывали хорошіе романы! сказалъ онъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... хоть бы: „Черная женщина“—Николая Ивановича, „Кощей безсмертный“, „Выжигинъ“ тоже, „Эвелина де-Вальеролъ“—Нестора Васильевича Кукольника. „Постоялый дворъ“ Степанова. Былъ еще помню,

англійскій романъ „Мельмотъ Скиталецъ". Вотъ „Ледяной домъ" Ивана Ивановича Лажечникова... Это романъ! какъ изо льда домикъ сдѣлали, свадьбу тамъ играли, человѣка заморозили...

— Вотъ это критикъ, такъ критикъ! Молодецъ Иванъ Петровичъ! за свое постоитъ! говорилъ Суховъ.—Превесело у тебя сегодня, Григорій Петровичъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ Уранову и поглядывая на Крякова и на Красноперова.

— Вотъ видите, какая разница во взглядахъ на романъ! смѣясь, замѣтилъ Чешневъ.—Сказать—„романъ", значитъ, сказать: ничи, что хочешь! Вотъ тутъ (онъ указалъ на Ивана Петровича) требуютъ чудесъ, небывалаго; а здѣсь назвали „Histoire d'un paysan", книгу, которая мало подходитъ подъ ваше опредѣленіе романа... Онъ обратился къ Крякову.

— Пожалуй, это не романъ въ шаблонномъ смыслѣ. сказалъ тотъ:—но это великое произведеніе ума!

— Пусть произведеніе ума—по вашему мнѣнію—но не искусства же! замѣтилъ профессоръ.

— Пора бы бросить эти школьныя перегородки! ворчалъ Кряковъ, глядя исподлобья.

— Да не вы ли сами сейчасъ, на вопросъ Дмитрія Ивановича, сказали, что романъ долженъ быть художественнымъ произведеніемъ...

— Знаю, знаю! что вы мнѣ тычете въ глаза моими словами! перебилъ Кряковъ.

Всѣ засмѣялись.

— Ah, sapristi, quel langage! замѣтилъ кто-то вполголоса въ концѣ стола.

— А это ваше sapristi—какой „лангажъ", элегантный. что ли? вдругъ обратился Кряковъ къ говорившему.

Опять всѣ засмѣялись.

— Превеселo! говорилъ Суховъ.

— И изъ вашихъ же лекцій добылъ это опредѣленіе романа! сказалъ Кряковъ профессору.

— И примѣнили его къ одному сочиненію: отчего же не примѣнить и къ другому? Позвольте, однако, возвратиться къ прочитанному сегодня произведенію и объяснить, къ какой категоріи романовъ принадлежитъ оно: тогда уже можно опредѣлить и его достоинство, сказалъ профессоръ.

— Ну, лекція начинается, слушайте! ворчалъ Кряковъ.

Профессоръ услыхалъ.

— Я не имѣю претензіи читать лекцію, сказалъ онъ скромно:—я только хотѣлъ выразить и свое мнѣніе... наравнѣ съ другими, ни болѣе, ни менѣе... если хозяинъ позволитъ...

— Сдѣлайте одолженіе! помилуйте! продолжайте! мы просимъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ бросилъ недовольный взглядъ на Крякова, и на племянника тоже.

— Опредѣленіе, что романъ долженъ быть художественнымъ произведеніемъ—вѣрно, началъ профессоръ:—такъ и въ учебникахъ написано, вы правду говорите (онъ обратился къ Крякову). Все дѣло въ степени художественности, т.-е. въ степени таланта. Одни писатели дорожатъ болѣе всего своею идеею, такъ сказать, внутреннею задачею, заботясь о томъ, что выразить: для нихъ искусство—средство, а не цѣль: другіе, напротивъ, увлекаются формою, дорожатъ тѣмъ, какъ выражать: наконецъ, третьи, первоклассные таланты, счастливо соединяютъ въ себѣ и содержаніе, и форму. Много ли такихъ! Диккенсъ, Теккерей, Бальзакъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, не родятся на каждомъ шагу...

— Какія новости разсказываете! перебилъ Кряковъ:— что мы, пансіонерки, что-ли!

Всѣ улыбнулись.

— Позвольте, позвольте, слово за профессоромъ! учтиво замѣтилъ Урановъ.

— Нашъ авторъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ первой категоріи, продолжалъ профессоръ.—Онъ выбралъ себѣ задачею, какъ онъ намъ самъ пояснилъ, заключить въ формѣ романа свои идеи, наблюденія, можетъ-быть, личные опыты, и вообще ходъ жизни, со всею ея игрою и видоизмѣненіями, въ томъ кругу общества, въ которомъ онъ родился, воспитался и выросъ. Онъ освѣтилъ его свѣтомъ своего ума, воображенія и наблюдательности, но преимущественно ума...

— Très-bien! громко произнесъ одинъ гость.

— Написать такой романъ уже само по себѣ не умно, а вы еще воображеніе у него нашли! замѣтилъ Кряковъ.

— Авторъ, продолжалъ профессоръ, не останавливаясь:—старается, въ своемъ взглядѣ на воспитаніе, на нравственность, на дѣятельность и страсти своихъ героевъ, подойти къ общему идеалу, къ нормѣ...

— Слышишь, сказалъ генералъ, тихо толкая Сухова локтемъ:—профессоръ-то: „норма“...

— Или къ идеаламъ о долгѣ, чести, вообще достоинства человѣка, преимущественно воина. Этому званію— сколько до сихъ поръ можно видѣть—авторъ посвящаетъ свой трудъ. И книга его, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть воспитательное значеніе...

— Да, Телемака написалъ, этотъ новый Фенелонъ! перебилъ Кряковъ.

— Позвольте, не перебивайте профессора! опять замѣтили ему.

— Но, стремясь къ своей особенной, спеціальной цѣли, говорилъ далѣе профессоръ:—авторъ не забылъ и условій искусства. Онъ въ значительной степени удовлетворилъ требованіямъ романа: тамъ много, какъ всѣ, конечно, но-

мнять, пейзажей, которые, очевидно, писаны съ любовью съ самой натуры; много есть изображеній правовъ... нѣжныхъ, граціозныхъ сцень любви, много мѣткихъ наблюденій, искръ мысли... Чего же вы еще хотите?

— Вѣдь мы слышали сами и знаемъ, что тамъ написано! Ну-съ! дальше проповѣдуйте! не утерпѣлъ сказать Кряковъ.

— Il parle très-bien! повторили одобрительно въ концѣ стола.

— Дѣло! дѣло! именно такъ! вы высказываете общее всѣмъ намъ впечатлѣніе? говорилъ Урановъ.

— C'est très beau ce qu'il dit! Какъ вѣрно! подсказала и Лилина.

— Если хотите, продолжалъ профессоръ:—строго говоря, романъ относится къ той категоріи произведеній, которыя называются тенденціозными, и изъ которыхъ создалась въ новое время цѣлая литература. Я не поклонникъ утилитаризма въ искусствѣ...

— „Тенденціозный", „утилитаризмъ"! шепталъ генералъ, пожимая плечами.

— Чего же вы поклонникъ? „поэзіи живой и ясной" или „сладкихъ звуковъ и молитвъ", что ли? перервалъ Кряковъ.

— Да позвольте говорить профессору! останавливалъ хозяинъ Крякова.

- Да, между прочимъ, я поклоняюсь и этому, подтвердилъ профессоръ.—Но прежде всего я требую свободы для искусства, а на него въ новое время хотятъ наложитьоковы: оно не потерпитъ этого! Высокій талантъ не выкинетъ, конечно, изъ своей картины, страданій, бѣдъ, золъ, тягостей и нуждъ человѣческихъ,—но кисть его при этомъ не обойдетъ и свѣтлыхъ сторонъ жизни; тогда только и возможна художественная правда, когда и то, и другое будетъ уравновѣшено, какъ оно есть и въ самой жизни. А

новая школа уже сдѣлала себѣ спеціальность, можно сказать, ремесло, служить только утилитарнымъ цѣлямъ, заставить искусство искать только всякихъ золъ, подъ святымъ предлогомъ любви и состраданія къ ближнему...

— А вы себѣ взяли привилегію, что ли, на любовь къ ближнему? И чѣмъ вы ее выразили, вы, наши „строгіе цѣнители и судьи“? рѣзко спросилъ Кряковъ.—Мы хоть путемъ отрицанія и обличенія наводимъ на эту любовь, а вы чѣмъ?

— Запретить бы эти обличенія! сказалъ Красноперовъ.—Это они пишутъ въ пику правительству: „вотъ-де—не смотритъ, не печется!“ Не ихъ дѣло совать носъ въ больницы, да въ тюрьмы: на то установлены комитеты!

— Открывать глаза обществу на наши общественныя нужды и недуги—цѣль, конечно, почтенная, продолжалъ профессоръ, помолчавъ:—и искусство повинно принести свою ленту, и давно уже принесло ее. А наши ревнители добра наладили на эту тему и умышленно обходятъ свѣтлыя стороны жизни, впадаютъ въ преувеличенія, въ односторонность и, стало-быть, перестали быть правдивы!

— Какую вы дичь порете! зачѣмъ? вдругъ произнесъ Кряковъ.

На это, послѣ минутнаго оцѣпенѣнія, послѣдовалъ взрывъ смѣха. Чаша переполнилась и обижаться было невозможно. Никто и не обидѣлся: ни ораторъ, ни хозяинъ. Только Чешневъ горестно вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

— А къ тому я порю эту дичь, упирая на слово дичь, сказалъ профессоръ, ободренный общимъ сочувствіемъ къ нему:—чтобы выяснить, что въ однихъ романахъ, напримѣръ, въ „Копперфильдѣ“ или „Никвикскомъ клубѣ“ Диккенса, въ „Père Goriot и Eugénie Grandet“ Бальзака, въ „Капитанской дочкѣ“ и „Героѣ нашего времени“—худо-

жественность задачи есть и цѣль, и средство; а въ другихъ какъ и въ прослушанномъ нами сегодня, преобладаетъ мысль автора, на помощь которой онъ призвалъ искусство...

— А оно не пришло, сказали бы коротко и ясно! Зачѣмъ же лекцію читать? добавилъ Кряковъ.

— Нѣтъ, я не скажу этого, возразилъ профессоръ.

— И никто не скажетъ! сказалъ хозяинъ.

— Никто! повторили и другіе.

— Значитъ, все-таки тенденція есть, замѣтилъ журналистъ: — стало-быть, вы допускаете и тенденціозные романы!

— Я все допускаю, гдѣ есть умъ или талантъ, прибавилъ профессоръ.

— Покорнѣйше благодаримъ! Какъ вы добры! иронически сказалъ Кряковъ:—за что же было ворчать на романъ „Исторія одного крестьянина"?

Онъ кивнулъ туда, гдѣ сидѣлъ господинъ въ синихъ очкахъ.

— Стало-быть, тенденціозный романъ все-таки нуженъ и имѣетъ sa raison d'être, продолжалъ журналистъ.

— Что, вѣрно русскаго пороха не хватило, такъ давай изъ Франціи выписывать! тихо замѣтилъ генералъ.

— Вѣдь есть моменты въ исторіи, говорилъ далѣе журналистъ: —когда совершаются такіе крутые повороты отъ одного круга идей, понятій, событій, къ другимъ, которые требуютъ усиленнаго и совокупнаго участія всѣхъ нравственныхъ силъ, какими располагаетъ общество, между прочимъ и искусство. Согласитесь, что наше время будетъ отнесено исторіею къ числу такихъ раздражительныхъ и горячихъ моментовъ...

— Совершенная правда! согласился профессоръ:— искусство и приняло на себя часть общей работы; въ немъ и возобладало отрицательное направленіе. Современная ли-

тература грѣшить только тѣмъ, что злоупотребляетъ этимъ, насилуетъ искусство, признаетъ только одно обличительное направленіе и гонитъ все другое, какъ будто бы ненужное...

— Что жъ Ламартинъ нуженъ, что-ли? отчего же онъ побѣдилъ, а Гюго, напримѣръ, пережилъ его? перебилъ Кряковъ.—Или отчего Гейне сдѣлался представителемъ лирической поэзіи въ Германіи, какъ не отъ того, что въ немъ есть, говоря вашимъ краснорѣчивымъ слогомъ, святая злоба, по-просту—спиртъ, злой умъ и талантъ? Ходите вы съ своими „сладкими звуками и молитвами"? Чего слаще Ламартина и гдѣ больше молитвъ, какъ не у него, а его забыли; что же это значитъ?

— Нѣтъ, не забыли и не забудутъ, замѣтилъ профессоръ:—онъ былъ поэтъ своего вѣка и останется въ исторіи литературы: ни Викторъ Гюго, ни Гейне не превзойдутъ его ни пафосомъ чувства, ни высотою мысли. Но онъ жилъ въ своемъ времени и отошелъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ отойдутъ, въ свою очередь, и другіе. Кромѣ стиховъ, онъ оставилъ слѣдъ, какъ и историкъ: его „Исторія жирондистовъ"...

— Какая это исторія! Это плохой сентиментальный романъ! сказалъ Кряковъ.

— Ну, нѣтъ, съ этимъ позвольте не согласиться! замѣтилъ Чешневъ: — и французы не раздѣлятъ вашего мнѣнія.

— Это еще не причина! во Франціи тоже не мало слюняевъ! отозвался Кряковъ.

— Ce „тоже" est impayable! Oh. l'enfant terrible! замѣтилъ кто-то въ концѣ стола.

Кряковъ покосился туда, какъ будто отыскивая виноватаго.

— Такимъ образомъ, по-вашему, оказывается, сказалъ журналистъ профессору: —что романъ, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ изображеніе жизни, долженъ быть произведеніемъ

творческаго искусства; но никому, конечно, нельзя запретить называть романомъ и произведеніе ума, подъ однимъ условіемъ, чтобы онъ не былъ скученъ...

— Conditio sine qua non, подтвердилъ профессоръ.

— Опять пороху не хватило! сказалъ генералъ Сухову.

— Вѣдь это ученый разговоръ, такъ какъ же безъ латыни! Ахъ ты, Скалозубъ! сказалъ Суховъ, ударивъ его ладонью по колѣнкѣ.

— Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь о романѣ? Или вы все выложили изъ мѣшка? спросилъ насмѣшливо Кряковъ.

— Есть еще одно послѣднее сказанье, но я узкъ, право, не знаю, говорить ли... Я, кажется, и такъ употребилъ во зло вниманіе собесѣдниковъ...

— Да, кажется! вставилъ Кряковъ.

— Эту дурную привычку говорить много...

— И говорить прекрасно! прибавилъ Урановъ.

— Эту привычку я пріобрѣлъ на каѳедрѣ. Но извините, я перестану: я вижу явные знаки нетерпѣнія. Вонъ, господинъ Кряковъ ждетъ не дождется...

Онъ съ улыбкою глядѣлъ на Крякова.

— Ничего, продолжайте! вѣдь и поданная къ крыльцу лошадь ржетъ и бьетъ копытомъ отъ нетерпѣнія... но на это никто не смотритъ! вдругъ храбро сказалъ генералъ.

Общій хохотъ покрылъ его фразу.

— Bien dit! сказалъ одинъ гость.

— Да, мѣтко! не въ бровь, а прямо въ глазъ! къ общему удивленію добродушно замѣтилъ Кряковъ и тоже разсмѣялся, пряча носъ въ бороду.—Браво, генералъ, по-военному! прибавилъ онъ.—За ваше здоровье!

Онъ выпилъ вино.

— Il fait bonne mine à mauvais jeu, il n'est pas sot! сказалъ опять тотъ же гость.

Кряковъ сердито поглядѣлъ на него.

— Ругайтесь, сколько хотите, а похвалъ вашихъ не просять! отрѣзалъ онъ.—Вѣщайте же намъ ваше послѣднее сказаніе! обратился онъ къ профессору.

— Я хотѣлъ только замѣтить, что новые писатели даютъ слишкомъ много мѣста реализму. Но объ этомъ говорено такъ много, что скучно становится. Отвергаютъ всѣ основы искусства... дошли до абсурда.

— Слышишь—„абсурдъ", каково слово! Онъ здакъ и на каѳедрѣ преподаетъ? замѣтилъ генералъ, обращаясь къ Сухову.

— Послушать реалистовъ, продолжалъ профессоръ.— такъ они одни только внесли правду въ искусство тѣмъ, что гонятъ фантазію, какія-то „украшенія", т.-е. поэзію! Что можетъ быть, напримѣръ, правдивѣе Пушкина? Но правда не мѣшала у него и фантазіи, и нѣгѣ, и юмору...

— Полноте кадить этому нѣвцу барства. „праздной скуки" и „нѣги томной!" возразилъ Кряковъ.—Вѣдь сами сейчасъ упомянули о духѣ времени: этотъ духъ скоро снялъ его съ пьедестала. Старики захлебывались, бывало, его стихами, а теперь кто ихъ читаетъ! И самъ онъ захлебывался своею славою и провозгласилъ: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный, къ нему не зарастетъ народная тропа!" Народъ и не подозрѣваетъ этой „тропы", а поклонники давно забыли ее... и могила-то, говорятъ, развалилась вся! Даже некому тамъ и указать ее! Нашли у кого правду! прочтите-ка, напримѣръ, хоть „Въ вратахъ эдема ангелъ нѣжный"—какъ это правдоподобно!

— Извольте, прочту! и вы сами увидите, что это правдиво; вы счастливо попали!

Профессоръ буквально исполнилъ предложеніе критика и прочелъ стихотвореніе наизусть. Всѣ аплодировали— конечно Пушкину.

— Какая ерунда! сказалъ, поморщившись, Кряковъ.

Студентъ покатился со смѣху и спрятался за спину Крякова.

— Если вы, занѣвъ жалкимъ голосомъ Чешневъ, обращаясь къ Крякову:—не видите передъ глазами живую картину—сіяющаго у одра ангела и демона, летающаго надъ бездною, если не чуете глубокой идеи, таящейся въ этой картинѣ, то вы можете принять девизъ Данте—„оставь всякую надежду на поэзію“...

— Но не на правду! А она одна поэзія и есть! перебилъ Кряковъ. — Кто сейчасъ сказалъ, что искусство должно изображать жизнь? Откуда же Пушкинъ взялъ этого чорта надъ бездной: изъ жизни, что ли? Или онъ видѣлъ этого ангела?...

— Видѣлъ, сказалъ профессоръ:—въ своей фантазіи, и мы всѣ видимъ...

— Ну, такъ стало-быть вы вѣрите въ чертей: что съ вами и разговаривать! Пусти, уйду! говорилъ Кряковъ, стараясь вырвать полу платья изъ руки студента.

Но однако не ушелъ.

— Боже мой! тосковалъ Чешневъ:—какая ложь, какое искаженіе человѣческой природы! Жить безъ идеала, то-есть, жить безъ цѣли! Отрѣшиться отъ фантазіи—значитъ оборвать всѣ цвѣты, погасить солнечные лучи... обратиться въ тьму кромѣшную...

— Зачѣмъ? не надо только врать! Пусть говорятъ про солнце, да не называютъ его „Фебомъ съ золотыми перстами“ и т. п. дичь! Вы называете идеаломъ праздное и больное мечтаніе! У человѣка одинъ идеалъ—правда! Правда въ наукѣ, правда въ жизни, правда въ искусствѣ... и пишите ее, какъ она есть: безъ прикрасъ, безъ вашихъ лучей...

— Отлично! отлично! браво, Кряковъ! апплодировалъ студентъ, такъ что Урановъ, незамѣтно отъ другихъ, сердито погрозилъ ему пальцемъ.

— Не мѣшай! строго остановилъ его и Кряковъ.

— Да такой нѣтъ правды, никто ее такою не видалъ и нельзя видѣть! говорилъ Чешневъ.

— Еще замѣчу объ объективности, сказалъ профессоръ.—Новые писатели хотятъ простереть ее слишкомъ далеко. Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ я—это такъ! Но его духъ, фантазія, мысль, чувство—должны быть разлиты въ произведеніи, чтобъ оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ или читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора, наслаждаются картиною, какъ, напримѣръ, намъ въ этой комнатѣ всѣмъ покойно, тепло, уютно... но если бъ вдругъ нашъ гостепріимный хозяинъ скрылся куда-нибудь -комната перестала бы согрѣваться его радушіемъ, и мы остались бы какъ въ трактирѣ...

— Браво! браво! раздалось со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ рукоплесканіями этому юмористическому обороту рѣчи.

— Dieu! comme il parle bien! говорили въ концѣ стола.—За здоровье профессора!

Всѣ чокнулись съ нимъ бокалами.

— Знаете ли что, господинъ профессоръ: вѣдь этотъ ужинъ тонкій, дорогой, сказалъ Кряковъ: — куда вамъ вашимъ краснорѣчіемъ заплатить за него!

Студентъ фыркнулъ отъ смѣха.

— Что это вы говорите, съ вѣжливой строгостью замѣтилъ хозяинъ: — къ чему тутъ ужинъ! какъ вамъ не стыдно придавать такое значеніе дружеской бесѣдѣ!

— Не оспаривайте этого, возразилъ Кряковъ: — ни профессору, ни мнѣ такъ ужинать часто не приходится: ужинать сами мы васъ не позовемъ, а заплатить за госте-

пріимство хочется! Это хотя и не поэтическая, а житейская правда! Такъ ли, господинъ профессоръ?

Но профессоръ съ достоинствомъ молчалъ.

— Не любятъ правды ни въ искусствѣ, ни въ жизни! со вздохомъ сказалъ Кряковъ.—Кажется, я одинъ только и есть правдивый человѣкъ здѣсь! Какъ ты думаешь, Митя? обратился онъ къ студенту и сильно хлопнулъ его всею ладонью по плечу.

— Смотрите, драться сталъ! сердито глядя на него, шепнулъ старикъ Красноперовъ.

Нѣкоторые изъ гостей въ концѣ стола сдѣлали брезгливую мину.

Всѣ молчали. Уранову было какъ-то неловко. Онъ поглядывалъ съ упрекомъ на племянника, но тотъ упорно продолжалъ избѣгать его взгляда.

— А зачѣмъ эти новые такъ пишутъ? спросилъ генералъ.

— Какъ зачѣмъ! Чего больше спрашиваютъ, то и пишутъ. Новые пути открываютъ... ты слышалъ? объяснялъ Суховъ.—Вѣдь и у васъ вонъ перестали теперь шагать выше носа, да глядѣть въ одну сторону, а тоже ввели бѣглый шагъ и въ разсыпную, что ли! Солдатъ грамотѣ выучили, и мало ли чего завели новаго!

— И напрасно! сказалъ со вздохомъ Красноперовъ, вслушавшійся въ ихъ разговоръ:—вотъ увидите, какихъ бѣдъ наживете. У васъ, слышь, и палки отмѣнили... и чуть не гладятъ по головѣ виноватыхъ!

— Вы изволите спрашивать, отчего новые такъ пишутъ? обратился профессоръ къ генералу: — оттого что легче. Творчество не всякому дается, а реализмъ, и техника—это двѣ двери, которыя отворяются передъ всѣми, кто постучится въ нихъ! Даже школу выдумали... а школы не выдумываются, а создаются геніальными талантами:

такихъ теперь нигдѣ нѣтъ! Диккенсъ, Пушкинъ и Гоголь не подозрѣвали, что создаютъ школу, а она создалась ими! А эти господа сами заявляютъ о своей школѣ!

— „Реализмъ" да „техника"—объяснилъ, нечего сказать! вполголоса замѣтилъ генералъ Сухову.

— Все это какъ нельзя болѣе справедливо, сказалъ Чешневъ:—и я, начавъ этотъ критическій турниръ, былъ очень радъ, что вы взяли изъ моихъ рукъ копье и ратовали побѣдоносивѣе меня. Все сказанное вами, какъ вы основательно замѣтили, послужитъ намъ нормою для опредѣленія достоинства прочитаннаго нами романа. Вы очень вѣрно замѣтили, что нашъ авторъ не строго объективный творецъ-художникъ...

— Однако съ задатками творчества! прибавилъ профессоръ.

— И онъ далъ намъ увлекательное изображеніе, продолжалъ Чешневъ: — въ широкой рамѣ той жизни, въ сферѣ которой онъ живетъ... и мы всѣ здѣсь—за отсутствующихъ мы тоже поручимся — должны признать за этимъ романомъ...

— Большія достоинства! подтвердилъ профессоръ.

— Да, замѣчательное произведеніе, равнодушно прибавилъ журналистъ.

Кряковъ повернулся на стулѣ при этихъ похвалахъ.

— Да перестаньте! сердито замѣтилъ онъ.

Но ему не отвѣчали.

— Стало-быть, авторъ вполнѣ достигъ цѣли, къ которой шелъ, и мы можемъ — если позволите, прибавилъ Чешневъ, обращаясь къ хозяину:—выпить за его здоровье и благодарить за удовольствіе, доставленное намъ...

Всѣ чокнулись и выпили.

— Выпить-то и я выпью! замѣтилъ Кряковъ и выпилъ, но не чокнулся ни съ кѣмъ.

— А какой правильный, обработанный языкъ! сказалъ профессоръ.

— Да, славно пишетъ! подтвердилъ генералъ:—только жаль, что и у него попадаются — то иностранныя, то мудреныя слова, напримѣръ: коалиція, элементы, еще что-то...

— Въ корректурѣ это все вѣроятно будетъ исправлено, сказалъ журналистъ. — Хорошо бы немного придать разнообразія, небрежности языку, что называется abandon. А то ужъ слишкомъ гладко, прибранно, стилисто!

— Вы, конечно, обратился Чешневъ къ журналисту:— охотно приняли бы его на страницы вашего журнала?

Журналистъ задумался и не сразу отвѣчалъ.

— Я не знаю... надо подумать... поговорить съ моимъ сотрудникомъ по части бѣллетристики, отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Но вѣдь вы находите въ романѣ достоинства?

— О, конечно; но этого мало. Журналъ мой издается въ извѣстномъ направленіи—слѣдовательно все, что входитъ въ него, должно, или отвѣчать этому направленію, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить ему рѣзко...

— Кажется авторъ отдѣльнаго самостоятельнаго сочиненія отвѣчаетъ самъ за себя, замѣтилъ Чешневъ: — и журналъ, помѣщающій его на своихъ страницахъ, играетъ тутъ роль только магазина, принимающаго вещь для продажи.

— Нѣтъ, это не такъ! сказалъ засмѣявшись журналистъ. — Тогда это былъ бы не журналъ, а сборникъ, альманахъ...

— Кому охота разводить скуку въ своемъ журналѣ? замѣтилъ Кряковъ, шептавшійся съ студентомъ и услыхавшій послѣднія слова.

— Позвольте не согласиться съ вашимъ отзывомъ,

твердо сказалъ хозяинъ:—романъ не скучный... Мы всѣ на лицо—и всѣ скажемъ противное.

— Всѣ! всѣ! дружно сказали голоса.

— Скучный! утомительный! твердилъ Кряковъ:—я не могъ высидѣть...

— Это еще не причина! съ учтивымъ смѣхомъ возразилъ Чешневъ.

— Однакожъ высидѣли! замѣтилъ хозяинъ: — я даже, извините, видѣлъ, что, при чтеніи иныхъ страницъ, ваши глаза, какъ бы это сказать, блистали, —значитъ было занимательно...

— Я хотѣлъ бѣжать, да вотъ онъ не пускалъ! сказалъ Кряковъ, указывая на студента.

— C'est très-joli, charmant! тутъ нельзя соскучиться... Когда и кончилось, всѣ еще слушали, хотѣли продолженія!... говорила Лилина и другіе.

— Да и скука—дѣло условное, сказалъ Чешневъ:—есть много умныхъ, почтенныхъ людей, которымъ скученъ и Гомеръ, и Шекспиръ! Я самъ знаю такихъ, которые тотчасъ уходятъ, лишь только заиграютъ при нихъ изъ Моцарта или Бетховена, но съ удовольствіемъ слушаютъ шансонетки изъ „Елены прекрасной“ или „Duchesse de Gérolstein“. Другіе не терпятъ исторической школы въ живописи и отворачиваются отъ Тиціана и Рубенса, а засматриваются tableaux de genre. Многимъ даже всякій разговоръ образованныхъ людей въ салонѣ скученъ...

— C'est vrai, c'est vrai! Bien dit! Да! это вѣрно, мѣтко! одобряли въ концѣ стола.

Кряковъ обводилъ глазами говорившихъ, какъ бульдогъ, будто выбирая, на кого бы наброситься.

— Такъ вы сравниваете вашего автора съ Гомерами, Рубенсами и Тиціанами! Ха! ха! ха! захохоталъ онъ:— поздравляю васъ и нью за ваше здоровье!

Онъ, иронически кланяясь Чешневу, выпилъ свой бокалъ.

— Я выпью за ваше и пожелаю, медленно, съ жалостью въ голосѣ, возразилъ Чешневъ: —чтобы на васъ палъ лучъ человѣческой правды!

И онъ выпилъ.

— Развѣ я лгу? съ азартомъ спросилъ Кряковъ.

Чешневъ сдѣлалъ отрицательный знакъ достоинства.

— О нѣтъ, Боже сохрани! вы весь искренность! но вы заблуждаетесь, и къ тому же сердитесь—слѣдовательно вы вдвойнѣ не правы! И въ эту минуту не правы, зная, что я вовсе не сравниваю автора ни съ Гомеромъ, ни съ Тиціаномъ—и говорите въ гнѣвѣ. Помилуй же Господь миръ душѣ вашей!

— Аминь! сказалъ Сухово, при общемъ смѣхѣ.—Пойдемъ за попомъ, прибавилъ онъ тихо Уранову:—можетъ-быть тотъ отчитаетъ его! Превесело, право! Я непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, поѣду къ нему и приглашу къ себѣ обѣдать.

— Да поѣдемъ ужъ вмѣстѣ: мнѣ надо же ему карточку завезти! сказалъ хозяинъ.—Митю возьмемъ съ собой! А знакомиться—нѣтъ. Богъ съ нимъ! Вонъ онъ какой оригиналъ!

Кряковъ между тѣмъ смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно, позванивая вилкой по тарелкѣ. Онъ, повидимому, начиналъ терять, при сосредоточенномъ на него общемъ вниманіи, то, что называется contenance, или сталъ уставать отъ неловкости своего положенія.

— Помоги мнѣ выбраться какъ-нибудь незамѣтно! шепталъ онъ студенту.

— Посиди еще немного, вмѣстѣ уйдемъ! А пока скажи еще что-нибудь, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ вы говорили, вдругъ началъ Кряковъ, довольно покойно обращаясь къ профессору:—что романъ долженъ изображать жизнь—значитъ изображать правду. А вы, (онъ обратился къ Чешневу), нашли, что авторъ изобразилъ ее вѣрно: я спрашиваю васъ, гдѣ же у него эта жизнь и гдѣ ея правда? въ чемъ?

— Какъ гдѣ жизнь! цѣлый огромный кругъ живетъ во всемъ мірѣ этой жизнью!... съ удивленіемъ возразилъ Чешневъ.

— Какая это жизнь? развѣ такъ живутъ? И какой это „кругъ": высшій, что ли, хотите вы сказать?...

— Не высшій, не низшій, а просто кругъ благовоспитанныхъ людей, то что называется — джентльменовъ у англичанъ, или порядочныхъ людей у насъ!

— Зачѣмъ же эти порядочные люди взяты у него въ графскихъ и княжескихъ фамиліяхъ, или въ высшей военной и административной сферѣ? Развѣ онъ не предполагаетъ джентльменство въ другихъ слояхъ общества? Порядочность есть вездѣ, она бываетъ и подъ армякомъ!

— Это правда: но онъ между армяками никого не знаетъ. Онъ взялъ дѣйствіе и лица въ знакомомъ ему кругу. Не все ли это равно?

— Нѣтъ, не все равно! Зачѣмъ онъ взялъ ихъ именно въ этомъ кругу? Зачѣмъ понадобилось ему изображать только ихъ?

— Какое право имѣете вы судить автора за то, чего онъ не далъ? Критика должна смотрѣть только на то, что онъ далъ! Каламъ пишетъ болото, Клодъ-Лоррень—убранный, расчищенный лѣсъ и свѣтлый ручей. И никому въ голову не приходитъ требовать, чтобы Каламъ писалъ сады, и упрекать Клодъ-Лоррена, зачѣмъ онъ не писалъ болота? И въ литературѣ тоже самое!

— По-вашему, что не аристократическій кругъ, то и болото? вставилъ Кряковъ.

— Тогда можно, продолжалъ, не слушая его, Чешневъ:—требовать къ суду тѣхъ авторовъ, которые изображаютъ, напримѣръ, одни—нравы и бытъ купцовъ и мѣщанъ, другіе—крестьянъ. Были и такіе, которые писали изъ быта духовенства. Почему же сфера изъ высшаго, какъ вы называете, или богатаго, знатнаго, благовоспитаннаго круга, должна оставаться недоступною писателю?

— А потому, что этого высшаго круга нѣтъ на свѣтѣ, слѣдовательно нѣтъ въ этой картинѣ и художественной правды, о которой вы оба съ профессоромъ говорили такъ краснорѣчиво сейчасъ!

Всѣ въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Какъ же это такъ „нѣтъ!“ разсуждалъ генералъ, обратясь къ хозяину и Сухову.—А всѣ твои сегодня гости, мы, какого же круга?

— Не принимай къ сердцу, что онъ говоритъ, тихо отвѣчалъ Суховъ:—вѣдь это антихристъ, но только прелюбопытный малый: какъ бы его къ намъ въ клубъ затащить!

— Да такъ же, нѣтъ! порядочные люди или джентльмены есть во всякомъ классѣ: на верху ихъ меньше. Тамъ только бары. Развѣ они—высшій классъ? почему?

Всѣ молчали.

— Вотъ и полюбуйтесь: каковъ образъ мыслей! вдругъ проговорилъ Краснопѣровъ, который во время спора объ искусствѣ уже задремалъ два раза.

— Замѣчаніе, что одного высшаго класса нѣтъ, довольно вѣско и отчасти основательно, замѣтилъ журналистъ.

— Въ чемъ же, позвольте узнать? спросилъ хозяинъ, съ любопытствомъ: другіе тоже ждали отвѣта.

— Одной и цѣльной этой жизни дѣйствительно нѣтъ; она соприкасается съ жизнью другихъ круговъ, другого вос-

нитанія и правовъ, а авторъ обходитъ ее и пишетъ одни верхи...

— Но вѣдь другіе пишутъ же одни низы и обходятся безъ верховъ, какъ я сейчасъ замѣтилъ! возразилъ Чепиневъ.

— Да, это правда; но эти низы и въ дѣйствительности обходятся безъ верховъ.

— Вы думаете? иронически спросилъ генералъ.

— Я говорю только про бытовую сторону, доступную искусству, прибавилъ торопливо редакторъ: —и оставляю все прочее въ сторонѣ. Верхи не участвуютъ, т.-е. не присутствуютъ въ правахъ низшихъ слоевъ, въ ихъ житьѣ-бытьѣ. Они такъ и существуютъ сами по себѣ. Но одни верхи безъ низовъ — и дня не просуществуютъ. А нашъ авторъ умышленно обходитъ всякій другой, не высшій кругъ, замѣтно брезгуетъ имъ, а къ своему кругу относится пристрастно. Вотъ въ этомъ намѣреніи и цѣли автора — и нѣтъ художественной правды, какъ сейчасъ замѣтилъ г. Кряковъ.

— Слышишь, тебя цитируютъ? сказалъ смѣясь молодой Урановъ.

— Я же вѣдь говорилъ, что я одинъ правдивѣе всѣхъ! замѣтилъ тотъ.

— Художникъ-писатель долженъ быть объективенъ, т.-е. безпристрастенъ, продолжалъ редакторъ:—долженъ писать, какъ напримѣръ, графъ Толстой, всякую жизнь, какая попадется ему подъ руку, потому что жизнь всего общества — смѣшанна и слитна. У него всѣ слои перетасованы, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Рядомъ съ лицомъ изъ высшаго круга, онъ пишетъ и мужика, и бабу-ключницу, и даже взбѣсившуюся собаку. Изъ столичныхъ салоновъ онъ переноситъ читателя въ избу домовитаго крестьянина, на пчельникъ, на охоту, и съ

такою же артистическою любовью рисуетъ—и военныхъ, и статскихъ, и баръ, и слугъ, кучера и лошадей, лѣсъ, траву, пашню... все! Онъ, какъ птицеловъ сѣтью, накрываетъ своей рамкой цѣлую панораму всякой жизни и пишетъ — sine ira, какъ справедливо говоритъ профессоръ. Сдѣлай онъ иначе—онъ бы солгалъ, а талантъ лгать не можетъ, если же солжетъ, т.-е. одно выставитъ, а другое утаитъ, одно напишетъ съ любовью артиста, а другое пристрастно, т.-е. умышленно дурно, то онъ перестанетъ быть талантомъ: выйдетъ блѣдно, вяло, безжизненно, или односторонне, невѣрно...

Профессоръ склонилъ немного голову на бокъ, а Чешневъ откинулся назадъ, оба слушали внимательно и кажется соглашались отчасти съ тѣмъ, что говорилъ редакторъ. Суховъ тихонько зѣвнулъ въ руку, другіе, для развлеченія, доливали свои рюмки, кое-кто ѣлъ десертъ. Старый бѣллетристъ Скудельниковъ поднялъ глаза на минуту на редактора, обвелъ взглядомъ прочихъ гостей и опять сталъ смотрѣть на столъ, гдѣ, прямо противъ его носа, лежали въ десертныхъ вазахъ дыня и ананасъ.

— Но вѣдь и нашъ авторъ, сказалъ Чешневъ: — когдѣ касается другихъ званій, напримѣръ — описываетъ швейцара, прислугу...

— Да, прервалъ Кряковъ:—описываетъ какъ собакъ, съ напускнымъ презрѣніемъ! остроумно называетъ ихъ „соціалистами". Вотъ онъ какъ касается! глумится надъ величайшей идеей вѣка, идеей равенства!

— Дѣйствительно, онъ намѣренно и бережно обходитъ все вульгарное, продолжалъ редакторъ:—это правда!

— Да оно тутъ нейдетъ, возразилъ Чешневъ: — ему нѣтъ мѣста! Если „низы", какъ говорите вы, не смѣшиваются съ верхами въ частной жизни, то стало-быть

и верхи живутъ отдѣльно, своимъ кругомъ. Сколько современныхъ писателей намѣренно избѣгаютъ упоминать о верхахъ! Зачѣмъ, напримѣръ, живописецъ, если бъ захотѣлъ нарисовать эту столовую и насъ всѣхъ, вставилъ бы здѣсь мужика изъ харчевни, или вотъ одного изъ этихъ лакеевъ, что намъ служили, посадилъ бы съ нами за столъ?

— Вы взяли крайности, позвольте замѣтить! возразилъ редакторъ: — между верхами... и лакеями, мужиками, идутъ цѣлые ряды—по профессіямъ, положенію, воспитанію, правамъ...

— Да если бъ вашъ авторъ сталъ писать харчевню, то онъ посмотрѣлъ бы, не попалъ ли туда какой-нибудь баринъ, и написалъ бы его одного, а мужиковъ обошелъ бы! сказалъ Кряковъ.

— Онъ вовсе не написалъ бы харчевни! спорилъ Чешневъ:—онъ тамъ не былъ и не знаетъ ея посѣтителей.

— И знать не хочетъ! вотъ что скверно! Русская жизнь не на верхахъ! Ея тамъ нѣтъ!

Чешневъ пожалъ плечами, другіе улыбнулись.

— Вамъ хотѣлось бы, чтобъ онъ изобразилъ ту русскую жизнь, гдѣ и грязь, и пятна на скатерти, и неметеный полъ...

Опъ вздохнулъ.

— Зачѣмъ опять брать крайности? говорилъ примирительно журналистъ, обращаясь и къ Чешневу, и къ Крякову.—Нѣтъ надобности умышленно искать сора и пятенъ, чтобы щеголять ими; но нельзя и обходить брезгливо все обыденное, гдѣ не всегда блестятъ чистота и изящество! А авторъ очень тщательно сортируетъ и лица, и вещи—даже какъ будто чиститъ и самую природу, подскабливаетъ пейзажи, чтобъ не попала туда какая-нибудь соломенка или соринка. Это значитъ выскабливать и жизнь. Если можно обчистить и обдѣлать

такъ людей, то изъ природы не выкинешь всего ненужнаго: будетъ ненатурально. Удалите и изъ людскихъ фигуръ всѣ характеристическія, типичныя особенности, детали—выйдетъ безлично и безжизненно.

Чешневъ, склоня голову, слушалъ въ раздумьѣ этотъ стройный критическій періодъ.

— Тутъ есть, конечно, нѣкоторая доля правды, сказалъ онъ, наконецъ, съ легкимъ вздохомъ:—авторъ... пуристъ не въ одномъ языкѣ, но и въ герояхъ своихъ, и въ декораціяхъ романа. Но вѣдь и въ людяхъ, и въ природѣ, развѣ много этой прибранности и изящества, если не вглядываться слишкомъ пристально: онъ и пишетъ, какъ ему кажется то, на чемъ останавливается его взглядъ! Вы, конечно, не замѣтили натянутости, чопорности въ его романѣ? Онъ только въ высшей степени приличенъ, но простъ и естественъ...

— Приличенъ, пожалуй, но естественъ—едва-ли можно сказать, именно потому, что слишкомъ заботится, чтобъ не попало въ его салоны „фламандскаго сора", по выраженію Пушкина, т.-е. обыденной жизни, сказалъ журналистъ.

— Ему тамъ и не мѣсто—согласитесь!

— Не знаю: но отсутствіе живыхъ деталей отнимаетъ много жизни у людей и природы—опять скажу. Уловить и передать правдивую черту чувства въ данный моментъ, или движеніе мысли въ лицѣ человѣческомъ—это психологическій, внутренній реализмъ; обстановить сцену реальными, вѣрными деталями—это внѣшній реализмъ, а все вмѣстѣ ведетъ къ правдѣ.

— Но вѣдь писатели-художники и живописцы, сознайтесь, часто рисуютъ и пишутъ много ненужныхъ правдъ, которыхъ можно бы избѣжать. Напримѣръ...

— Напримѣръ, перебилъ Кряковъ: — запахъ, который

Петрушка, лакей Чичикова, носить вездѣ съ собой: этотъ примѣръ, что ли, хотите вы привести?

Всѣ засмѣялись, Лилина покраснѣла.

— Да... хоть этотъ и многіе другіе, все ненужные признаки.

— Объ этомъ ужь давно спорили, и Бѣлинскій рѣшилъ этотъ споръ! сказалъ Кряковъ.—Почитайте его страницы, гдѣ онъ разсуждаетъ объ этой фарисейской опрятности; нельзя, видите, сказать, „воняетъ", нельзя выговорить при дамахъ (онъ покосился на Лилину) слово блоха и т. п. Послушать этихъ приверединковъ и передѣлать русскій языкъ на хорошій тонъ, такъ придется не говорить по-русски, а только тыкать пальцемъ въ воздухъ! Ненужное! что въ жизни есть—все нужно!

— Вы идете по слѣдамъ Гегеля, замѣтилъ съ улыбкой профессоръ:—все существующее разумно! Но не все нужное въ жизни—нужно въ искусствѣ, позвольте добавить вашъ афоризмъ!

— Напротивъ, ненужное играетъ и въ искусствѣ большую роль, сказалъ Кряковъ:—какъ и въ самой жизни. стало-быть оно и нужно.

— Какъ ненужное въ жизни—нужно? спросилъ иронически Суховъ:—напримѣръ... насморкъ?

Всѣ захохотали. Кряковъ махнулъ рукой.

— Ужь это черезчуръ парадоксально — позвольте замѣтить! сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не парадоксально! Я разумѣю подъ ненужнымъ всякій излишекъ сверхъ необходимаго. И въ жизни только излишки и даютъ намъ то, что называютъ счастьемъ: кто какъ понимаетъ счастье—это другой вопросъ!

— Какъ это такъ? позвольте, позвольте!

— Такъ! оглядитесь вокругъ, сказалъ Кряковъ. Всѣ въ самомъ дѣлѣ оглядѣлись.

— Вонъ что̀ у васъ тамъ наверху поставлено, на шкапѣ?

— Какъ что, съ удивленіемъ отозвался хозяинъ:— статуи...

— А въ шкапѣ?

— Въ шкапѣ старинное серебро... вы видите!

Чешневъ весело улыбался, редакторъ, профессоръ и нѣкоторые изъ гостей тоже, предвидя, къ чему ведетъ рѣчь Кряковъ. Другіе же наивно глядѣли на предметы, которые онъ называлъ.

— Вонъ и на столѣ серебро, продолжалъ Кряковъ:— подъ ногами коверъ: вонъ бронзовые канделябры... разъ, два, три — четыре... вонъ тридцать или сорокъ свѣчей горятъ вмѣсто двухъ или трехъ! Развѣ все это нужно? А эти перепелки, а дорогая зелень, десертъ, а вина двадцать бутылокъ?...

— Какъ же иначе? вездѣ все это есть! говорилъ хозяинъ:—стало-быть, нужное!

— Нѣтъ, не вездѣ: выгляните только въ окошко. Все это ненужное, излишки... и они составляютъ ваше, и—вотъ всѣхъ ихъ—счастье. Можно ѣсть на глиняныхъ тарелкахъ, а не на серебрѣ, пить воду или квасъ, ну, пиво—а вы пьете и ѣдите все ненужное, излишекъ... Издержки на одно необходимое не сдѣлали бы вамъ ни малѣйшаго удовольствія... напримѣръ, покупка дровъ, или говядины себѣ на обѣдъ, овса лошадямъ. А вотъ васъ радуетъ накупать всего этого, ненужнаго... или въ карты выиграть и проиграть.

— Tiens, cela c'est vrai! сказалъ одинъ гость.

Урановъ, генералъ, Суховъ и Иванъ Петровичъ—слушали, добродушно улыбаясь, не зная, что̀ отвѣтить на этотъ парадоксъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на Кякова.

— Діогена корчитъ! тихо замѣтилъ кто-то.

— Что вы всѣ уставились на меня? сказалъ онъ:—не правда, что ли? Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, тутъ есть и правда! отозвался Урановъ.

— Ну, и въ искусствѣ то же: изобразите, тамъ, любовь, что ли, безъ реальныхъ атрибутовъ, безъ обстановки...

— Атрибуты! шепталъ генералъ.

— И выйдетъ вздоръ! какая-нибудь дѣва на скалѣ... чего не бываетъ! добавилъ Кряковъ.

— Но вѣдь Пушкинъ, какъ великій реалистъ и въ то же время классикъ, прибавилъ къ дѣвѣ въ одеждѣ бѣлой надъ волнами, бурю и покрывало, которымъ игралъ вѣтеръ—и вышло картинно и правдиво, т.-е. реально! сказалъ профессоръ.—Это и есть поэзія!

— Куда его клубничное влеченіе завело: на скалу! смѣялся Кряковъ.—Это ужъ вовсе ненужное!

— Позвольте, позвольте, остановилъ его профессоръ:—вы противорѣчите сами себѣ: вы сейчасъ возвели ненужное въ законъ—и въ жизни, и въ искусствѣ...

— Не нужное, да правдивое! поймите меня:—что бываетъ! а черти надъ бездной не летаютъ и дѣвы на скалахъ не рисуются! огрызался Кряковъ.

— Авторъ нашъ классикъ, онъ чуждается реализма—это правда, заговорилъ опять профессоръ.—Онъ строго придерживается во всемъ классическаго стиля. Онъ ближе къ идеалу, нежели къ типу, и оттого, между прочимъ, чуждается житейскихъ обыденныхъ мелочей жизни. Это его вкусъ, воспитаніе или природа, какъ хотите. Но вѣдь и вкусы дробятся на роды, какъ само искусство дѣлится на школы. Различіе школъ и стилей обусловливается между прочимъ различіемъ вкусовъ артистическихъ натуръ. Это тропинки, по которымъ расходятся артисты, слѣдуя каждый своей натурѣ...

— Ну, заиграла музыка! вставилъ Кряковъ вполголоса, но его услыхали и засмѣялись, и ораторъ тоже.

— Одинъ ищетъ, напримѣръ, природы въ глубинѣ дре-

мучаго лѣса, въ стени, въ дикихъ скалахъ, продолжалъ онъ:—а другой видитъ и любитъ ее въ паркахъ, воздѣланныхъ садахъ и цвѣтникахъ! Кто пишетъ мадонны, библейскіе или миѳологическіе сюжеты; другіе—вседневную пеструю жизнь. Новые художники хотятъ смѣшать все, подвести подъ genre...

— Не клевещите на новыхъ художниковъ; они не смѣшиваютъ никакихъ школъ и стилей, а просто знать ихъ не хотятъ! забушевалъ опять Кряковъ.—Всѣ—и Юпитеры, и Венеры, ваши ангелы у врать эдема и черти надъ бездной, отжили свой вѣкъ и ничего не говорятъ болѣе представленію артиста. Новые художники пишутъ, что видятъ и знаютъ въ природѣ и въ жизни, и если заглядываютъ въ исторію, то и библейскія событія угадываютъ и пишутъ, какъ они случились, а не какъ смотрятъ на нихъ идеалисты въ свои очки, сквозь тысячелѣтія...

Послѣ этого наступила пауза и Чепневъ съ грустью поникъ головой, прошептавъ:—Боже мой! будетъ ли конецъ этому дикому разгулу!

— Такъ вы полагаете, обратился онъ потомъ къ редактору, не глядя на Крякова:—что одни джентльмены, ихъ кругъ, нравы, быть, не могутъ быть предметомъ художественнаго произведенія?...

— Какіе это джентльмены? вмѣшался опять Кряковъ:—эти причесанные, прибранные господа, которые ходятъ около другъ друга, боясь дотронуться одинъ до другого, кланяются, изъясняются въ любви и дружбѣ, какъ тѣни? Они ѣдятъ и пьютъ какъ по нотамъ... Какая же это жизнь! развѣ такъ живутъ?

— Конечно, нехотя возражалъ ему Чепневъ:—при отсутствіи воспитанія нравы обозначаются иначе... очень живо и натурально. Но избави Боже иногда отъ такой натуры!

— Кажется, г. Кряковъ недоволенъ тѣмъ, вставилъ редакторъ: —что авторъ изображаетъ одну парадную сторону жизни, жизнь салоновъ, въ формѣ строго условныхъ, регулированныхъ отношеній между лицами, и даетъ мало простора и свободы мысли, чувству, страстямъ. Это тоже правда. Онъ не трогаетъ психическихъ тайнъ и оттого поневолѣ изображаетъ все поверхностно и условно...

— И называетъ еще это романомъ! насмѣшливо прибавилъ Кряковъ.

— Какъ же вы назовете это? спросилъ Урановъ.

— Это протестъ аристократизма и милитаризма противъ демократіи — вотъ какъ я назову! сердито сказалъ онъ. — Протестъ привилегированныхъ сословій, съ ихъ роскошью, притворною утонченностью, противъ...

— Противъ грубости, цинизма, неряшества, всякой моральной и матеріальной распущенности... это правда! добавилъ Чешневъ тоже пылко.

Генералъ, Суховъ и Урановъ засмѣялись.—Bien dit! раздалось съ другого конца стола.

— И это подвигъ со стороны автора, продолжалъ Чешневъ.—Давно пора было поднять копье противъ буйнаго натиска на все то, чѣмъ живетъ и держится общество.

— Напримѣръ — на что? почти грубо спросилъ Кряковъ.

— Напримѣръ, на человѣческія приличія, уваженіе къ человѣческому достоинству, сдержанность, обузданіе дикихъ страстей—и вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и на соотвѣтствующія формы общежитія, на утонченность нравовъ, такъ же, какъ на чистый вкусъ и здравыя понятія... и въ искусствахъ! Словомъ, протестъ противъ всякой распаханности и растрепанности въ людскомъ обществѣ, противъ всякаго звѣроподобія! Вотъ въ чемъ состоитъ подвигъ автора! Человѣчество долгимъ и труднымъ путемъ достигало этихъ

результатовъ, а тутъ вдругъ явилось поколѣніе, которое хочетъ стереть все добытое тысячелѣтіями... И что оно поставитъ на это мѣсто? Вотъ противъ этой лжи и грубаго насилія и протестуетъ авторъ!

— Нѣтъ, бурно заговорилъ Кряковъ:—онъ протестуетъ противъ простоты нравовъ, естественности быта, требованій времени. противъ человѣческихъ правъ, личной свободы, равенства!.. вотъ въ чемъ подвигъ вашего автора! Онъ хочетъ защитить положеніе своихъ героевъ на верху. ихъ привилегированную утонченность. роскошь. уклоненіе отъ прямого и положительнаго труда!

— Пошли за полиціей, тихо. удерживая смѣхъ, сказалъ Суховъ хозяину.

— Постой, не мѣшай! Это любопытно! отвѣчалъ онъ.

— Труда! съ горькимъ смѣхомъ повторилъ Чешневъ:— да развѣ эти новые туневдцы не отъ труда бѣжали въ свои трущобы и проповѣдуютъ раздѣлъ чужой собственности!

Кряковъ выпилъ стаканъ краснаго вина.

— А на скромные. низшіе классы общества вашъ авторъ-аристократъ брызжетъ презрѣніемъ! Такъ. Митя? ты вѣдь слышалъ. обратился онъ къ студенту:—брызжетъ?

— Не помню! сказалъ тотъ со смѣхомъ: — что ты ссылаешься на меня? говори за себя!

— Гдѣ же? спросилъ Чешневъ: — о низшемъ классѣ тамъ даже не упомянуто!

— А зачѣмъ не упомянуто? рѣзко отозвался Кряковъ.

— Вотъ, прошу угодить! сказалъ Чешневъ и засмѣялся.

— Объ этомъ сейчасъ только говорили, прибавилъ онъ: —и исчерпали этотъ предметъ. Мы сказали уже, что авторъ не знаетъ другихъ классовъ...

— И знать не хочетъ! значитъ. презираетъ! И какъ ему не презирать! всѣ герои его — образцы изящества,

утонченности мыслей, чувствъ, рѣчи,—и всѣ ничего не дѣлаютъ! Какъ же вдругъ ввести въ ихъ кругъ труженика, отъ котораго можетъ почуяться запахъ трудового пота... виноватъ... транспираціи—(поправился онъ съ улыбкой и ироническимъ поклономъ ко всѣмъ), и который, пожалуй, скажетъ „воняетъ дымомъ“, вмѣсто „пахнетъ дымомъ“. Еще, того гляди, явится въ поношенномъ платьѣ, безъ перчатокъ... вотъ какъ я пришелъ: извините! сказалъ онъ хозяину, показывая голыя руки.

— И я тоже не надѣваю ихъ! перебилъ Чешневъ со смѣхомъ.

— И вдругъ такой авторъ, продолжалъ Кряковъ: — нарисовалъ бы мужика, мѣщанина, мелкаго чиновника, труженика, ремесленника... Какъ же! баринъ, пожалуй, его не стали бы читать!

— Я, и всѣ почти мои знакомыя дамы читали и знаемъ Гоголя! сказала вдругъ Лилина.

Кряковъ мутно взглянулъ на нее.

— Вы? возразилъ онъ:—не можетъ быть!

— Отчего?

— Если бъ вы читали Гоголя и другихъ народныхъ писателей—ваши глаза смотрѣли бы иначе и не было бы у васъ этой блаженной улыбки.

Она сконфузилась и смотрѣла въ недоумѣніи вокругъ.

— Qu'est-ce qu'il dit? спросила она сосѣда.

— Des sottises! Gardez-vous bien de le contredire! отвѣчалъ тотъ, улыбаясь.

— Вотъ такъ лучше, прибавилъ Кряковъ: -объясняйтесь на своемъ природномъ языкѣ и оставьте Гоголя въ покоѣ!

— Dieu, Dieu, Dieu! Voilà un ours mal léché! донеслось съ другого конца стола — и всѣ засмѣялись. Кряковъ

остановился-было, но махнулъ рукой, засмѣялся самъ и продолжалъ, обращаясь къ Чешневу:

— Нѣтъ, всѣ эти лица романа—кучка праздныхъ людей, живущихъ жирно и наслаждающихся на счетъ народа, а сами ничего не дѣлающіе! Вотъ что ваши высшій классъ! стоитъ ли описывать его!

— Боже мой? почти застоналъ Чешневъ: — какая злоба и клевета! Праздныхъ! Да кто же управляетъ, вмѣстѣ съ высшей властью, судьбами нашей страны? горячо обратился онъ къ Крякову.—Кто поставилъ ее на высокую ступень извнѣ и кто держитъ силу, порядокъ и ходъ жизни внутри—какъ не лица того же круга, изъ котораго авторъ взялъ своихъ героевъ?

— Нѣтъ! трудомъ, кровью и духомъ народа держится все! рыкалъ какъ, левъ, Кряковъ, съ блистающими глазами.

Студентъ поталкивалъ его тихонько въ бокъ.

— Да развѣ мы всѣ — не народъ? развѣ эти графы, князья, ихъ предки — не изъ народа и не народъ? спорилъ Чешневъ.

— Были! а теперь лѣзутъ изъ кожи, чтобы уйти отъ него дальше, не походить на него! Разрушаютъ даже послѣднюю связь съ нимъ—языкъ: стараются быть ему непонятнымъ, говорятъ по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, лишь бы не по-русски!

Чешневъ вздохнулъ и поникнулъ головой передъ этой послѣдней, конечно, неоспоримой правдой насчетъ языка.

— Да и въ своемъ-то языкѣ много иностранныхъ словъ употребляютъ, вполголоса сказалъ генералъ:—что правда, то правда!

— Это отчасти справедливо, съ оттѣнкомъ грусти замѣтилъ Чешневъ:—и въ этомъ смыслѣ мы всѣ, пожалуй, давно не народъ. И вы тоже: одѣты вы не по-русски и упо-

требляете много не русскаго и кромѣ языка. Да и русскій языкъ, которымъ вы говорите, не тотъ, которымъ говоритъ народъ; онъ васъ не пойметъ, а вы на его языкѣ говорить не умѣете.

— Оттого, что его не учатъ понимать насъ, держать умышленно въ невѣжествѣ...

— Но вѣдь если онъ выучится одѣваться, говорить не по-русски, пить, ѣсть не русское, какъ мы теперь, такъ вѣдь онъ перестанетъ быть тѣмъ народомъ, какой вы разумѣете. Все это всегда такъ было и будетъ; это вѣчное колесо! Стало-быть, вы негодуете, зачѣмъ не всѣ вверху, или зачѣмъ мы всѣ не внизу! Но вѣдь это физически невозможно? Вы не хотите понять, что народъ составляетъ только часть того, что называется націей! Вы, по крайней мѣрѣ, скажите, чего вы хотите? Какое ребячество!

— Не ребячество, а соціализмъ это называется! Головы, получше нашихъ съ вами, рѣшаютъ этотъ вопросъ; а намъ нечего спорить!

Всѣ опять громко засмѣялись. Рѣшительно всѣмъ было весело отъ этихъ дебатовъ. И Чешневъ засмѣялся. Героемъ вечера былъ не авторъ и его романъ, а Кряковъ и оригинальные пріемы его полемики.

— Чему вы обрадовались! сердито сказалъ Кряковъ.

Смѣхъ удвоился.

— Что же это такое этотъ соціализмъ? спросилъ генералъ.

— Вамъ любопытно? обратился къ нему Кряковъ: — спросите того фельдфебеля, котораго Скалозубъ хотѣлъ дать Ренетилову въ Вольтеры, а меня увольте отъ отвѣта!

— Въ нашъ огородъ камешки бросаетъ! добродушно замѣтилъ генералъ, видя общій смѣхъ.

— Народность или, скажемъ лучше, національность— не въ одномъ языкѣ выражается, сказалъ послѣ нѣкото-

раго молчанія Чешневъ.—Она въ духѣ единенія мысли, чувствъ, въ совокупности всѣхъ силъ русской жизни! Пусть космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ слияніи всѣхъ племенъ и національностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда-нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—если бъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людского бытія—необходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, весь смыслъ, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти національные дары въ общечеловѣческій капиталъ! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавитъ къ всемірному образу человѣческаго бытія.

Онъ въ раздумьѣ поникъ головой.

— Comme c'est profond! шептали въ одномъ концѣ.

— Это... это... знаете... началъ Суховъ:—это правда!... И онъ запилъ виномъ.

Беллетристъ Скудельниковъ на минуту опять поднялъ глаза на Чешнева и потомъ снова впалъ въ апатію.

— Какъ это хорошо сказано! très joli, n'est ce pas? говорила Лилина.

— Затѣйливо, нечего сказать: ну, такъ что же? сказалъ Кряковъ:—что вы хотѣли этимъ сказать?

— То, что русскій народъ исполняетъ эту свою великую и національную и человѣческую задачу, и что въ ней ровно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ будто въ разбродъ: думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ—смотрите, какъ соединяются всѣ нравственныя и

вещественныя силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю—и какъ вдругъ всѣ, будто подъ наитіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ—всѣ идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ милліоны и копейки... и умираютъ, если нужно—и какъ умираютъ! Передъ вами уже не графы, князья, военные или статскіе, не мѣщане или мужики—а одна великая, будто изъ несокрушимой мѣди вылитая статуя—Россія!

— Браво! C'est sublime! отлично! закричали всѣ. — За здоровье Дмитрія Ивановича! человѣкъ, наливай шампанское! приказывалъ Урановъ.

— За что? Вы всѣ это думаете и чувствуете! говорилъ онъ, отвѣчая чоканьемъ на чоканье:—это общій отвѣтъ нашему собесѣднику г. Крякову!

— Да! да! подтвердили всѣ.

Кряковъ всталъ со стула, готовясь уходить, но вдругъ опять сѣлъ.

— До сихъ поръ я былъ хорошаго мнѣнія о васъ, началъ онъ, обращаясь къ Чешневу, но не договорилъ: его заглушилъ общій хохотъ.—А вы просто на просто шовинистъ! выпалилъ онъ, когда всѣ утихли.

Съ минуту длилось молчаніе. Профессоръ потупилъ глаза, журналистъ конфузливоулыбался, Скудельниковъ вдругъ взглянулъ широко на Крякова и на Чешнева. Красноперовъ, Урановъ, Суховъ и генералъ съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга.—Что это еще такое? шепотомъ спросилъ генералъ у Сухова. Тотъ спросилъ о томъ же Уранова, Урановъ у Чешнева. Прочіе съ усиленнымъ любопытствомъ смотрѣли на Чешнева и Крякова. Трухинъ даже протеръ очки платкомъ и ждалъ отвѣта. Чешневъ взгля-

нуль на Крякова какъ будто съ сожалѣніемъ. Студентъ прятался отъ недовольныхъ взглядовъ дяди за спину сосѣда.

— Вы назвали меня „новинистомъ", сказалъ Чешневъ тихо и почти печально: — нѣтъ, я не ослѣпляюсь условными сентиментами и не поддаюсь ходячему, дешевому патріотизму! Я могъ бы съ большимъ основаніемъ, въ свою очередь, назвать васъ „псевдо-либераломъ"...

— Что жъ, назовите: я не обижусь! развязно сказалъ Кряковъ.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю! мягко перебилъ его Чешневъ: — вы гость здѣсь и ваша личность должна быть неприкосновенна.

— Ah, bravo! oui, c'est ça! это урокъ! Leçon bien méritée! пробѣжалъ тихій говоръ за столомъ. Кряковъ поглядывалъ кругомъ и слушалъ этотъ говоръ какъ-то равнодушно.

— Дайте же мнѣ вашу руку! прибавилъ Чешневъ, протягивая свою.

— Извольте! сказалъ Кряковъ и подалъ руку.

— Но оставляя личность въ сторонѣ, я не могу молчать предъ псевдо-либерализмомъ, ноты котораго, извините, звучали въ вашихъ рѣчахъ. Этотъ псевдо-либерализмъ точитъ корни того истиннаго либерализма, который одинъ ведетъ къ прогрессу. Онъ избралъ своимъ девизомъ разрушеніе гражданственности, цивилизаціи, онъ не останавливается ни передъ какими средствами — даже пожарами, убійствами... и не знаетъ самъ, чего хотѣть, и мчится... куда? задумчиво спросилъ какъ будто самого себя Чешневъ, понюкая головою.

— Вотъ, вотъ — да, это самое! Что я, давеча, не правду говорилъ? вдругъ проревъ Красноперовъ.

— Тш... сдѣлалъ ему Суховъ. Кряковъ усмѣхнулся.

— Ужъ объ этомъ говорили-говорили, писали-писали, а намъ все неймется! сказалъ онъ.

— Онъ еще смѣется, каковъ молодецъ! шепталъ Красноперовъ сосѣдямъ:—какъ будто не его дѣло! Нѣтъ, вы отвѣчайте, куда онъ мчится, этотъ вашъ либерализмъ? прибавилъ старикъ громко.

— Почемъ я знаю, куда! сказалъ Кряковъ.—Пусть рѣшитъ нашъ мудрецъ! Онъ указалъ на Чешнева.

— Почемъ я знаю — куда, повторилъ Чешневъ:—это вѣрно! это одинъ возможный, искренній отвѣтъ псевдо-либерализма! А онъ мчится мало-по-малу къ той безднѣ, заключилъ онъ,—отъ которой, умирая, отвернулся и Герценъ и куда отчаянно бросился маніакъ Бакунинъ, увлекая за собой Нечаевское стадо...

— Браво! браво! закричали многіе, гремя тарелками, звеня стаканами.

— Ну, я туда васъ не зову, сказалъ Кряковъ и опять засмѣялся.

Засмѣялся и студентъ.

— Правда, Митя? вѣдь я не такой? прибавилъ Кряковъ.

— Ну, наслушались мы сегодня и новой, и старой мудрости, сказалъ Суховъ своимъ сосѣдямъ:—каково-то спать будемъ?—А все-таки весело, превесело здѣсь! заключилъ онъ.

— Да, весело, сказалъ тихо Урановъ:—только какъ мнѣ придется раздѣваться? Вонъ, Чешневъ, и тотъ взволнованъ, Иванъ Петровичъ оскорбленъ, Лилина сконфужена и всѣ озадачены! Митя одинъ только въ усъ себѣ не дуетъ; ужо вымою я ему голову! А теперь надо какъ-нибудь загладить дурное впечатлѣніе!

— Вы что-то хотѣли еще сказать о нынѣшнемъ чтеніи, Дмитрій Ивановичъ? обратился онъ къ Чешневу.

*

— Я хотѣлъ напомнить, отвѣчалъ Чешневъ, — какъ нашъ авторъ выразилъ живо, рельефно и патріотизмъ, и чувство долга, въ одной картинѣ...

— „Рельефно“! „шовинистъ“! какъ еще? „сикофантъ“? шепталъ генералъ Сухову:—въ ушахъ даже звенитъ!

— Я говорю объ описаніи маневровъ, продолжалъ Чешневъ:—со стороны посмотрѣть—кажется, пожалуй, монотонно; но авторъ поставилъ читателя въ средину картины, слилъ его съ строемъ этихъ русскихъ душъ, сердецъ,—и вы чувствуете себя единицею какой-то великой моральной и физической силы, и въ каждомъ солдатѣ, офицерѣ, генералѣ, видите родного брата, друга, самого себя!

— Величественная картина! подтвердилъ профессоръ.

— Да, эффектная! замѣтилъ редакторъ:—но въ романѣ она кажется нѣсколько офиціальною... натянутою...

— Грандіозная! сказалъ Урановъ:—воля ваша!

— Грандіозная казарма! рѣшилъ Кряковъ.

— C'est très-joli и какъ похоже! я много разъ бывала... такъ похоже, такъ похоже! твердила съ дѣтскою радостью Лилина.

— Да вотъ какъ, вмѣшался генералъ:—что я забылъ, гдѣ я служу; такъ и кажется, что веду бригаду; и даже давеча самъ поймалъ себя: салютую рукой вотъ эдакъ, какъ будто у меня сабля въ рукахъ—ей-Богу!

— „Салютую!“—поймалъ! Что, какое это слово: развѣ русское? сказалъ Суховъ.

— Это казенное, значитъ можно, отвѣчалъ генералъ.

— Обращаясь къ задачѣ романа, продолжалъ Чешневъ:—можно, кажется, безошибочно заключить, что главная цѣль автора—поставить на свое мѣсто все то, что многіе стараются легкомысленно устранить...

— Позвольте узнать, что еще онъ хочетъ ставить на ноги? противъ чего онъ сражается? спросилъ Кряковъ.

— Да вотъ хоть бы противъ какого-то напускного пренебреженія къ представителямъ военной профессіи...

— Военное званіе — c'est une vocation. comme une autre! вставилъ генералъ.

— Что, и у тебя русскаго пороху не хватило! сказалъ Суховъ.

— Противъ военнаго званія никто не возстаетъ, огрызнулся Кряковъ.—Оно—весь народъ!

— Нѣтъ, возставали и возстаютъ, спорилъ генералъ: — гдѣ можно задѣть, осмѣять, брызнуть ядомъ въ офицера— и брызнутъ! Мнѣ случилось самому нерѣдко читать, да и отъ многихъ военныхъ слыхалъ—тоже жалуются. Или— говорятъ—молчатъ совсѣмъ, какъ будто военныхъ и на свѣтѣ нѣтъ! обходятъ и въ газетахъ, и въ повѣстяхъ, и на сценѣ—это что значитъ? Пренебреженіе! Мы-де васъ и знать не хотимъ.

— Равнодушіе. а не пренебреженіе, смягчилъ редакторъ.

— Да, равнодушіе—это такъ! сказалъ Чешневъ:—но знаете ли, вѣдь равнодушіе—это самое коварное оружіе! Можно бороться со всякою силою, но какъ одолѣть это гробовое молчаніе невидимаго врага, это непризнаваніе значенія, правъ,—и за кѣмъ: за воинами!

— Вы это все объ офицерахъ, что ли, говорите? спросилъ Кряковъ.—Да, ихъ не трогаютъ, это правда! но прежде всего оттого, что обругать не позволятъ, а по головѣ только гладить не за что! Да и невѣрно будетъ, односторонне,— какъ сейчасъ разсуждали—если только хвалить! Вотъ и молчатъ—и хорошо дѣлаютъ! Что же общаго у военнаго званія съ офицерами?

— Ба! ба! ба! А они къ какому же званію принадлежатъ? Чѣмъ они провинились? Позвольте, позвольте, мило-

ственный государь! горячился генералъ.—За что ихъ не любятъ и обходятъ?

Обходятъ ихъ—я сейчасъ сказалъ почему, отвѣчалъ Кряковъ:—не велѣно трогать. А не любятъ—потому что... За что ихъ любить? Смолоду они щеголяютъ, барствуютъ, роскошничаютъ у Борелей, въ обществѣ кокотокъ, катаются на рысакахъ и давятъ народъ...

— Когда? гдѣ? позвольте спросить.—Вѣдь ужъ была возбуждена исторія, по навѣту печати, о какихъ-то офицерахъ, будто они скачутъ и давятъ народъ—и оказалось клеветой!

— Давите сколько хотите, все будетъ клевета; на то и привилегированное званіе! добавилъ Кряковъ.

Генералъ и другіе иронически улыбались...

— Ну-съ, роскошничаютъ у Борелей... еще чѣмъ они виноваты? спросилъ генералъ.

— Потомъ изъ нихъ дрессируютъ губернаторовъ, разныхъ директоровъ, правителей... нужды нѣтъ, что, бывало, въ обществѣ ходили разсказы объ ихъ милыхъ скандальчикахъ.

— Боже мой! Боже мой! стоналъ Чешневъ:—какая злая несправедливость! И это русскій человѣкъ говоритъ о русскихъ, о своихъ братьяхъ!

Въ обществѣ сдѣлалось серьезное движеніе.

— Скажите, сколько на одинъ скандалъ между военными приходилось скандаловъ между статскими? Вся разница только въ томъ, что одни собирались у Борелей и Дюсо, а другіе на какой-нибудь „Средней Рогатки“ платили дань молодости! Сами же вы говорите „бывало“; вѣдь измѣнились же съ тѣхъ поръ нравы, явился гласный судъ, пресса... Зачѣмъ же вы хотите возвращать насъ къ давно минувшему однимъ злымъ воспоминаніямъ?

Онъ поникъ головою и вздохнулъ.

— Офицеры, конечно, бываютъ молоды, какъ и студенты, и правовѣды, и семинаристы, прибавилъ онъ: —тѣхъ вы извините, а офицеровъ нѣтъ! Ужели вы не видите благородной цѣли автора — поправить эту несправедливость, напомнить о нихъ, изобразить характеръ этого прекраснаго, хотя и непріятнаго вамъ круга общества, той группы его, которая идетъ въ эту минуту бороться и умирать за Россію?

Раздались рукоплесканія. Генералъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ.

— Хоть я и воинъ, но такъ мужественно и искусно сразиться за военныхъ не сумѣлъ бы. Позвольте выпить за ваше здоровье? сказалъ онъ.

— И мы! и мы! подтвердили всѣ.

— Щеголяютъ... барствуютъ... роскошничаютъ!... началъ опять Чешневъ, когда всѣ затихли.—Да развѣ есть другая жизнь, болѣе трудная, болѣе исполненная дѣла и всякихъ лишеній, какъ жизнь этой самой военной молодежи! Вы считаете какія-то давнишнія, полинявшія пятна на ихъ мундирахъ — и пятна эти хотите перенести на цѣлую корпорацію! А она идетъ теперь побѣждать, или славно погибать!

— Это народъ, народъ,—все народъ! твердилъ Кряковъ.

— Да вѣдь и Мининъ не одинъ пошелъ, а взялъ Пожарскаго! Боже мой! По-вашему, кто только образуется, одѣнется по-европейски, кого заслуга выдвинетъ впередъ — тотъ и перестаетъ принадлежать къ народу! А мнѣ кажется, что скорѣе тотъ, кто хочетъ отдѣлаться отъ религіи своего народа, отъ народнаго единодушія и единомыслія въ своемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ,— тотъ неизмѣримо дальше уходитъ отъ него, нежели тѣ, которые учатся говорить на иностранныхъ языкахъ и слѣдуютъ своимъ вкусамъ, своимъ привычкамъ.

— Браво! браво! admirable! воскликнули всѣ.

— Ну, теперь уйду! давай Богъ ноги! Того и гляди за полиціей пошлютъ! ворчалъ Кряковъ, но такъ, что его слышали и невольно засмѣялись.

— Не безпокойтесь, вы здѣсь въ полной безопасности! сказалъ Урановъ почти обидчиво.

— Мы васъ не выдадимъ, вы герой! весело прибавилъ Суховъ.

— Погоди одну минуту, удерживалъ его студентъ:— вонъ Чешневъ хочетъ что-то сказать!

— Вы говорите о богачахъ, щеголяхъ, сказалъ Чешневъ:—но вѣдь они и не въ военномъ быту жили бы также, даже шире и роскошнѣе,—а въ кругу товарищей они все-таки ограничены условіями своего быта. Но вѣдь это исключенія; много ли ихъ? А не-богачи, живущіе въ казармахъ, жалованьемъ? А въ арміи — разбросанные по селамъ и деревнямъ? Спросите, какъ они роскошничаютъ?

— Этихъ авторъ не коснулся, съ злой улыбкой замѣтилъ Кряковъ.

— Пусть такъ! авторъ показалъ квинтъ-эссенцію военнаго званія: высшія, тонко выработанныя типичныя черты чести и военнаго достоинства —словомъ, взялъ вершины...

— Да развѣ честь —это привилегія военная, полковая, какъ полковая музыка, что-ли... а не свойство всѣхъ порядочныхъ людей въ мундирахъ и не въ мундирахъ? А онъ усвоилъ ее имъ какъ исключеніе!

— Онъ этого нигдѣ не говоритъ, онъ только коснулся нѣкоторыхъ формъ ея: есть степени и оттѣнки, своеобразные обычаи, условія, существующія во всякомъ дѣлѣ для однихъ, несуществующія для другихъ...

— Въ дѣлѣ чести все равно! все равно! твердилъ Кряковъ.

— Ну, нѣтъ, замѣтилъ генералъ: —уйти, напримѣръ, изъ департамента или уйти съ военнаго поста —есть разница!

Послѣ этого настала пауза.

— Да, романъ замѣчательный, разсуждалъ журналистъ. — Если бъ онъ явился лѣтъ сорокъ назадъ, онъ произвелъ бы сильную сенсацію въ обществѣ!

— А теперь?

— Теперь, съ Гоголя, все до того охвачено отрицательнымъ направленіемъ, что положительный типъ лица почти невозможенъ въ литературѣ. Къ этому подосѣлъ реализмъ, ввелъ новые пріемы въ искусство и одержалъ безповоротную побѣду надъ классицизмомъ.

— Вы думаете, что классицизмъ исчезнетъ въ искусствѣ? возможно ли это? сказалъ Чешневъ.

— Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ господствовалъ прежде, конечно—да...

— Это зависитъ отъ степени таланта, вмѣшался профессоръ.—Геній можетъ реставрировать (при этомъ словѣ генералъ поморщился) тотъ или другой стиль искусства! Вѣдь отказаться отъ классиковъ, значитъ отказаться отъ всякаго наслѣдія предковъ, отъ всякой преемственной связи съ прошедшимъ...

— Ну, опять запѣла канарейка! ворчалъ Кряковъ сосѣдямъ, которые не могли не засмѣяться.

— Если мы въ живыхъ организмахъ слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній замѣчаемъ, продолжалъ профессоръ,—поразительную наслѣдственность отличительныхъ признаковъ, моральныхъ и физическихъ свойствъ, переходящую изъ рода въ родъ —то какъ же мы отвергнемъ передачу умственнаго духовнаго или эстетическаго достоянія?... Это значитъ отвергнуть цивилизацію—и начинать сначала. Зачѣмъ?

— Это совершенно справедливо, замѣтилъ редакторъ: — но вы берете въ обширномъ смыслѣ...

— Позвольте, позвольте! перебилъ Кряковъ:—отвѣтьте на мой вопросъ, только непремѣнно правду!

Опять общій смѣхъ.

— Oh, l'enfant terrible! говорили въ концѣ стола.

— Давно ли вы читали вашихъ классиковъ и часто ли читаете ихъ? спросилъ онъ.

Всѣ вдругъ смолкли.

— У меня Гомеръ, Горацій, Виргилій и всѣ классики, и древніе, и новые—всегда подъ рукой! послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ профессоръ.

— Я не васъ спрашиваю: это ваша служба! Вамъ классики нужны, какъ чиновнику сводъ законовъ. А вы? вы?—Онъ обратился къ Чешневу, редактору и къ прочимъ.

— Я заглядываю иногда... отвѣчалъ редакторъ.

— Для справокъ по журналу, по части критики и беллетристики?

— Я помню многое какъ будто вчера читалъ, сказалъ Чешневъ:—и многое знаю наизусть...

— Что заучили въ школѣ; а теперь?

— И теперь, хотя рѣдко, но беру въ руки. Что же изъ этого?

— А вотъ эти всѣ господа, пожалуй, или вовсе, или со школьной скамьи не читали, прибавилъ Кряковъ, указывая безъ церемоніи на прочихъ гостей:—или перезабыли!

„Читалъ прилежно Апулея“,
„А Цицерона не читалъ“,

сказалъ, улыбаясь, Урановъ.

— Вотъ видите: и нашъ „великій“ поэтъ этою ироніею только прикрылъ правду; никто ихъ не читаетъ, а учатъ ихъ въ школѣ сами не знаютъ зачѣмъ; какъ учатъ и тому, что міръ сотворенъ въ шесть дней, что волчица кормила Ромула и Рема и т. п.: не вѣрятъ, а учатъ, потомъ забываютъ!

— Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а все-таки нельзя не выучить этой фабулы, замѣтилъ Чешневъ:— вы безъ всего этого въ жизни и шагу не сдѣлаете! Пожалуй, забыть можно, но узнать нужно. Эти преданія слились съ исторіей. Мало ли вы выучиваете такого, что вамъ не понадобится потомъ въ жизни: но все изученное входитъ въ плоть и кровь вашего нравственнаго, умственнаго и эстетическаго образованія! Безъ этой подкладки древнихъ классиковъ, ихъ образцовъ во всемъ—смѣло скажу, человѣкъ образованнымъ назваться не можетъ.

— Да зачѣмъ же учить ложь? Зачѣмъ не передѣлать этого вздора, чтобы не набивать имъ головы людскія? вопилъ сердито Кряковъ.

— Вы правы, заговорилъ редакторъ профессору:—классицизмъ будетъ присутствовать въ наукѣ и искусствѣ и во всей жизни, пожалуй, какъ фундаментъ... или корень, если хотите; онъ будетъ скрытъ въ глубинѣ земли. Но вѣдь человѣчество идетъ впередъ и все производитъ, творитъ; наростаютъ новые роды, виды, и образуютъ со временемъ новое зданіе, которое въ свою очередь сдѣлается классическимъ. Отъ древняго же, начальнаго классицизма—мы, воля ваша, ушли далеко! И дальше все будутъ наростать новые, свѣжіе слои... Развитіе остановиться не можетъ!

— Позвольте, однако, замѣтить, сказалъ профессоръ:— что произведенія искусства, какъ образцы, и сами по себѣ не отжили, и не одна только школа и молодость наслаждаются ими. Конечно, мы избалованы новыми и свѣжими побѣгами—это такъ, и вкусъ нашъ отчасти притупился и сталъ мало чувствителенъ къ простой и величавой эстетической трапезѣ. Но, какъ я хотѣлъ сказать, по временамъ является реставрація древности, производимая геніальными талантами, и въ какомъ могуществѣ возстаютъ тогда великіе покойники! Напримѣръ—Рашель развѣ не воскресила

намъ древнихъ библейскихъ и героическихъ женщинъ! Мы видѣли ихъ какъ живыхъ!

— Но Расину воскрешала древность! хороша древность! замѣтилъ Кряковъ. — Развѣ Расинъ и Корнель тѣ классики, которыхъ вы разумѣете: полноте! А кто писалъ по классическимъ образцамъ, всѣ провалились съ своими эпопеями, одами, дифирамбами; отъ нихъ ничего не осталось, все умерло!

— Это оттого, что повторить ихъ не легко: и даже близко къ нимъ подойти! сказалъ профессоръ.

— Потому что не нужно! вставилъ Кряковъ.—Учи и пиши новую жизнь!

— Да, прибавилъ Чешневъ:—вонъ статуя Венеры Милосской пролежала въ землѣ двѣ тысячи лѣтъ, но и теперь никто изъ новыхъ, въ своихъ произведеніяхъ, не подошелъ и близко къ ней! Или наша, хоть бы керченская ваза!.. Да все, все, что ни найдутъ: руку, торсъ, черепокъ вазы—все оказывается неподражаемо!

— Теперь все это машинами стали дѣлать на фабрикахъ, сказалъ хозяинъ:—magnifique—et pas cher!

— Да, кажется, къ этому идетъ! со вздохомъ замѣтилъ Чешневъ.

— Вы съѣхали на пластическія искусства, а мы, кажется, говорили объ искусствѣ слова! сказалъ Кряковъ.

— И Гомера никто не повторилъ! замѣтилъ профессоръ:—сами вы сказали!

— Наладили! вполголоса замѣтилъ Кряковъ. — И я то связался спорить! Кто бы сталъ читать новаго Гомера! Новый Гомеръ у насъ—это Гоголь!

Старики засмѣялись.

Опять настала пауза.

— Скажите, какъ вы находите женщинъ въ романѣ? спросилъ Чешневъ редактора.

— Граціозныя, нѣжныя созданія, прозрачныя какъ видѣнія... хвалилъ профессоръ.

— Да, именно видѣнія! повторилъ журналистъ тономъ легкой иронін:—такъ воздушно и тонко очерчены онѣ, что плоти и крови въ нихъ какъ будто нѣтъ! Это болѣе тѣни, нежели живыя фигуры. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: авторъ, какъ я замѣтилъ, пишетъ условныя, лицевыя стороны жизни, не вводитъ насъ ни въ психологическую глубину, ни въ интимную реальную жизнь, оттого очерки его и блѣдны. Притомъ женщины у него, какъ актрисы на сценѣ, дѣйствуютъ будто и на свободѣ, сами по себѣ, но во всякомъ ихъ словѣ и движеніи замѣтно, что на нихъ обращены тысячи глазъ. Мало того, что называется... abandon и вообще натуры...

— Завели рѣчь о „клубничкѣ“! сказалъ съ пренебреженіемъ Кряковъ:—объ этомъ и говорить-то тошно! Нѣтъ романа, гдѣ авторъ самъ не захлебывался бы отъ юбочнаго счастья и не отравлялъ бы имъ и читателя! Ужели въ зрѣломъ обществѣ только въ этомъ вся жизнь и все дѣло и состоитъ, и другого содержанія нѣтъ!

— Есть, какъ не быть! вонъ—совѣтъ, пожалуй, дѣла... есть клубъ, есть карты; а убери женщинъ совсѣмъ—ничего безъ нихъ и не надо! Это главное, это на первомъ планѣ; на этомъ все вертится! вдругъ провозгласилъ хозяинъ.—Я не пишу ни романовъ, ни драмъ, ни комедій, а знаю, что и тамъ, и въ жизни, безъ нихъ—хоть въ гробъ ложись. Такъ ли?

— Такъ! такъ! закричали всѣ. —За здоровье женщинъ! За ваше здоровье!

Всѣ обратились къ Лилиной.

— Браво! пискнула она, сверкая дѣтскими глазками.—Я принимаю за всѣхъ женщинъ этотъ тостъ и благодарю! Она кокетливо отпила изъ бокала.

— Да, женщины — все! прибавилъ и профессоръ. — Онѣ иногда явный, иногда скрытый мотивъ всякаго человѣческаго дѣла: ихъ присутствіе, вѣяніе, такъ сказать, женской атмосферы, даетъ цвѣтъ и плодъ жизни. Мы, мужчины, только орудіе, рабочая сила, на насъ лежитъ всякая черная работа... словомъ, мы—матерія, а женщины—духъ...

— Перестаньте, вѣдь мерзко слушать! при общемъ смѣхѣ сказалъ Кряковъ. — Вотъ вѣдь, кажется, и культурный вѣкъ, и культурное общество...

— „Культурный вѣкъ“, остановилъ его генералъ: — позвольте спросить, поймутъ ли васъ въ харчевнѣ, въ вашемъ народѣ, если вы скажете эдакъ?

Кряковъ поморщился и отмахнулся рукой отъ генерала, какъ отъ большой собаки.

— Авторъ, изображая сцены любви, замѣтилъ редакторъ опять съ проніей:—держался болѣе теоріи „неземного чувства“, какъ его называли, бывало, въ стихахъ. У него любовь похожа скорѣе на религіозный экстазъ католическихъ монахинь, а не на живое, страстное человѣческое чувство...

— Какъ у Зола, напримѣръ? спросилъ Чешневъ.—Да, надо прибавить и этотъ цвѣтокъ къ вѣнку автора: онъ не отемнилъ своихъ страницъ ни однимъ пятномъ грубой чувственности! Свѣтъ и огонь чувства сквозитъ и грѣетъ вездѣ, а горячихъ угней нѣтъ! Эта одна изъ его заслугъ!

— Онъ скупенекъ на поцѣлуи, это правда! сказалъ Суховъ:—нѣтъ, чтобы того... эдакъ... (онъ поглядывалъ на Лилину, какъ будто ея присутствіе стѣсняло его)—что-нибудь насчетъ... какъ, напримѣръ, тамъ графъ съ княгиней... въ паркѣ, что ли, въ ея деревнѣ... ну, жаркую сценку... какъ водится... по-человѣчески!..

Всѣ посмѣивались.

— Вотъ, чего захотѣлъ; смотри, узнаетъ Анна Андреевна! сказалъ ему хозяинъ.

— Да, вы правы; если ужъ писать объ этомъ, такъ ничего реально, замѣтилъ и Кряковъ: — клубничка такъ клубничка! Изображай правду! не красней! разсказывай, какъ амурничаютъ эти бары и барыни между собой! Или графы и княгини иначе дѣлаютъ любовь, нежели мужики? Открой намъ тайны ихъ будуаровъ и алькововъ, если открываешь всю ихъ жизнь! А то дѣлаютъ любовь съ напускнымъ, невиннымъ лицомъ, какъ будто играютъ пьесу въ папашины именины.

— А кто видалъ эти тайны? спросилъ Чеченевъ.

— Какъ кто? я думаю, всѣ! со смѣхомъ сказалъ Кряковъ.

— Кого же? себя видали въ чувственныхъ излiяніяхъ любви? продолжалъ Чеченевъ. — И у художника достаетъ духа писать съ себя и съ любимой женщины! Скажите, какое чувство испытываетъ порядочный человѣкъ, если ему случится быть посторонимъ свидѣтелемъ самой скромной ласки между любящимися, даже между мужемъ и женой? Его коробитъ; а вы требуете, чтобы художникъ вносилъ въ искусство то, на что сама природа набросила покровъ,—стыдитесь!

Кряковъ улыбнулся.

— Какимъ изящнымъ слогомъ разсказываете вы все это! замѣтилъ онъ.

— Очень желалъ бы вамъ сдѣлать такой же комплиментъ, но, къ сожалѣнію, не могу...

Общій смѣхъ не далъ договорить ему.

— Превесело, право! твердилъ Сухонъ.

И хозяинъ развеселился.

— Да, благодаря Митѣ! сказалъ онъ.

— А отдѣлаю я автора, покажись только въ печать! грозилъ Кряковъ.

— Да, если вы скажете печатно то, что вы говорили здѣсь, то, конечно, произведеніе нашего автора не выдержить такой критики. Это все равно, если бъ сюда вошель гость—и мы вмѣсто того, чтобы раздвинуть стулья, очистить между нами мѣсто и встрѣтить его вѣжливо и радушно, вдруг поднялись бы на него толпой, съ крикомъ, съ упреками, что онъ не такъ одѣтъ, не такъ пригожъ, уменъ! Вотъ образъ новой критики! Новый авторъ тоже, что новый гость въ литературѣ! Какіе же это нравы? какая критика?

— Это называется теперь critique militante... воинствующая! съ ироніей замѣтилъ профессоръ.

— Да, правда! критика — это война! сказалъ Чешневъ:—но одни воюютъ мечомъ или копьемъ, какъ рыцари...

— Больше порохомъ и свинцомъ! поправилъ генералъ.

— А другіе...

— Кулакомъ! Да, это бываетъ; и хоть не такъ больно, какъ свинцомъ, а все-таки морды до крови разбиваютъ! добавилъ Кряковъ и самъ засмѣялся, когда засмѣялись другіе.—Впрочемъ, до этого рѣдко доходитъ; больше ругаются! заключилъ онъ.

— Что это за прелесть—малый! сказалъ Суховъ.

— А вы, Матвѣй Ивановичъ, провозгласилъ вдругъ хозяинъ, обращаясь къ Скудельникову:—что молчите? ни слова не сказали?

— Я давно хотѣлъ сказать, да не дали...

— Ну, говорите теперь: что такое?

— А вотъ дыню и ананасъ забыли, такъ и остались неразрѣзанными! сказалъ онъ. Всѣ засмѣялись.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сейчасъ, сейчасъ! захлопоталася хозяинъ.—Да что вы о дынѣ, вы о романѣ-то ничего не сказали.

— Я все слушалъ...

— Ну, и скажите что-нибудь.

— Все скажу.

— Говорите: мы слушаемъ.

— Я не вамъ, я самому автору скажу.

— Что̀ скажете?

— Все, что здѣсь происходило и что̀ говорили о его романѣ...

— Нельзя: мало ли что тутъ говорили. Онъ обидится.

— Вы не знаете его, а еще друзья! Все скажу, что̀ дѣлали и говорили...

— Все?

— Все, даже и про ананасъ съ дыней не забуду!

— Скорѣй! скорѣй! кончимъ ихъ...

— Некогда, смотрите, на дворѣ день!

Всѣ оглянулись къ окнамъ. Майское утро превозмогало, даже сквозь густые занавѣсы, блескъ свѣчей.

Кряковъ вдругъ всталъ съ мѣста и скорыми шагами подошелъ къ хозяину, вмѣстѣ съ студентомъ.

— Прощайте, мнѣ пора! сказалъ онъ:—спасибо вамъ! Прекрасный вечеръ! Мнѣ очень весело было... Ужинъ отличный, и вино тоже!

Всѣ смотрѣли на него съ улыбкой. Хозяинъ, Суховъ, генералъ окружили его. Прочіе сидѣли.

— Не хотите ли рюмку на прощанье? сказалъ хозяинъ.

— Хоть стаканъ, съ удовольствіемъ!

Ему подали вина.

— За ваше здоровье! Благодарю! Я очень доволенъ вами! очень!

Всѣ хохотали.

— А мы-то вами какъ? сказалъ Суховъ. Ураповъ пожималъ ему обѣ руки.

— Намъ надо васъ благодарить! Вы доставили намъ такъ много удовольствія... говорилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, я радъ! Прощайте и вы всѣ:

сказалъ онъ прочимъ собесѣдникамъ: — я на васъ не сержусь, господа!

Общій хохотъ былъ ему отвѣтомъ.

— Il ne manquait que ça! Est-il drôle! раздалось среди смѣха въ другомъ концѣ стола.

— Право, не сержусь! ни на кого! даже и на васъ! обратился онъ къ Краснопѣрову.—И на ваше превосходительство тоже! обратился онъ къ генералу. — Дайте руку!

— Вы очень добры! сказалъ генералъ и весело хлопнулъ рукой по его ладони.

Краснопѣровъ надулся. Хохотъ такъ и гудѣлъ.

— Что же вы смѣетесь? упрекнулъ Кряковъ. — Скажите имъ, что это неучтиво! обратился онъ къ Чепѣмему:—вы мнѣ дали урокъ въ учтивости, а они вонъ что! Смѣйтесь, когда уйду!

Но у всѣхъ лица такъ и сіяли отъ смѣха.

— Dieu, Dieu, Dieu, Dieu! повторялъ гость въ концѣ стола.

— Я самъ пріѣду къ вамъ съ визитомъ благодарить васъ за посѣщеніе! сказалъ хозяинъ.

— Хорошо, хорошо! очень радъ! Славная мысль! буду ждать васъ! отвѣчалъ Кряковъ.—Зачѣмъ съ визитомъ, да еще благодарить? Просто такъ пріѣзжайте! Не обманите!

Урановъ молчалъ и въ недоумѣніи поглядывалъ на него.

— И мнѣ позвольте покороче познакомиться съ вами и просить васъ когда-нибудь сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ! сказалъ Сухов. — Я пріѣду къ вамъ вотъ съ Григоріемъ Петровичемъ...

— Буду ожидать; что жъ, я радъ!.. И васъ всѣхъ прошу: милости просимъ ко мнѣ, кому угодно...

Всѣ смѣялись.

— Я теперь въ Павловскѣ! прибавилъ онъ.

— На дачѣ? Гдѣ же васъ тамъ найти? спросилъ съ улыбкой Суховъ.

— Вотъ онъ знаетъ! отвѣчалъ Кряковъ, указывая на молодого Уранова. — Съ нимъ пріѣзжайте! вотъ бы въ четвергъ: тамъ музыка въ этотъ день... Право!

— Гдѣ же мы васъ тамъ, на музыкѣ встрѣтимъ? спросилъ Урановъ съ улыбкой.

И всѣ улыбались.

— Да, хоть на музыкѣ, а потомъ ко мнѣ...

— Прощайте, прощайте, не поминайте лихомъ! твердилъ онъ обходя столъ, Чешневу онъ молча подалъ руку и крѣпко пожалъ ее: тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же и съ какимъ-то состраданіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. — Теперь, кажется, мало такихъ, замѣтилъ онъ тихо сосѣду: это одинъ изъ послѣднихъ могикановъ!

— И этотъ, я думаю, тоже, отвѣчалъ тотъ тихо, указывая глазами на Красноперова.

Кряковъ все прощался.

— Et vous, là-bas sans rancune! сказалъ онъ вдругъ, подходя къ концу стола, откуда раздавались французскія фразы.

— Tiens! il parle correctement! замѣтили тамъ.

Потомъ онъ остановился около Лилиной.

— Прощайте, барыня! сказалъ онъ:—я и на васъ не сержусь; видите, какой я добрый! Хохотъ возобновился.

— Докажите же и вы доброту: дайте мнѣ руку на прощанье! не бойтесь, я не укушу!

Всѣ съ любопытствомъ и смѣхомъ смотрѣли на нихъ обоихъ. Лилина робко и нерѣшительно положила свою руку на его ладонь, особенно когда увидѣла, что у него рука была чистая и изъ рукава видѣлись манжеты безукоризненной бѣлизны.

Не сердитесь? нѣтъ? спрашивалъ онъ, держа ея руку.

— Нѣтъ, нисколько! сказала она, поглядывая на окружающихъ:—мнѣ тоже было весело!

— И прекрасно! А какая у васъ славная ручка: стройная, правильная, образцовая...

Она хотѣла отнять руку, особенно когда всѣ, не удерживая смѣха, смотрѣли на эту сцену. Но онъ держалъ ее крѣпко.

— Только пухла очень, мягка, изнѣжена она! Я знаю однако одну руку, которая не уступитъ вашей, особенно если на нее надѣть вотъ этакую ленешку!—Онъ указалъ на ея браслетъ съ большимъ изумрудомъ и съ брильянтами вокругъ.—Но та рука грубѣе: она не нѣжится, а работаетъ и иглой, при случаѣ и сварить что-нибудь, и около дѣтей повозится!

— Чья же эта такая счастливая рука, что удостоилась вашего вниманія? съ кокетливой ироніей спросила Анина, уже переставшая робѣть.—Извините за нескромный вопросъ! прибавила она.

— Моей жены, вотъ чья! славная бабенка! сказалъ Кряковъ.—Но все-таки и у васъ ручка образцовая!

Онъ вдругъ чмокнулъ ея руку и быстро побѣжалъ вонъ, преслѣдуемый дружнымъ хохотомъ и восклицаніями всѣхъ гостей. За нимъ слѣдовалъ студентъ, а сзади провожалъ хозяинъ. Двери затворились и хозяинъ воротился на свое мѣсто.

— Каковъ! а! раздавалось съ разныхъ сторонъ.

— Mais c'est une horreur! c'est une peste!

— Помилуйте, прелесть! говорилъ Суховъ.

— L'ours mal léché! Oh, quelle horreur!

— А я вижу, что онъ добрый малый, воля ваша! сказалъ генералъ.

— И какой умный, образованный! прибавилъ редакторъ.

Паршивая овца! сказалъ Красноперовъ: — все стадо перепортитъ!

— Заблудшая овца! поправилъ съ сожалѣніемъ профессоръ.

— А вы, Дмитрій Ивановичъ, какъ находите его?

— Онъ для меня... загадка! сказалъ тотъ задумчиво.— Вы, конечно, знаете его? спросилъ онъ у редактора журнала.

— Нѣтъ, въ первый разъ слышу его имя, сказалъ тотъ.— Теперь такъ много пишущихъ въ газетахъ и журналахъ!

Въ эту минуту воротился молодой Урановъ и съ веселымъ видомъ смотрѣлъ на гостей.

— Ну что, проводилъ гостя? спросилъ его дядя.

— Да! Какъ онъ вамъ понравился?

Всѣ повторили ему свои отзывы.

— Еще приглашаетъ къ себѣ! сказалъ Красноперовъ. — Кто поѣдетъ къ эдакому уроду, куда-нибудь въ трущобу, на чердакъ!

— Мы поѣхали бы — вотъ съ нимъ! сказалъ хозяинъ, показывая на Сухова:—если бъ это было въ городѣ. Но, конечно, онъ не серьезно приглашалъ насъ, да еще въ Павловскъ! Ты, Митя, завези ему просто наши карточки.

— Напротивъ, онъ очень серьезно приглашаетъ васъ всѣхъ, сказалъ студентъ съ лукавымъ смѣхомъ:—и даже васъ! обратился онъ къ Лилиной.—Вотъ и приглашеніе!

Онъ подалъ дядѣ какой-то листокъ. Всѣ навострили уши и жадно впились глазами въ хозяина.

— Что это такое! сказалъ тотъ и началъ читать вслухъ:

„Въ четвергъ, 12-го мая, въ Павловскомъ театрѣ, дань будетъ, въ пользу Герцоговинцевъ, спектакль, съ участіемъ артиста Императорскихъ театровъ..."

Онъ не успѣлъ договорить имени артиста, какъ все

общество гостей привстало съ мѣстъ, хоромъ ахнуло и вдругъ оцепенѣло въ молчаніи.

— Это онъ! возможно ли! пѣнулъ кто-то точно въ испугѣ.

— Diable! diable! nous sommes joliment attrapés! проговорилъ про себя другой.

Общая картина, которою вполнѣ наслаждался только одинъ зритель, молодой Урановъ.

Затѣмъ послѣдовалъ общій, сплошной смѣхъ. — А мы-то! — А я-то! вырывалось среди хохота то у того, то у другого. Чешневъ такъ и заливался дѣтскимъ смѣхомъ надъ собою. Только Краснопѣровъ угрюмо молчалъ.

— Какъ это тебѣ въ голову пришло, Митя! обнимая племянника, сказалъ Урановъ.

— Вы просили, дядя, помочь, чтобъ весело было! сказалъ тотъ.

— Спасибо! я въ долгу у тебя не останусь! заключилъ Урановъ.

Еще собесѣдники не очнулись отъ смѣха, какъ вошелъ человѣкъ и сказалъ, что швейцаръ прислалъ снизу доложить что-то нужное. Швейцаръ и самъ выглядывалъ изъ-за дверей въ залу.

— Что такое случилось? что тебѣ? спросилъ Григорій Петровичъ швейцара.—Войди!

— Насчетъ гостя; вотъ что сейчасъ изволили уйти...

— Ну?

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали.

— Когда они вышли, я подалъ имъ пальто; а они подошли къ зеркалу, покосились на меня и отвернулись вотъ эдакъ спиной... а я въ зеркало-то все и увидалъ...

— Что-жъ ты увидалъ?

— Они хвать за усы, да въ карманъ ихъ, хвать за бороду—да въ карманъ! Глядь, совсѣмъ другой человѣкъ

сталъ! „Да безъ оглядки какъ броситься вонъ, на извозчика— и такъ прытко погнали...

— Ну что же?

— Я и побѣжалъ наверхъ „доложить... господинъ незнакомый, въ первый разъ... все-ли цѣло... серебро... Можно догнать...

Всеобщій гомерическій хохотъ былъ ему отвѣтомъ.

Съ хохотомъ гости прощались съ Урановымъ, съ хохотомъ шли по лѣстницѣ, одѣвались и разъѣзжались.

Въ слѣдующій за этимъ вечеръ, въ четвергъ, вечерній поѣздъ привезъ въ семь часовъ въ Павловскъ всѣхъ гостей, бывшихъ на литературномъ вечерѣ Уранова, кромѣ Краснопѣрова и графа Нестова, и много другихъ лицъ того же круга. За два дня до спектакля не было уже ни одного мѣста; билеты были распроданы по баснословной цѣнѣ.

Артиста какъ и всегда, при его появленіи встрѣтилъ восторженный пріемъ. Раскланиваясь, онъ особый поклонъ обратилъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли: Урановъ, Суховъ, генералъ, самъ авторъ романа и дамы, между прочими, графиня Сипявская съ дочерью, княгиня и княжна Гецкія, Лилина и много другихъ. Пьеса прошла блистательно, вызовамъ не было конца, букетамъ и подаркамъ тоже. Тутъ были и вѣнки, и несессеры, и футляры съ разными вещами. Общее вниманіе обратилъ поданный изъ ложи, черезъ капельдинера, большой старинный серебряный кубокъ, изящной работы, который Урановъ показывалъ за ужиномъ своимъ гостямъ.

Артистъ принялъ кубокъ, узналъ его, взглянулъ на ложу, откуда его подали, и не могъ даже поклониться. Онъ только приложилъ руку къ сердцу.

На кубкѣ были вырѣзаны имена всѣхъ присутствовавшихъ за ужиномъ.

„Истинному виновнику вечера 7-го мая—благодарные собесѣдники“, сказано было въ запискѣ, вложенной въ кубокъ.

Тамъ же оказался футляръ съ браслетомъ, украшеннымъ большимъ изумрудомъ съ брильянтами вокругъ.

„Съ одной женской руки на другую, достойнѣйшую, руку супруги знаменитаго артиста—отъ женщины“, написано было мелкимъ женскимъ почеркомъ на бумажкѣ.

Наконецъ, со дна кубка артистъ досталъ пачку радужныхъ ассигнацій. Онъ сосчиталъ—оказалось пятьсотъ рублей. Онъ отнесъ ихъ въ кассу, взялъ росписку въ полученіи пожертвованія отъ такихъ-то лицъ въ пользу славянъ—и отправилъ ее на другой день съ своею визитною карточкою къ Уранову.

Сентябрь 1877.

МИЛЬОНЪ ТЕРЗАНІЙ.

„МИЛЬОНЪ ТЕРЗАНІЙ".

(Критическій этюдъ).

Горе отъ ума. *Грибоѣдова.*—Бенефисъ Монахова, ноябрь. 1871 г.

Комедія „Горе отъ ума" держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ и отличается моложавостью, свѣжестью и болѣе крѣпкой живучестью отъ другихъ произведеній слова. Она, какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ.

Всѣ знаменитости первой величины конечно не даромъ поступили въ такъ называемый „храмъ безсмертія". У всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громаденъ, плодотворенъ, силенъ, богатъ. Онъ для русскаго искусства тоже, что̀ Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ,—взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что̀ успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Несмотря на геній Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, уже блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое.

геніальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству—сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время и его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже живыхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ. Даже позднѣйшіе герои вѣка, напримѣръ Лермонтовскій Печоринъ, представляя, какъ и Онѣгинъ, свою эпоху, каменѣютъ, однако, въ неподвижности, какъ статуи на могилахъ. Не говоримъ о явившихся позднѣе ихъ, болѣе или менѣе яркихъ типахъ, которые при жизни авторовъ успѣли сойти въ могилу, оставивъ по себѣ нѣкоторыя права на литературную память.

Называли *безсмертною* комедію „Недоросль“ Фонъ-Визина,—и основательно—ея живая, горячая пора продолжалась около полувѣка: это громадно для произведенія слова. Но теперь нѣтъ ни одного намека въ „Недорослѣ“ на живую жизнь, и комедія, отслуживъ свою службу, обратилась въ историческій памятникъ.

„Горе отъ ума“ появилось раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ Гоголевскій періодъ, прожило эти полвѣка со времени своего появленія и все живетъ своею петлѣбною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ и все не утратитъ своей жизненности.

Отчего же это, и что такое вообще это „Горе отъ ума?“

Критика не трогала комедію съ однажды занятаго ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила мильонъ въ гривенники, и до того испе-

стила Грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе—и не только не опошлилась, но сдѣлалась какъ будто дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ Басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Печатная критика всегда относилась съ бо́льшею или меньшею строгостью только къ сценическому исполненію пьесы, мало касаясь самой комедіи, или высказываясь въ отрывочныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ отзывахъ. Рѣшено разъ всѣми навсегда, что комедія образцовое произведеніе—и на томъ всѣ помирились.

И мы здѣсь не претендуемъ произнести критическій приговоръ, въ качествѣ присяжнаго критика: рѣшительно уклоняясь отъ этого—мы, въ качествѣ любителя, только высказываемъ свои размышленія, тоже по поводу одного изъ послѣднихъ представленій „Горе отъ ума" на сценѣ. Мы хотимъ подѣлиться съ читателемъ этими своими мнѣніями, или лучше сказать сомнѣніями о томъ, такъ ли играется пьеса, т.-е. съ той ли точки зрѣнія смотрятъ обыкновенно на ея исполненіе и сами артисты, и зрители? А заговоривъ объ этомъ, нельзя не высказать мнѣній и сомнѣній и о томъ, такъ ли должно понимать самую пьесу, какъ ее понимаютъ нѣкоторые исполнители и, можетъ-быть, и зрители. Не хотимъ опять сказать, что мы считаемъ нашъ способъ пониманія непогрѣшимымъ—мы предлагаемъ его только какъ одинъ изъ способовъ пониманія, или какъ одну изъ точекъ зрѣнія.

Что дѣлать актеру, вдумывающемуся въ свою роль въ этой пьесѣ? Положиться на одинъ собственный судъ — недостанетъ никакого самолюбія, а прислушаться за сорокъ лѣтъ къ говору общественнаго мнѣнія — нѣтъ возможности, не затерявшись въ мелкомъ анализѣ.

Остается, изъ безчисленнаго хора высказанныхъ мнѣній, остановиться на нѣкоторыхъ общихъ выводахъ, наичаще повторяемыхъ — и на нихъ уже строить собственный планъ оцѣнки.

Одни цѣнятъ въ комедіи картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусную группировку. Вся пьеса представляется какимъ-то кругомъ знакомыхъ читателю лицъ, и притомъ такимъ опредѣленнымъ и замкнутымъ, какъ колода картъ. Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія врѣзались въ память также твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное понятіе о всѣхъ лицахъ, кромѣ одного—Чацкаго. Такъ всѣ они начертаны вѣрно и строго и такъ примелькались всѣмъ. Только о Чацкомъ многіе недоумѣваютъ: что онъ такое? Онъ какъ будто пятьдесять-третья какая-то загадочная карта въ колодѣ. Если было мало разногласія въ пониманіи другихъ лицъ, то о Чацкомъ, напротивъ, разнорѣчія не кончились до сихъ поръ и можетъ-быть не кончатся еще долго.

Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматической солью языка, живой сатирой—моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодезь, снабжаетъ всякаго на каждый обиходный шагъ жизни.

Но и тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаніемъ самую „комедію“, дѣйствіе, и многіе даже отказываютъ ей въ условномъ сценическомъ движеніи.

Несмотря на то, всякій разъ однако, когда мѣняется персоналъ въ роляхъ, и тѣ и другіе судьи идутъ въ театръ, и снова поднимаются оживленные толки объ исполненіи той или другой роли и о самыхъ роляхъ, какъ будто въ новой пьесѣ.

Всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія и на нихъ основан-

ная своя точка зрѣнія у всѣхъ и у каждаго служатъ лучшимъ опредѣленіемъ пьесы, т.-е., что комедія „Горе отъ ума" есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія и, скажемъ сами за себя — больше всего комедія — какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Какъ картина, она безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни — отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта, въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука—зритель и читатель чувствуютъ себя и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее и детали, все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ „особымъ отпечаткомъ" Москвы,—отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы не полна.

Однако для насъ она еще не вполнѣ законченная историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобъ между ею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна. Колоритъ не сгладился совсѣмъ: вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть: мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и пр. видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу Грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь при-

глашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ, даже передъ горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ далекомъ захолустьѣ. Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и „награжденья брать и весело пожить“, пока сплетни, бездѣлье, пустота, будутъ господствовать, не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни,—до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ „особый отпечатокъ“, которымъ гордился Фамусовъ.

Общечеловѣческіе образцы конечно остаются всегда, хотя и тѣ превращаются въ неузнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что, на смѣну старому, художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, являвшіяся уже когда-то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и кровь въ духѣ своего времени. Тартюфъ конечно—вѣчный типъ, Фальстафъ—вѣчный характеръ—но и тотъ и другой, и многіе еще знаменитые подобные имъ первообразы страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ нарицательное имя порока, и для насъ служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлереи.

Это особенно можно отнести къ Грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено и обставлено такою реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п.

Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія „Горе отъ ума" была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Ленскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи. Самъ Чацкій гремитъ противъ „вѣка минувшаго", когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами.

„Какъ посравнить да посмотрѣть" (говоритъ онъ),
„Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ *минувшій*,
„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"—

а про свое время выражается такъ:

„*Теперь* вольнѣе всякій дышетъ"—

или:

„Бранилъ *вашъ* вѣкъ я безпощадно",—

говоритъ онъ Фамусову.

Слѣдовательно, теперь остается только немногое отъ мѣстнаго колорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами чины могутъ отойти, низкопоклонничество до степени лакейства Молчалинскаго уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фрунта уступила мѣсто строгому и раціональному направленію въ военномъ дѣлѣ.

Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ, разсыпанный въ немъ острый и ѣдкій, живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь.

Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное, затѣмъ кажется, чтобы. ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ же дался автору. какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію—и въ тѣсномъ смыслѣ какъ сценическую пьесу,—и въ обширномъ. какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ какъ комедіей она и не могла бы быть.

Оставя двѣ капитальныя стороны пьесы, которыя такъ явно говорятъ за себя, и потому имѣютъ большинство почитателей,—т.-е. картину эпохи, съ группой живыхъ портретовъ, и соль языка,—обратимся сначала къ комедіи, какъ къ сценической пьесѣ, потомъ какъ къ комедіи вообще, къ ея общему смыслу, къ главному разуму ея въ общественномъ и литературномъ значеніи. наконецъ, скажемъ и объ исполненіи ея на сценѣ.

Давно привыкли говорить, что нѣтъ движенія, т.-е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣтъ движенія? Есть — живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: „Карету мнѣ, карету!“

Это—тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ,—вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ,—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами. кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

Только при разъѣздѣ въ свѣтяхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся

между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже выростаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи.

Главная роль конечно — роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

Но Чацкій не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ—это человѣкъ, не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ „чувствителенъ и веселъ, и остеръ“. Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь „умъ“.

И Онѣгинъ, и Печоринъ, оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже „озлоблены“, носили въ себѣ и „недовольство“ и бродили какъ тѣни съ „тоскующею лѣнью“. Но презирая пустоту жизни,

праздное барство. они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, „блестѣть“ и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе—считалось квинтъ-эссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ, и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука „страсти нѣжной“, а прочему всему они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь“—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ готовился серьезно къ дѣятельности. „Онъ славно пишетъ, переводитъ“, говоритъ о немъ Фамусовъ и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся — не трудно догадаться почему:

„Служить бы радъ, прислуживаться тошно“,—

намекаетъ онъ самъ. О „тоскующей лѣни, о праздной скукѣ“ и помину нѣтъ, а еще менѣе о „страсти нѣжной“, какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену.

Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу — не найдя ни въ комъ „сочувствія живого“, и уѣхать, увозя съ собой только „милліонъ терзаній“.

Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ неумно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но зато они уже побѣдили и обратились для насъ въ каменныя

статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою „глупость“.

Читатель помнитъ, конечно, все, что продѣлалъ Чацкій. Прослѣдимъ слегка ходъ пьесы и постараемся выдѣлить изъ нея драматическій интересъ комедіи, то движеніе, которое идетъ черезъ всю пьесу, какъ невидимая, но живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою.

Чацкій вбѣгаетъ къ Софьѣ, прямо изъ дорожнаго экипажа, не заѣзжая къ себѣ, горячо цѣлуетъ у ней руку, глядитъ ей въ глаза, радуется свиданію, въ надеждѣ найти отвѣтъ прежнему чувству—и не находитъ. Его поразили двѣ перемѣны: она необыкновенно похорошѣла и охладѣла къ нему—тоже необыкновенно.

Это его и озадачило, и огорчило, и немного раздражило. Напрасно онъ старается посыпать солью юмора свой разговоръ, частію играя этой своей силой, чѣмъ конечно прежде нравился Софьѣ, когда она его любила,—частію подъ вліяніемъ досады и разочарованія. Всѣмъ достается, всѣхъ перебралъ онъ—отъ отца Софьи до Молчалина -и какими мѣткими чертами рисуетъ онъ Москву—и сколько изъ этихъ стиховъ ушло въ живую рѣчь! Но все напрасно: нѣжныя воспоминанія, остроты—ничто не помогаетъ. Онъ *теряетъ отъ нея одни холодности*, пока, ѣдко задѣвъ Молчалина, онъ не задѣлъ за живое и ее. Она уже съ скрытой злостью спрашиваетъ его, случилось ли ему хоть нечаянно „добро о комъ-нибудь сказать“, и исчезаетъ при входѣ отца, выдавъ послѣднему почти головой Чацкаго, т.-е. объявивъ его героемъ разсказаннаго передъ тѣмъ отцу сна.

Съ этой минуты между ею и Чацкимъ завязался горячій поединокъ, самое живое дѣйствіе, комедія въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица, Молчалинъ и Лиза.

Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ, тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софьѣ, раздраженнаго какою-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца. Весь умъ его и всѣ силы уходятъ въ эту борьбу: она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому „милліону терзаній", подъ вліяніемъ которыхъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ роль, для которой и родилась вся комедія.

Чацкій почти не замѣчаетъ Фамусова, холодно и разсѣянно отвѣчаетъ на его вопросъ, гдѣ былъ? „Теперь мнѣ до того ли?" говоритъ онъ, и, обѣщая пріѣхать опять, уходитъ, проговаривая изъ того, что его поглощаетъ:

„Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!"

Во второмъ посѣщеніи онъ начинаетъ разговоръ опять о Софьѣ Павловнѣ.—„Не больна ли она? не приключилось ли ей печали?" — и до такой степени охваченъ и подогрѣтымъ ея расцвѣтшей красотой чувствомъ, и ея холодностью къ нему, что, на вопросъ отца, не хочетъ ли онъ на ней жениться, въ разсѣянности спрашиваетъ: „А вамъ на что!" И потомъ равнодушно, только изъ приличія, дополняетъ:

„Пусть я посватаюсь, вы что бы: мнѣ сказали?"

И почти не слушая отвѣта, вяло замѣчаетъ на совѣтъ „послужить:"

„Служить бы радъ,—прислуживаться тошно!"

Онъ и въ Москву, и къ Фамусову, пріѣхалъ очевидно для Софьи и къ одной Софьѣ. До другихъ ему дѣла нѣтъ: ему и теперь досадно, что онъ, вмѣсто нея, нашелъ одного Фамусова. „Какъ здѣсь бы ей не быть?" задается онъ вопросомъ, припоминая прежнюю юношескую свою любовь,

которую въ немъ „ни даль не охладила, ни развлеченіе, ни перемѣна мѣстъ“.—и мучается ея холодностью.

Ему скучно и говорить съ Фамусовымъ — и только положительный вызовъ Фамусова на споръ выводитъ Чацкаго изъ его сосредоточенности:

„Вотъ то-то, всѣ вы гордецы:
„Смотрѣли бы какъ дѣлали отцы,
„Учились бы на старшихъ глядя!“—

говоритъ Фамусовъ и затѣмъ чертитъ такой грубый и уродливый рисунокъ раболѣпства, что Чацкій не вытерпѣлъ и въ свою очередь сдѣлалъ параллель вѣка „минувшаго“ съ вѣкомъ нынѣшнимъ“.

Но все еще раздраженіе его сдержано: онъ какъ будто совѣстится за себя, что вздумалъ отрезвлять Фамусова отъ его понятій; онъ спѣшитъ вставить, что „не о дядюшкѣ его говоритъ“, котораго привелъ въ примѣръ Фамусовъ, и даже предлагаетъ послѣднему побранить и свой вѣкъ, наконецъ, всячески старается замять разговоръ, видя, какъ Фамусовъ заткнулъ уши,—успокоивать его, почти извиняется.

„Длить споры не мое желанье“,—

говоритъ онъ. Онъ готовъ опять войти въ себя. Но его будитъ неожиданный намекъ Фамусова на слухъ о сватовствѣ Скалозуба.

„Вотъ будто женится на Софьюшкѣ“... и т. д.

Чацкій навострилъ уши.

„Какъ суетится, что за прыть!“—

„А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?“ говоритъ онъ, и хотя потомъ прибавляетъ:

„Ахъ—тотъ скажи любви конецъ,
„Кто на три года вдаль уѣдетъ!“—

но самъ еще не вѣритъ этому, по примѣру всѣхъ влюбленныхъ, пока эта любовная аксіома не разыгралась надъ нимъ до конца.

Фамусовъ подтверждаетъ свой намекъ о женитьбѣ Скалозуба, навязывая послѣднему мысль „о генеральшѣ, и почти явно вызываетъ на сватовство.

Эти намеки на женитьбу возбудили подозрѣнія Чацкаго о причинахъ перемѣны къ нему Софьи. Онъ даже согласился-было на просьбу Фамусова бросить „завиральныя идеи“ и помолчать при гостѣ. Но раздраженіе уже шло crescendo, и онъ вмѣшался въ разговоръ, пока небрежно, а потомъ, раздосадованный неловкой похвалой Фамусова его уму и проч., возвышаетъ тонъ и разрѣшается рѣзкимъ монологомъ:

„А судьи кто?“ и т. д. Тутъ уже завязывается другая борьба, важная и серьезная, цѣлая битва. Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ раздается, какъ въ увертюрѣ оперы, главный мотивъ, намекается на истинный смыслъ и цѣль комедіи. Оба, Фамусовъ и Чацкій, бросили другъ другу перчатку:

„Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,
„Учились бы на старшихъ глядя!“—

раздался военный кликъ Фамусова. А кто эти старшіе и „судьи?“

...„За дряхлостію лѣтъ
„Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима“.—

отвѣчаетъ Чацкій и казнитъ—

„Прошедшаго житья подлѣйшія черты“.

Образовались два лагеря, или, съ одной стороны, цѣлый лагерь Фамусовыхъ и всей братіи „отцовъ и старшихъ“.— съ другой, одинъ пылкій и отважный боецъ, „врагъ искаженій“. Это борьба на жизнь и смерть, борьба за существованіе, какъ новѣйшіе натуралисты опредѣляютъ естественную смѣну поколѣній въ животномъ мірѣ. Фамусовъ хочетъ быть „тузомъ“—„есть на серебрѣ и на золотѣ, ѣздить цугомъ, весь въ орденахъ, быть богатымъ и видѣть дѣтей

богатыми, въ чинахъ, въ орденахъ и съ ключемъ" — и такъ безъ конца, и все это только за то, что онъ подписываетъ бумаги, не читая и боясь одного, „чтобъ множество не накопилось ихъ".

Чацкій рвется къ „свободной жизни", къ „занятіямъ наукой и искусствомъ и требуетъ службы дѣлу, а не лицамъ" и т. д. На чьей сторонѣ побѣда? Комедія даетъ Чацкому только „*милліонъ терзаній*" и оставляетъ, повидимому, въ томъ же положеніи Фамусова и его братію, въ какомъ они были, ничего не говоря о послѣдствіяхъ борьбы.

Теперь намъ извѣстны эти послѣдствія. Они обнаружились съ появленіемъ комедіи, еще въ рукописи, въ свѣтъ—и какъ эпидемія охватили всю Россію!

Между тѣмъ интрига любви идетъ своимъ чередомъ, правильно, съ тонкою психологическою вѣрностью, которая во всякой другой пьесѣ, лишенной прочихъ колоссальныхъ Грибоѣдовскихъ красотъ — могла бы сдѣлать автору имя.

Обморокъ Софьи при паденіи съ лошади Молчалина, ея участіе къ нему, такъ неосторожно высказавшееся, новые сарказмы Чацкаго на Молчалина—все это усложнило дѣйствіе и образовало тотъ главный пунктъ, который назывался въ пінтикахъ завязкою. Тутъ сосредоточился драматическій интересъ. Чацкій почти угадалъ истину.

„Смятенье, обморокъ, поспѣшность, гнѣвъ испуга (по случаю паденья съ лошади Молчалина).
„Все это можно ощущать
„Когда лишаешься единственнаго друга".—

говоритъ онъ и увязаетъ въ сильномъ волненіи въ мукахъ подозрѣній на двухъ соперниковъ.

Въ третьемъ актѣ онъ раньше всѣхъ забирается на балъ, съ цѣлью „вынудить признанье" у Софьи — и съ

дрожью нетерпѣнья приступаетъ къ дѣлу прямо съ вопросомъ: „Кого она любитъ?“

Послѣ уклончиваго отвѣта, она признается, что ей милѣе его „иные“. Кажется ясно. Онъ и самъ видитъ это и даже говоритъ:

„И я чего хочу, когда все рѣшено?
„Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!“

Однако лѣзетъ, какъ всѣ влюбленные, несмотря на свой „умъ“, и уже слабѣетъ передъ ея равнодушіемъ. Онъ бросаетъ никуда негодное противъ счастливаго соперника оружіе—прямое нападеніе на него, и снисходитъ до притворства:

„Разъ въ жизни притворюсь“,

рѣшаетъ онъ—чтобъ „разгадать загадку“, а собственно, чтобъ удержать Софью, когда она рванулась прочь при новой стрѣлѣ, пущенной въ Молчалина. Это не притворство, а уступка, которою онъ хочетъ выпросить то, чего нельзя выпросить—любви, когда ея нѣтъ. Въ его рѣчи уже слышится молящій тонъ, нѣжные упреки, жалобы:

„Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та...
„Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
„Казался прахъ и суета?
„Чтобъ сердца каждое біенье
„Любовью ускорялось къ вамъ...“—

говоритъ онъ—и наконецъ:

„Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
„Какъ человѣку—вы, который съ вами взросъ—
„Какъ другу вашему, какъ брату,
„Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ...“

Это уже слезы. Онъ трогаетъ серьезныя струны чувства—

„Отъ сумасшествія могу я остеречься,
„Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть...“—

заключаетъ онъ. Затѣмъ оставалось только упасть на

колѣни и зарыдать. Остатки ума спасаютъ его отъ безполезнаго униженія.

Такую мастерскую сцену, высказанную такими стихами, едва ли представляетъ какое-нибудь другое драматическое произведеніе. Нельзя благороднѣе и трезвѣе высказать чувство, какъ оно высказалось у Чацкаго, нельзя тоньше и граціознѣе выпутаться изъ ловушки, какъ выпутывается Софья Павловна. Только Пушкинскія сцены Онѣгина съ Татьяной напоминаютъ эти тонкія черты умныхъ натуръ.

Софьѣ удалось-было совершенно отдѣлаться отъ новой подозрительности Чацкаго, но она сама увлеклась своей любовью къ Молчалину и чуть не испортила все дѣло, высказавшись почти открыто въ любви. На вопросъ Чацкаго:

„Зачѣмъ же вы его (Молчалина) такъ коротко узнали?“

Она отвѣчаетъ:

„Я не старалась! Богъ насъ свелъ“.

Этого довольно, чтобъ открыть глаза слѣпому. Но ее спасъ самъ Молчалинъ, т.-е. его ничтожество. Она въ увлеченіи поспѣшила нарисовать его портретъ во весь ростъ, можетъ-быть въ надеждѣ примирить съ этой любовью не только себя, но и другихъ, даже Чацкаго, не замѣчая, какъ портретъ выходитъ пошлъ:

„Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
„При батюшкѣ три года служитъ;
„Тотъ часто безъ толку сердитъ,
„А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
„Отъ доброты души проститъ.
„А между прочимъ
„Веселостей искать бы могъ.—
„Ничуть, отъ старичковъ не ступитъ за порогъ!
„Мы рѣзвимся, хохочемъ;
„Онъ съ нами цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
„Играетъ...“

Далѣе:

„Чудеснѣйшаго свойства...
„Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
„И на душѣ проступковъ никакихъ;
„Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ...
„Вотъ я за что его люблю!"

У Чацкаго разсѣялись всѣ сомнѣнія:

„Она его не уважаетъ!"
„Шалитъ, она его не любитъ.
„Она не ставитъ въ грошъ его!"—

утѣшаетъ онъ себя при каждой ея похвалѣ Молчалину, и потомъ хватается за Скалозуба. Но отвѣтъ ея—что онъ „герой не ея романа", уничтожилъ и эти сомнѣнія. Онъ оставляетъ ее безъ ревности, но въ раздумьѣ—сказавъ:

„Кто разгадаетъ васъ!"

Онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность такихъ соперниковъ, а теперь убѣдился въ этомъ. Но и его надежды на взаимность, до сихъ поръ горячо волновавшія его, совершенно поколебались, особенно когда она не согласилась остаться съ нимъ подъ предлогомъ, что „лошади остынутъ", и потомъ, на просьбу его позволить зайти къ ней въ комнату, при новой колкости на Молчалина, она ускользнула отъ него и заперлась.

Онъ почувствовалъ, что главная цѣль возвращенія въ Москву ему измѣнила, и онъ отходитъ отъ Софіи съ грустью. Онъ, какъ потомъ сознается въ сѣняхъ, съ этой минуты подозрѣваетъ въ ней только холодность ко всему— и послѣ этой сцены самый обморокъ отнесъ не „къ признакамъ живыхъ страстей", какъ прежде, а „къ причудѣ избалованныхъ нервъ".

Слѣдующая сцена его съ Молчалинымъ, вполнѣ обрисовывающая характеръ послѣдняго, утверждаетъ Чацкаго окончательно, что Софья не любитъ этого соперника.

„Обманщица смѣялась надо мной!"—

замѣчаетъ онъ и идетъ навстрѣчу новымъ лицамъ.

Комедія между нимъ и Софьей оборвалась; жгучее раздраженіе ревности унялось и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу.

Ему оставалось уѣхать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедія, открывается разомъ нѣсколько новыхъ перспективъ московской жизни, которыя, не только вытѣсняютъ изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій какъ будто забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждое свою роль новыя лица. Это балъ, со всей московской обстановкой, съ рядомъ живыхъ сценическихъ очерковъ, въ которыхъ каждая группа образуетъ свою отдѣльную комедію, съ полною обрисовкою характеровъ, успѣвшихъ въ нѣсколькихъ словахъ разыграться въ законченное дѣйствіе.

Развѣ не полную комедію разыгрываютъ Горичевы? Этотъ мужъ, недавно еще бодрый и живой человѣкъ, теперь опустившійся, облекшійся, какъ въ халатъ, въ московскую жизнь, баринъ: „мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, идеалъ московскихъ мужей", по мѣткому опредѣленію Чацкаго,— подъ башмакомъ приторной, жеманной, свѣтской супруги, московской дамы?

А эти шесть княженъ и графиня-внучка,—весь этотъ контингентъ невѣстъ „умѣющихъ, по словамъ Фамусова, принарядить себя тафтицей, бархатцомъ и дымкой", „поющихъ верхнія ноты и льнущихъ къ военнымъ людямъ?"

Эта Хлестова, остатокъ екатерининскаго вѣка, съ моськой, съ арапкой-дѣвочкой,—эта княгиня и князь Петръ Ильичъ — безъ слова, но такая говорящая руина прошлаго —Загорѣцкій, явный мошенникъ, спасающійся отъ тюрьмы въ лучшихъ гостиныхъ и откупающійся угодливостью, въ родѣ собачьихъ поносокъ — и эти N. N.—и всѣ толки ихъ и все занимающее ихъ содержаніе!

Напишетъ этихъ лицъ такъ обильно, портреты ихъ такъ

рельефны, что зритель хладѣетъ къ интригѣ, не успѣвая ловить эти быстрые очерки новыхъ лицъ и вслушиваться въ ихъ оригинальный говоръ.

Чацкаго уже нѣтъ на сценѣ. Но онъ до ухода далъ обильную пищу той главной комедіи, которая началась у него съ Фамусовымъ, въ первомъ актѣ, потомъ съ Молчалинымъ, — той битвѣ со всей Москвой, куда онъ, по цѣлямъ автора, затѣмъ и пріѣхалъ.

Въ краткихъ, даже мгновенныхъ встрѣчахъ съ старыми знакомыми, онъ успѣлъ всѣхъ вооружить противъ себя дѣкими репликами и сарказмами. Его уже живо затрогиваютъ всякіе пустяки—и онъ даетъ волю языку. Разсердилъ старуху Хлестову, далъ невпопадъ нѣсколько совѣтовъ Горичеву, рѣзко оборвалъ графиню-внучку и опять задѣлъ Молчалина.

Но чаша переполнилась. Онъ выходитъ изъ заднихъ комнатъ уже окончательно разстроенный, и по старой дружбѣ, въ толпѣ опять идетъ къ Софьѣ, надѣясь хоть на простое сочувствіе. Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе:

„Мильонъ терзаній!“—

говоритъ онъ:

„Груди отъ дружескихъ тисковъ,
„Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
„А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
„Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ сжата!“—

жалуется онъ ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ.

„Мильонъ терзаній“ и „горе!“—вотъ что онъ пожалъ за все, что успѣлъ посѣять. До сихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ: умъ его безпощадно поражалъ больныя мѣста враговъ. Фамусовъ ничего не находитъ, какъ только зажать уши противъ его логики, и отстрѣливается общими мѣстами

старой морали. Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини — пятятся прочь отъ него, обожженныя крапивой его смѣха. и прежній другъ его, Софья, которую одну онъ щадитъ, лукавитъ, скользитъ и наноситъ ему главный ударъ втихомолку, объявивъ его, подъ рукой, вскользь, сумасшедшимъ.

Онъ чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренно. Но борьба его истомила. Онъ очевидно ослабѣлъ отъ этого „мильона терзаній", и разстройство обнаружилось въ немъ такъ замѣтно, что около него группируются всѣ гости, какъ собирается толпа около всякаго явленія, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придирчивъ. Онъ, какъ раненый, собираетъ всѣ силы, дѣлаетъ вызовъ толпѣ—и наноситъ ударъ всѣмъ,—но не хватило у него мощи противъ соединеннаго врага.

Онъ впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распущенный Софьей слухъ о его сумасшествіи. Слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрная, опредѣленная идея, правда,—а какая-то горькая жалоба, какъ будто на личную обиду, на пустую, или, по его же словамъ, „незначущую встрѣчу съ французомъ изъ Бордо", которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ.

Онъ пересталъ владѣть собой, и даже не замѣчаетъ, что онъ самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется и въ патріотическій пафосъ, договаривается до того, что находитъ фракъ противнымъ „разсудку и стихіямъ", сердится, что madame и mademoiselle не переведены на русскій языкъ,—словомъ, „il divague!" заключили вѣроятно о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что „въ многолюдствѣ онъ растерянъ, самъ не свой!"

Онъ точно „самъ не свой", начиная съ монолога „о французикѣ изъ Бордо"—и такимъ остается до конца пьесы. Впереди пополняется только „мильонъ терзаній".

Пушкинъ, отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду послѣднюю сцену 4-го акта, въ сѣняхъ, при разъѣздѣ. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти франты, не сдѣлали бы того, что продѣлалъ въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы, „въ наукѣ страсти нѣжной", а Чацкій отличается и между прочимъ искренностью и простотой, и не умѣетъ и не хочетъ рисоваться. Онъ не франтъ, не левъ. Здѣсь измѣняетъ ему не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе. Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!

Отдѣлавшись отъ болтовни Репетилова и спрятавшись въ швейцарскую въ ожиданіи кареты, онъ подглядѣлъ свиданіе Софьи съ Молчалинымъ и разыгралъ роль Отелло, не имѣя на то никакихъ правъ. Онъ упрекаетъ ее, зачѣмъ она его „надеждой завлекла", зачѣмъ прямо не сказала, что прошлое забыто. Тутъ что ни слово—то неправда. Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и дѣлала, что уходила отъ него, едва говорила съ нимъ, призналась въ равнодушіи, назвала какой-то старый дѣтскій романъ и прятанье по угламъ „ребячествомъ" и даже намекнула, что „Богъ ее свелъ съ Молчалинымъ".

А онъ, потому только, что—

„...такъ страстно и такъ низко
„Былъ расточитель нѣжныхъ словъ",—

въ ярости, за собственное свое безполезное униженіе, за напущенный на себя добровольно самимъ собою обманъ,—казнитъ всѣхъ, а ей бросаетъ жестокое и несправедливое слово:

„Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ".

когда нечего было и разрывать! Наконецъ просто доходитъ до брани, изливая желчь:

„На дочь и на отца,
„И на любовника *глупца*,

и кипитъ бѣшенствомъ на всѣхъ, „на мучителей толпу, предателей, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ, старухъ зловѣщихъ“ и т. д. И уѣзжаетъ изъ Москвы искать „уголка оскорбленному чувству“, произнося всему безпощадный судъ и приговоръ!

Если бъ у него явилась одна здоровая минута, если бъ не жегъ его „милліонъ терзаній“, онъ бы конечно самъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ и за что надѣлалъ я всю эту кутерьму?“ И конечно не нашелъ бы отвѣта.

За него отвѣчаетъ Грибоѣдовъ, который не спроста кончилъ пьесу этой катастрофой. Въ ней, не только для Софьи, но и для Фамусова и всѣхъ его гостей. „умъ“ Чацкаго, сверкавшій, какъ лучъ свѣта въ цѣлой пьесѣ, разразился въ концѣ въ тотъ громъ, при которомъ крестятся, по пословицѣ, мужики.

Отъ грома первая перекрестилась Софья, остававшаяся до самаго появленія Чацкаго, когда Молчалинъ уже ползалъ у ногъ ея, все тою же безсознательною Софьей Павловною, съ тою же ложью, въ какой ее воспиталъ отецъ, въ какой онъ прожилъ самъ, весь его домъ и весь кругъ. Еще не опомнившись отъ стыда и ужаса, когда маска упала съ Молчалина, она прежде всего радуется, что „ночью все узнала, что нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ!“

А нѣтъ свидѣтелей, слѣдовательно все шито да крыто, можно забыть, выйти замужъ, пожалуй, за Скалозуба, а на прошлое смотрѣть...

Да никакъ не смотрѣть. Свое нравственное чувство стерпитъ, Лиза не проговорится. Молчалинъ никуда не

смѣетъ. А мужъ? Но какой же московскій мужъ, „изъ женщинъ нажей", станетъ озираться на прошлое!

Это и ея мораль, и мораль отца, и всего круга. А между тѣмъ Софья Павловна индивидуально не безнравственна: она грѣшитъ грѣхомъ невѣдѣнія, слѣпоты, въ которой жили всѣ—

„Свѣтъ не караетъ заблужденій
„Но тайны требуетъ для нихъ!"

Въ этомъ двустишіи Пушкина выражается общій смыслъ условной морали. Софья никогда не презрѣвала отъ нея и не презрѣла бы безъ Чацкаго никогда, за неимѣніемъ случая. Послѣ катастрофы, съ минуты появленія Чацкаго— оставаться слѣпой уже невозможно. Его суда ни обойти забвеніемъ, ни подкупить ложью, ни успокоить – нельзя. Она не можетъ не уважать его и онъ будетъ вѣчнымъ ея „укоряющимъ свидѣтелемъ", судьей ея прошлаго. Онъ открылъ ей глаза.

До него она не сознавала слѣпоты своего чувства къ Молчалину, и даже, разбирая послѣдняго, въ сценѣ съ Чацкимъ, по ниточкѣ, сама собою не презрѣла на него. Она не замѣчала, что сама вызвала его на эту любовь, о которой онъ, дрожа отъ страха, и подумать не смѣлъ. Ее не смущали свиданія наединѣ ночью, и она даже проговорилась въ благодарности къ нему въ послѣдней сценѣ, за то, что „въ ночной тиши онъ держался больше робости во правѣ!" Слѣдовательно и тѣмъ, что она не увлечена окончательно и безвозвратно, она обязана не себѣ самой, а ему!

Наконецъ, въ самомъ началѣ, она проговаривается еще наивнѣе передъ горничной:

„Подумаешь, какъ счастье своенравно",—

говоритъ она, когда отецъ засталъ Молчалина рано утромъ у ней въ комнатѣ:

„Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ!"

А Молчалинъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ цѣлую ночь. Что же разумѣла она подъ этимъ „хуже?“ Можно подумать Богъ знаетъ что: но honny soit qui mal y pense! Софья Павловна вовсе не такъ виновата, какъ кажется.

Это—смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія,—путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота—все это не имѣетъ въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи, прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію.

Французскія книжки, на которыя сѣтуетъ Фамусовъ, фортепіано (еще съ аккомпанементомъ флейты), стихи, французскій языкъ и танцы—вотъ что считалось классическимъ образованіемъ барышни. А потомъ „Кузнецкій мостъ и вѣчныя обновы“, балы, такіе, какъ этотъ балъ у ея отца, и это общество — вотъ тотъ кругъ, гдѣ была заключена жизнь „барышни“. Женщины учились только воображать и чувствовать и не учились мыслить и знать. Мысль безмолвствовала, говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость почерпали онѣ изъ романовъ, повѣстей—и оттуда инстинкты развивались въ уродливыя, жалкія, или глупыя свойства: мечтательность, сентиментальность, исканіе идеала въ любви, а иногда и хуже.

Въ спотворномъ застоѣ, въ безвыходномъ морѣ лжи, у большинства женщинъ снаружи господствовала условная мораль—а втихомолку жизнь кипѣла, за отсутствіемъ здоровыхъ и серьезныхъ интересовъ, вообще всякаго содержанія, тѣми романами, изъ которыхъ и создалась „наука страсти нѣжной“. Онѣгины и Печорины—вотъ представители цѣлаго класса, почти породы ловкихъ кавалеровъ, jeunes premiers. Эти передовые личности въ high life — такими

являлись и въ произведеніяхъ литературы, гдѣ и занимали почетное мѣсто со времень рыцарства и до нашего времени, до Гоголя. Самъ Пушкинъ, не говоря о Лермонтовѣ, дорожилъ этимъ внѣшнимъ блескомъ, этою представительностью du bon ton, манерами высшаго свѣта, подъ которою крылось и „озлобленіе“, и „тоскующая лѣнь“, и „интересная скука“. Пушкинъ надѣлъ Онѣгина, хотя касается легкой ироніей его праздности и пустоты, но до мелочи и съ удовольствіемъ описываетъ модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство—и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, это fatuité, позированье, которымъ щеголяли денди. Духъ позднѣйшаго времени снялъ заманчивую драпировку съ его героя и всѣхъ подобныхъ ему „кавалеровъ“, и опредѣлилъ истинное значеніе такихъ господъ, согнавъ ихъ съ перваго плана.

Они и были героями и руководителями этихъ романовъ, и объ стороны дрессировались до брака, который поглощалъ всѣ романы почти безслѣдно, развѣ попадалась и оглашалась какая-нибудь слабонервная, сентиментальная—словомъ, дурочка, или героемъ оказывался такой искренній „сумасшедшій“, какъ Чацкій.

Но въ Софьѣ Павловнѣ, сквозь оговориться, т.-е. въ чувствѣ ея къ Молчалину есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина. Разницу между ними кладетъ „московскій отпечатокъ“, потомъ бойкость, умѣнье владѣть собой, которое явилось въ Татьянѣ при встрѣчѣ съ Онѣгинымъ уже послѣ замужества, а до тѣхъ поръ она не сумѣла солгать о любви даже нянѣ. Но Татьяна — деревенская дѣвушка, а Софья Павловна—московская, по-тогдашнему развитая.

Между тѣмъ она въ любви своей точно такъ же готова выдать себя какъ Татьяна: объ, какъ въ лунатизмѣ, бродятъ въ увлеченіи, съ дѣтской простотой. И Софья, какъ Татьяна

же, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадываясь о томъ. Софья удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводитъ всю ночь: „Ни слова вольнаго! — и такъ вся ночь проходитъ!“ „Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!“ Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ! Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти грація— и куда далеко до безнравственности, нужды нѣтъ, что она проговорилась словомъ: хуже—это тоже наивность. Громадная разница не между ею и Татьяной, а между Онѣгинымъ и Молчалинымъ. Выборъ Софьи конечно не рекомендуетъ ее, но и выборъ Татьяны тоже былъ случайный, даже едва ли ей и было изъ кого выбирать.

Вглядываясь глубже въ характеръ и въ обстановку Софьи, видишь, что не безнравственность (но и не „Богъ“, конечно) „свели ее“ съ Молчалинымъ. Прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку, бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ. — возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейныя права. Безъ сомнѣнія ей въ этомъ улыбалась роль властвовать надъ покорнымъ созданіемъ, сдѣлать его счастье и имѣть въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого выходилъ будущій „мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга—идеалъ московскихъ мужей!“ На другіе идеалы негдѣ было наткнуться въ домѣ Фамусова.

Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись не симпатично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее и Чацкій. Послѣ него, она одна изъ всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и

въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, съ какимъ онъ разстается съ прочими лицами.

Ей, конечно, тяжелѣе всѣхъ, тяжелѣе даже Чацкаго, и ей достается свой „мильонъ терзаній“.

Чацкаго роль—роль страдательная: оно иначе и быть не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она въ то же время и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другіе—и въ этомъ ихъ главное страданіе, т.-е. въ безнадежности успѣха.

Конечно, Павла Аѳанасьевича Фамусова онъ не образумилъ, не отрезвилъ и не исправилъ. Если бъ у Фамусова при разъѣздѣ не было „укоряющихъ свидѣтелей“, т.-е. толпы лакеевъ и швейцара—онъ легко справился бы съ своимъ горемъ: далъ бы головомойку дочери, выдралъ бы за ухо Лизу и поторопился бы свадьбой Софьи съ Скалозубомъ. Но теперь нельзя: на утро, благодаря сценѣ съ Чацкимъ, вся Москва узнаетъ—и пуще всѣхъ „княгиня Марья Алексѣевна“. Покой его возмутится со всѣхъ сторонъ—и поневолѣ заставитъ кое о чемъ подумать, что ему въ голову не приходило. Онъ едва ли даже кончитъ свою жизнь такимъ „тузомъ“, какъ прежніе. Толки, порожденные Чацкимъ, не могли не всколыхать всего круга его родныхъ и знакомыхъ. Онъ уже и самъ противъ горячихъ монологовъ Чацкаго не находилъ оружія. Всѣ слова Чацкаго разнесутся, повторятся всюду и произведутъ свою бурю.

Молчалинъ, послѣ сцены въ сѣняхъ—не можетъ оставаться прежнимъ Молчалинымъ. Маска сдернута, его узнали, и ему, какъ пойманному вору, надо прятаться въ уголъ. Горичевы, Загорѣцкій, княжны — всѣ попали подъ градъ его выстрѣловъ, и эти выстрѣлы не останутся безслѣдны. Въ этомъ, до сихъ поръ согласномъ хорѣ, иные голоса, еще смѣлые вчера, смолкнутъ, или раздадутся другіе и за, и противъ. Битва только разгоралась.

Чацкаго авторитетъ извѣстенъ былъ и прежде, какъ авторитетъ ума, остроумія, конечно знаній и проч. У него есть уже и единомышленники. Скалозубъ жалуется, что брать его оставилъ службу, не дождавшись чина, и сталъ книги читать. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Федоръ, занимается химіей и ботаникой. Нужент былъ только взрывъ, бой, и онъ завязался, упорный и горячій—въ одинъ день въ одномъ домѣ, но послѣдствія его, какъ мы выше сказали, отразились на всей Москвѣ и Россіи. Чацкій породилъ расколъ, и если обманулся въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не нашелъ „прелести встрѣчъ, живого участья", то брызнулъ самъ на заглохшую почву живой водой—увезя съ собой „мильонъ терзаній", этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ — терзаній отъ всего: отъ „ума", а еще болѣе отъ „оскорбленнаго чувства".

На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной идей умѣли блистать какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Заѣхавъ въ глушь, Онѣгинъ поражалъ всѣхъ тѣмъ, что къ дамамъ „къ ручкѣ не подходитъ, стаканами, а не рюмками пилъ красное вино", говорилъ просто: да и нѣтъ, вмѣсто да-съ и нѣтъ-съ. Онъ морщится отъ „брусничной воды", въ разочарованіи бранитъ луну „глупой" — и небосклонъ тоже. Онъ привезъ на гривенникъ новаго, и вмѣнившись „умно", а не какъ Чацкій „глупо", въ любовь Ленскаго и Ольги и убивъ Ленскаго, увезъ съ собою не „мильонъ", а на „гривенникъ" же и терзаній!

Теперь, въ наше время, конечно, сдѣлали бы Чацкому упрекъ, зачѣмъ онъ поставилъ свое „оскорбленное чувство" выше общественныхъ вопросовъ, общаго блага и т. д. и не остался въ Москвѣ продолжать свою роль бойца съ ложью и предразсудками, роль — выше и важнѣе роли отвергнутаго жениха?

Да. теперь! А въ то время, для большинства, понятія объ общественныхъ вопросахъ были бы тоже, что для Репетилова толки „о камерѣ и о присяжныхъ“. Критика много погрѣшила тѣмъ, что въ судѣ своемъ надъ знаменитыми покойниками сходила съ исторической точки, забѣгала впередъ и поражала ихъ современнымъ оружіемъ. Не будемъ повторять ея ошибокъ—и не обвинимъ Чацкаго за то, что въ его горячихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ фамусовскимъ гостямъ, нѣтъ помина объ общемъ благѣ, когда уже и такой расколъ отъ „нскаиій мѣсть, отъ чиновъ“, какъ „занятіе науками и искусствами“, считался „разбоемъ и пожаромъ“.

Живучесть роли Чацкаго состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипотезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій, или даже истинъ en herbe: у него нѣтъ отвлеченностей. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или просто вѣстовщики—всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются —и по естественному ходу общественнаго развитія — должны являться, но ихъ роли и физіономіи до безконечности разнообразны.

Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что загрязнаетъ новую жизнь, „жизнь свободную“. Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣритъ въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, словомъ, не очеловѣчился.

Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты, онъ трезво становится, какъ остановился передъ безсмысленнымъ отрицаніемъ „законовъ, совѣсти и вѣры“ въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

„Послушай, ври, да знай же мѣру!“

Онъ очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: просить дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ „службы дѣлу, а не лицамъ", не смѣшиваетъ „веселья или дурачества съ дѣломъ" какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы „мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ", отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы „разливанья въ пирахъ и мотовствѣ"—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеалъ „свободной жизни" опредѣлителенъ: это — свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми окована общество, а потомъ свобода —„внести въ науки умъ, алчущій познаній", или безпрепятственно предаваться „искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,- -свобода „служить или не служить", „жить въ деревнѣ, или путешествовать", не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ,—и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ отъ несвободы.

И Фамусовъ, и другіе знаютъ это и конечно про себя всѣ согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещетъ на

Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу „свободной жизни". Между прочимъ —

„Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ",—

говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

„Да онъ властей не признаетъ!"

И такъ. лжетъ и онъ, потому что ему нѣчего сказать, и лжетъ все то, что̀ жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой —она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное, боится ступить очередный шагъ впередъ.

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей въ свою очередь смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: „одинъ въ полѣ не воинъ". Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, стрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій наизбѣжен при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна. отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, да скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого. какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь. у другихъ самолюбіе или славолюбіе—но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой „мильонъ терзаній", и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень не многимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились—хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго. и за всѣхъ, и усп̀ѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей. при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой Чацкіе живутъ и

не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу. въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей ужившается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Горація и Куріація, — миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ. въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться на старшихъ глядя“ съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни“ впередъ и впередъ, съ другой.

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ, или дастъ тинъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей. едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ,—или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Сервантесовскаго Донъ-Кихота и Шекспировскаго Гамлета, являлись и являются безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова,— и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова! Много можно бы привести Чацкихъ являвшихся на очередной смѣнѣ

эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда—громкихъ, великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы видѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ. Вспомнимъ не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, а возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, напримѣръ, Бѣлинскаго. Многіе изъ насъ знали его лично, а теперь знаютъ его всѣ. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ—и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго. И также онъ умеръ, уничтоженный „мильономъ терзаній", убитый лихорадкой ожиданія и недождавшійся исполненія своихъ грезъ, которыя теперь—уже не грёзы больше.

Оставя политическія заблужденія Герцена, гдѣ онъ вышелъ изъ роли нормальнаго героя, изъ роли Чацкаго, этого съ головы до ногъ русскаго человѣка,—вспомнимъ его стрѣлы, бросаемыя въ разные темные, отдаленные углы Россіи, гдѣ онъ находилъ виноватаго. Въ его сарказмахъ слышится эхо Грибоѣдовскаго смѣха и безконечное развитіе остротъ Чацкаго.

И Герценъ страдалъ отъ „мильона терзаній", можетъ-быть всего болѣе отъ терзаній Репетиловыхъ его же лагеря, которымъ у него при жизни недостало духа сказать: „ври, да знай же мѣру!"

Но онъ не унесъ этого слова въ могилу, сознавшись по смерти въ „ложномъ стыдѣ", помѣшавшемъ сказать его.

Наконецъ—послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій—не обличенъ, такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже

говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ. идея, ходячая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны полнотѣ и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ—если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ—то едва ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ навстрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, часто не равную, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе!

Нѣтъ, Чацкій—по нашему мнѣнію—изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

Наконецъ, позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній объ исполненіи комедіи на сценѣ въ недавнее время, а именно, въ бенефисъ Монахова, и о томъ, чего бы могъ зритель пожелать отъ исполнителей.

Если читатель согласится, что въ комедіи, какъ мы сказали, движеніе горячо и непрерывно поддерживается отъ начала до конца, то изъ этого само собою должно слѣдовать, что пьеса въ высшей степени сценична. Она такова и есть. Двѣ комедіи, какъ будто вложены одна въ другую: одна, такъ сказать, частная, мелкая, домашняя, между Чацкимъ, Софьей, Молчалинымъ и Лизой; это интрига любви, вседневный мотивъ всѣхъ комедій. Когда первая прерывается, въ промежуткѣ неожиданно другая, и дѣйствіе завязывается снова, частная комедія разыгрывается въ общую битву и связывается въ одинъ узелъ.

Артисты, вдумывающіеся въ общій смыслъ и ходъ пьесы, и каждый въ свою роль, найдутъ широкое поле для дѣйствія. Труда къ одоленію всякой, даже незначительной роли, не мало,—тѣмъ болѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе и тоньше будетъ относиться къ искусству артистъ.

Нѣкоторые критики возлагаютъ на обязанность артистовъ исполнять и историческую вѣрность лицъ, съ колоритомъ времени во всѣхъ деталяхъ, даже до костюмовъ, т.-е. до фасона платьевъ, прическъ включительно.

Это трудно, если не совсѣмъ невозможно. Какъ историческіе типы, эти лица, какъ сказано выше, еще блѣдны, а живыхъ оригиналовъ теперь не найдешь: штудировать не съ чего. Точно также и съ костюмами. Старомодные фраки, съ очень высокой, или очень низкой таліей, женскія платья съ высокимъ лифомъ, высокія прически, старые чепцы—во всемъ этомъ дѣйствующія лица покажутся бѣглецами съ толкучаго рынка. Другое дѣло, костюмы прошлаго столѣтія, совершенно отжившіе: камзолы, роброны, мушки, пудра и пр.

Но при исполненіи „Горя отъ ума" дѣло не въ костюмахъ.

Мы повторяемъ, что въ игрѣ вообще нельзя претендовать на историческую вѣрность, такъ какъ живой слѣдъ почти пропалъ, а историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибѣгать къ творчеству, къ созданію идеаловъ, по степени своего пониманія эпохи и произведенія Грибоѣдова.

Это первое, т.-е главное сценическое условіе.

Второе—это языкъ, т.-е. такое же художественное исполненіе языка, какъ и исполненіе дѣйствія: безъ этого втораго, конечно, невозможно и первое.

Въ такихъ высокихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ „Горе отъ ума", какъ „Борисъ Годуновъ", Пушкина, и нѣкоторыхъ другихъ, исполненіе должно быть не только сценическое, но наиболѣе литературное, какъ исполненіе отличнымъ оркестромъ образцовой музыки, гдѣ безошибочно должна быть сыграна каждая музыкальная фраза и въ ней каждая нота. Актеръ, какъ музыкантъ, обязанъ доиграться, т.-е. додуматься до того звука голоса и до той интонаціи, какими долженъ быть произнесенъ каждый стихъ: это значитъ додуматься до тонкаго критическаго пониманія всей поэзіи Пушкинскаго и Грибоѣдовскаго языка. У Пушкина, напримѣръ, въ „Борисѣ Годуновѣ", гдѣ нѣтъ почти дѣйствія, или по крайней мѣрѣ единства, гдѣ дѣйствіе распадается на отдѣльныя, несвязныя другъ съ другомъ сцены, иное исполненіе, какъ строго и художественно-литературное, и невозможно. Въ ней всякое прочее дѣйствіе, всякая сценичность, мимика, должны служить только легкой приправой литературнаго исполненія, дѣйствія въ словѣ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ ролей въ значительной степени можно сказать то же и о „Горѣ отъ ума". И тамъ больше всего игры въ языкѣ: можно снести не-

ловкость мимическую, но каждое слово съ невѣрной интонаціей будетъ рѣзать ухо, какъ фальшивая нота.

Не надо забывать, что такіе пьесы, какъ „Горе отъ ума", „Борисъ Годуновъ", публика знаетъ наизусть, и не только слѣдитъ мыслью за каждымъ словомъ, но чуетъ, такъ сказать, нервами каждую ошибку въ произношеніи. Ими можно наслаждаться, не видя, а только слыша ихъ. Эти пьесы исполнялись и исполняются нерѣдко въ частномъ быту, просто чтеніями между любителями литературы, когда въ кругу найдется хорошій чтецъ, умѣющій тонко передавать эту, своего рода литературную музыку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ, эта пьеса была представлена въ лучшемъ петербургскомъ кругу съ образцовымъ искусствомъ, которому, конечно, кромѣ тонкаго критическаго пониманія пьесы, много помогалъ ансамбль въ тонѣ, манерахъ, и особенно умѣньѣ отлично читать.

Исполняли ее въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ съ полнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ мы сохранили впечатлѣнія о той игрѣ: Щепкина (Фамусова), Мочалова (Чацкаго), Ленскаго (Молчалина), Орлова (Скалозуба), Сабурова (Репетилова).

Конечно, этому успѣху много содѣйствовало поражавшее тогда новизною и смѣлостью открытое нападеніе со сцены на многое, что еще не успѣло отойти, до чего боялись дотрогиваться даже въ печати. Потомъ Щепкинъ, Орловъ, Сабуровъ выражали типично еще живыя подобія запоздавшихъ Фамусовыхъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ Молчалиныхъ, или притаившихся въ партерѣ за спину сосѣда Загорѣцкихъ.

Все это, безспорно, придавало огромный интересъ пьесѣ, но и помимо этого, помимо даже высокихъ талантовъ этихъ артистовъ и истекавшей оттуда типичности исполненія каждымъ изъ нихъ своей роли, въ ихъ игрѣ, какъ въ отличномъ

хорѣ пѣвцовъ, поражалъ необыкновенный ансамбль всего персонала лицъ, до малѣйшихъ ролей, а главное, они тонко понимали и превосходно читали эти необыкновенные стихи, именно съ тѣмъ „толкомъ, чувствомъ и разстановкой", какая для нихъ необходима. Мочаловъ, Щепкинъ! Послѣдняго, конечно, знаетъ и теперь почти весь партеръ и помнитъ, какъ онъ, уже и въ старости, читалъ свои роли на сценахъ и въ салонахъ!

Постановка была тоже образцовая—и должна была бы и теперь, и всегда превосходить тщательностью постановку всякаго балета, потому что комедіи этой вѣкъ не сойти со сцены, даже и тогда, когда сойдутъ позднѣйшія образцовыя пьесы.

Каждая изъ ролей, даже второстепенныхъ въ ней, сыгранная тонко и добросовѣстно, будетъ служить артисту дипломомъ на обширное амплуа.

Къ сожалѣнію, давно уже исполненіе пьесы на сценѣ далеко не соотвѣтствуетъ ея высокимъ достоинствамъ, особенно не блеститъ оно—ни гармоничностью въ игрѣ, ни тщательностью въ постановкѣ, хотя отдѣльно, въ игрѣ нѣкоторыхъ артистовъ, есть счастливые намеки или обѣщанія на возможность болѣе тонкаго и тщательнаго исполненія. Но общее впечатлѣніе таково, что зритель, вмѣстѣ съ немногимъ хорошимъ, выноситъ изъ театра свой „милліонъ терзаній".

Въ постановкѣ нельзя не замѣчать небрежности и скудости, которыя какъ будто предупреждаютъ зрителя, что будутъ играть слабо и небрежно, слѣдовательно не стоитъ и хлопотать о свѣжести и вѣрности аксессуаровъ. Напримѣръ, освѣщеніе на балѣ такъ слабо, что едва различаешь лица и костюмы, толпа гостей такъ жидка, что Загорѣцкому, вмѣсто того, чтобъ „пропасть", по тексту комедіи, т.-е. укрыться куда-нибудь въ толпу, отъ брани Хлесто-

вой, приходится бѣжать черезъ всю пустую залу, изъ угловъ которой, какъ будто изъ любопытства, выглядываютъ какія-то два-три лица. Вообще все смотритъ какъ-то тускло, несвѣжо, безцвѣтно.

Въ игрѣ, вмѣсто ансамбля, господствуетъ разладица, точно въ хорѣ, не успѣвшемъ спѣться. Въ новой пьесѣ и можно бы было предположить эту причину, но нельзя же допустить, чтобы эта комедія была для кого-нибудь нова въ труппѣ.

Половина пьесы проходитъ неслышно. Вырвутся два-три стиха явственно, другіе два произносятся актеромъ какъ будто только для себя — въ сторону отъ зрителя. Дѣйствующія лица хотятъ играть Грибоѣдовскіе стихи, какъ текстъ водевиля. Въ мимикѣ у нѣкоторыхъ много лишней суеты, этой мнимой, фальшивой игры. Даже и тѣ, кому приходится сказать два-три слова, сопровождаютъ ихъ, или усиленными, ненужными на нихъ ударѳніями, или лишними жестами, не то такъ какой-то игрой въ походкѣ, чтобы дать замѣтить о себѣ на сценѣ, хотя эти два-три слова, сказанныя умно, съ тактомъ, были бы замѣчены гораздо больше, нежели всѣ тѣлесныя упражненія.

Иные изъ артистовъ какъ будто забываютъ, что дѣйствіе происходитъ въ большомъ московскомъ домѣ. Напримѣръ. Молчалинъ, хотя и бѣдный маленькій чиновникъ, но онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ, принятъ въ первыхъ домахъ, играетъ съ знатными старухами въ карты, слѣдовательно не лишенъ въ манерахъ и тонѣ извѣстныхъ приличій. Онъ „вкрадчивъ, тихъ“, говорится о немъ въ пьесѣ. Это домашній котъ, мягкій, ласковый, который бродитъ вездѣ по дому, и если блудитъ, то втихомолку и прилично. У него не можетъ быть такихъ дикихъ ухватокъ, даже когда онъ бросается къ Лизѣ, оставшись съ ней наединѣ, какіе усвоилъ ему актеръ, играющій его роль.

Большинство артистовъ не можетъ также похвастаться исполненіемъ того важнаго условія, о которомъ сказано выше, именно вѣрнымъ, художественнымъ чтеніемъ. Давно жалуются, что будто бы съ русской сцены все болѣе и болѣе удаляется это капитальное условіе. Ужели, вмѣстѣ съ декламаціей старой школы, изгнано и вообще умѣнье читать, произносить художественную рѣчь, какъ будто это умѣнье стало лишнее или не нужно? Слышатся даже частыя жалобы на нѣкоторыхъ корифеевъ драмы и комедіи, что они не даютъ себѣ труда учить ролей!

Что же затѣмъ осталось дѣлать артистамъ? Что они разумѣютъ подъ исполненіемъ ролей? Гриммировку? Мимику?

Съ которыхъ же поръ явилось это небреженіе къ искусству? Мы помнимъ и петербургскую, и московскую сцены въ блестящемъ періодѣ ихъ дѣятельности, начиная со Щепкина, Каратыгиныхъ, до Самойлова, Садовскаго. Здѣсь держатся еще немногіе ветераны старой петербургской сцены, и между ними имена Самойлова, Каратыгина напоминаютъ золотое время, когда на сценѣ являлись Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ — и тотъ же Грибоѣдовъ, котораго мы приводимъ теперь, и все это давалось вмѣстѣ съ роемъ разныхъ водевилей, передѣлокъ съ французскаго и т. п. Но ни эти передѣлки, ни водевили, не мѣшали отличному исполненію ни „Гамлета“, ни „Лира“, ни „Скупого“.

Въ отвѣтъ на это слышишь съ одной стороны, что будто вкусъ публики испортился (какой публики?), обратился къ фарсу, и что послѣдствіемъ этого была и есть отвычка артистовъ отъ серьезной сцены и серьезныхъ, художественныхъ ролей; а съ другой, что и самыя условія искусства измѣнились: отъ историческаго рода, отъ трагедіи, высокой комедіи — общество ушло, какъ изъ-подъ тяжелой тучи, и обратилось къ буржуазной, такъ называемой драмѣ и комедіи, наконецъ къ жанру.

Разборъ этой „порчи вкуса" или видоизмѣненія старыхъ условій искусства въ новыя, отвлекъ бы насъ отъ „Горя отъ ума" и, пожалуй, привелъ бы къ какому-нибудь другому, болѣе безвыходному горю. Лучше примемъ второе возраженіе (о первомъ не стоитъ говорить, такъ какъ оно говоритъ само за себя) за совершившійся фактъ и допустимъ эти видоизмѣненія, хотя замѣтимъ мимоходомъ, что на сценѣ появляются еще Шекспиръ и новыя историческія драмы, какъ „Смерть Іоанна Грознаго", „Василиса Мелентьева", „Шуйскій" и др., требующія того самаго умѣнья читать, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь кромѣ этихъ драмъ, есть на сценѣ другія произведенія новаго времени, писанныя прозой, и проза эта почти такъ же, какъ Пушкинскіе и Грибоѣдовскіе стихи, имѣетъ свое типичное достоинство и требуетъ такого же яснаго и отчетливаго исполненія, какъ и чтеніе стиховъ. Каждая фраза Гоголя такъ же типична и такъ же заключаетъ въ себѣ свою особую комедію, независимо отъ общей фабулы, какъ и каждый Грибоѣдовскій стихъ. И только глубоко-вѣрное, во всей залѣ слышимое, отчетливое исполненіе, т.-е. сценическое произношеніе этихъ фразъ и можетъ выразить то значеніе, какое далъ имъ авторъ. Многія пьесы Островскаго тоже въ значительной степени имѣютъ эту типичную сторону языка и часто фразы изъ его комедій слышатся въ разговорной рѣчи, въ разныхъ примѣненіяхъ къ жизни.

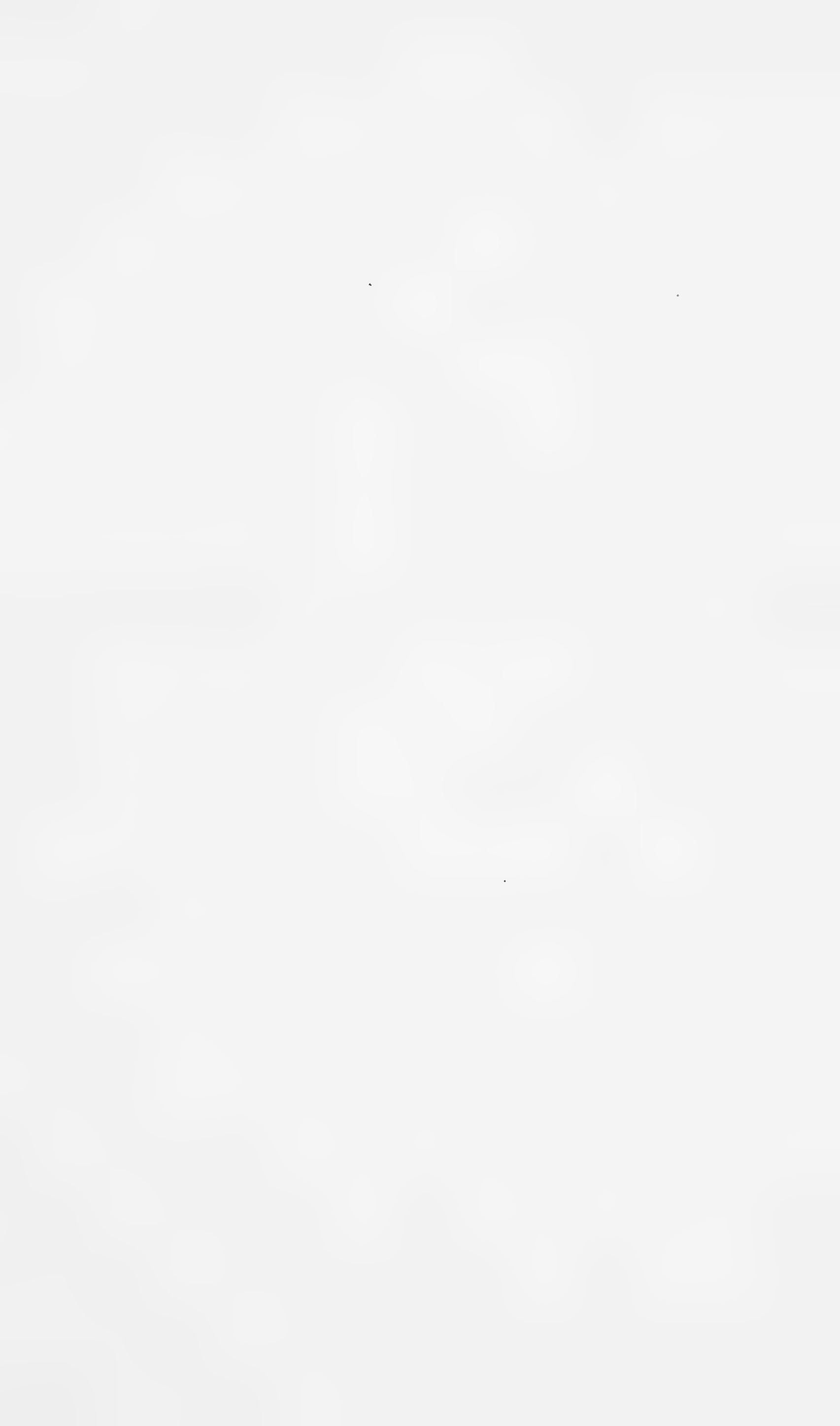
Публика помнитъ, что Сосницкій, Щепкинъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, въ роляхъ этихъ авторовъ, не только создавали типы на сценѣ, — что конечно зависитъ отъ степени таланта,—но и умнымъ и рельефнымъ произношеніемъ сохраняли всю силу и образцоваго языка, давая вѣсъ каждой фразѣ, каждому слову. Откуда же, какъ не со сцены, можно желать слышать и образцовое чтеніе образцовыхъ произведеній?

Вотъ на утрату этого литературнаго, такъ сказать, исполненія художественныхъ произведеній, кажется, справедливо жалуются въ послѣднее время въ публикѣ.

Кромѣ слабости исполненія въ общемъ ходѣ, относительно вѣрности пониманія пьесы, недостатка въ искусствѣ чтенія и т. д., можно бы остановиться еще надъ нѣкоторыми невѣрностями въ деталяхъ—но мы не хотимъ показаться придирчивыми—тѣмъ болѣе, что мелкія или частныя невѣрности, происходящія отъ небрежности, исчезнутъ, если артисты отнесутся съ болѣе тщательнымъ критическимъ анализомъ къ пьесѣ.

Пожелаемъ же, чтобы артисты наши, изъ всей массы пьесъ, которыми они завалены по своимъ обязанностямъ—съ любовью къ искусству выдѣлили художественныя произведенія, а ихъ такъ немного у насъ—и между прочимъ особенно „Горе отъ ума"—и составивъ изъ нихъ сами для себя избранный репертуаръ — исполняли бы ихъ иначе, нежели какъ исполняется ими все прочее, что имъ приходится играть ежедневно,—и они непремѣнно будутъ исполнять какъ слѣдуетъ.

ЗАМѢТКИ О ЛИЧНОСТИ БѢЛИНСКАГО.



ЗАМѢТКИ О ЛИЧНОСТИ БѢЛИНСКАГО *).

На мой взглядъ это была одна изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ.

Такія натуры встрѣчаются нерѣдко—я ихъ наблюдалъ вездѣ, гдѣ онѣ попадались: и въ своихъ товарищахъ по перу, и гораздо раньше, начиная со школы, наблюдалъ и въ самомъ себѣ—и во множествѣ экземпляровъ—и во всѣхъ находилъ неизбѣжныя родовыя сходственныя черты, часто рядомъ съ поразительными несходствами, составлявшими особенности видовъ или индивидуумовъ. Всѣ эти наблюденія привели меня къ фигурѣ Райскаго въ романѣ „Обрывъ", этой жертвѣ своего темперамента и богатой, но не направленной ни на какую цѣль фантазіи. Послѣдняя была въ немъ праздною, безполезною силой, и, безъ строгой его подготовки къ какому бы то ни было дѣлу, разрѣшалась у него только въ безплодныхъ порывахъ къ дѣятельности и уродовала самую его жизнь.

Но другія, богато одаренныя натуры, ставъ твердой ногой на почвѣ своего призванія, подчиняютъ фантазію сознательной силѣ ума и создаютъ цѣлую сферу производительной дѣятельности. Такъ было и съ Бѣлинскимъ.

*) Эти замѣтки извлечены изъ письма, писаннаго въ 1874 году, къ А. Н. Пыпину, по случаю собиранія имъ свѣдѣній отъ знавшихъ лично Бѣлинскаго, для біографіи послѣдняго.

Но напрасно приписывать избытокъ фантазіи и воспріимчивости только художническимъ натурамъ. Не однимъ художникамъ нужно творчество: это я говорю вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, или по крайней мѣрѣ вопреки его словамъ, не разъ слышаннымъ мною отъ него, что „Богъ далъ человѣку быть творцомъ только въ искусствѣ".

Тутъ есть нѣчто недосказанное. Совершенно справедливо, что въ искусствѣ художникъ создаетъ или изобрѣтаетъ сходства и подобія, т.-е. образы существующаго или возможнаго въ природѣ, а въ сферѣ знанія ученый только угадываетъ или открываетъ скрытые законы или готовыя истины. Но, сколько мнѣ кажется, въ процессахъ самаго этого угадыванія или этихъ открытій дѣйствуютъ также изобрѣтательные или творческія силы и пріемы. Не одинъ Ньютонъ наблюдалъ падающія съ дерева яблоки и не одинъ фультонъ видѣлъ, какъ привскакиваетъ крышка на чайникѣ отъ пара—однако не угадывали же другіе законовъ тяготѣнія или парового движенія.—слѣдовательно и тотъ и другой были какъ бы творцы этихъ законовъ.

Такимъ образомъ нервозность, т.-е. тонкіе и чуткіе нервы, а вслѣдствіе этого впечатлительность и помощь фантазіи присущи, какъ необходимый элементъ, всякой работѣ, требующей инициативы мысли и изобрѣтательной производительности, не говоря уже о наукѣ, искусствѣ, но даже въ ремеслахъ, чему мы видимъ не мало примѣровъ. Талантливый ремесленникъ, съ помощью этой же фантазіи, дѣлаетъ новые, смѣлые шаги въ ремеслѣ, и иногда возводитъ его на степень искусства.

Чуткость нервъ и фантазія въ художникахъ (живописцахъ, поэтахъ, актерахъ) только разнообразнѣе и капризнѣе проявляется, по самому свойству и натурѣ ихъ дѣла, по образу жизни и прочимъ условіямъ.

И Бѣлинскій въ сферѣ своей дѣятельности также тво-

рилъ по-своему, т.-е. угадывалъ смыслъ явленія, чуялъ въ немъ правду, или ложь, опредѣлялъ характеръ его, и если явленіе представляло пищу увлеченію, онъ довѣрчиво увлекался самъ и увлекалъ другихъ. Переживъ впечатлѣніе въ самомъ себѣ, истративъ на него потоки, болѣе или менѣе горячихъ печатныхъ или изустныхъ, импровизацій, онъ потомъ оставался ему вѣренъ уже въ той долѣ правды, не какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ—и относился къ нему умѣреннѣе.

Наконецъ у него были постоянныя увлеченія или влеченія, плоды не одной только фантазіи, или напряженной работы непрерывнаго умственнаго развитія: они составляли основу его честной и прямой натуры. Это влеченія къ идеаламъ свободы, правды, добра, человѣчности, при чемъ онъ нерѣдко ссылался на евангеліе—и не помню гдѣ,—даже печатно. Этимъ идеаламъ онъ не измѣнялъ конечно никогда и на всякаго, сколько-нибудь близкаго ему человѣка, смотрѣлъ не иначе, какъ на своего единомышленника, иногда не давая себѣ труда всмотрѣться, дѣйствительно ли это было такъ. Никакихъ уклоненій отъ этихъ путеводныхъ своихъ началъ онъ ни въ комъ не допускалъ и не простилъ бы никому иного исповѣданія въ нравственныхъ, политическихъ или соціальныхъ взглядахъ, кромѣ тѣхъ, какія принималъ и проповѣдывалъ самъ, разумѣется въ теоріи, ибо на практикѣ это было неприемлемо въ то время нигдѣ, кромѣ робкаго проговариванья или намековъ въ статьяхъ, да толковъ въ тѣсномъ кругу друзей.

Въ стремленіи или въ порывахъ, повторяю безплодныхъ, тогда казавшихся даже безнадежными, къ этимъ послѣднимъ идеаламъ особенно высказывалось его горячее переживаніе, иногда до ребячества. Въ туманѣ новой какой-нибудь идеи, даже въ родѣ идей Фурьи, напримѣръ (о чемъ могутъ больше меня сказать знавшіе его смолоду), если

въ ней только искрился намекъ на истину, на прогрессъ, на что-нибудь что̀ казалось ему разумнымъ или честнымъ, передъ нимъ возникалъ уже опредѣленный образъ ея; нарождавшаяся гипотеза становилась его религіей;—онъ вѣровалъ въ идеалъ въ неленкахъ, не думая подозрѣвать тутъ какого-нибудь обольщенія, заблужденія или замаскированной лжи. Онъ видѣлъ только одну свѣтлую сторону. Такъ, всматриваясь и вслушиваясь въ неясный еще тогда и новый у насъ слухъ и говоръ о коммунизмѣ, онъ наивно, искренно, почти про себя, мечтательно произнесъ однажды: „Конечно, будь у меня тысячъ сто, ихъ не стоило бы жертвовать,—но будь у меня милліоны, я отдалъ бы ихъ!"— Кому, куда отдалъ бы? Въ коммуну, для коммуны, на коммуну? Любопытно было бы спросить, въ какую кружку положилъ бы онъ эти милліоны, когда одно какое-то смутное понятіе носилось въ воздухѣ, кое-какъ перескочившее къ намъ черезъ границу, и когда самое названіе „коммуны" было еще для многихъ ново. А онъ готовъ былъ класть въ кружку милліоны—и положилъ бы, если бъ они были у него и если бъ была кружка! Онъ только слышалъ о коммунизмѣ: книгъ негдѣ было взять—но конечно онъ скорѣе другихъ почерпнулъ изъ разсказовъ одну мечту, манившую къ соблазнительнымъ благамъ.

Онъ мчался впередъ и никогда не оглядывался. Прошлое для него отжило почти безъ слѣда, лишь только оно кончалось. По свойственному его натурѣ чувству справедливости, онъ конечно сумѣлъ бы найти и полюбить, напримѣръ, въ славянофильствѣ, что̀ было въ немъ искренняго и правдиваго, но довольно того, что славянофилы хотѣли создавать новый строй русской жизни на старомъ, хотя и хорошемъ фундаментѣ, чтобы ужъ безусловно разойтись съ ними, смотрѣть на нихъ, если не враждебно, то недовѣрчиво. Онъ иногда не только теряѣлъ около себя

людей довольно ограниченныхъ, но любилъ съ ними бесѣдовать, когда между ними ничего не было общаго, кромѣ вѣры въ одну какую-нибудь идею, иногда совершенно абстрактную, но манившую въ даль, къ отдаленному, часто недостижимому идеалу.

О чемъ они могли говорить съ Бѣлинскимъ подолгу— понять было трудно. Это объяснялось между прочимъ трогательною, почти дѣтскою снисходительностью Бѣлинскаго къ своимъ пріятелямъ и ко всему что̀ ихъ составляло, что̀ имъ принадлежало. Возбудить его противъ себя можно было только какою-нибудь моральною гадостью, или нужно было расходиться съ нимъ, какъ сказано выше, въ коренныхъ убѣжденіяхъ, и то, если бъ это обнаружилось какъ-нибудь на практикѣ, въ жизни — а затѣмъ, будь пріятель его чѣмъ хочешь, онъ не терялъ права на его дружелюбіе, однажды пріобрѣтенное, особенно, если еще это выкупалось чѣмъ-нибудь, напримѣръ, талантомъ, или просто даже безмолвнымъ сочувствіемъ его идеямъ и идеаламъ.

Ни въ комъ никогда не замѣчалъ я, чтобы самолюбіе проявлялось такъ тонко, скромно и умно, какъ въ Бѣлинскомъ. Онъ не могъ не замѣчать дѣйствія своей силы въ обществѣ—и конечно дорожилъ этимъ: но надо было пристально вглядываться въ него, чтобы ловить и угадывать въ немъ слабые признаки сознанія своей силы: такъ онъ чуждъ былъ всякаго внѣшняго проявленія этого сознанія. Самъ онъ никогда не упоминалъ о своемъ значеніи.

Когда я узналъ Бѣлинскаго въ 1846 г., здоровье его было подорвано, хотя болѣзнь еще не развилась до той степени, какъ въ послѣдній годъ его жизни. Онъ былъ еще довольно бодръ, посѣщалъ однако немногихъ и его посѣщали тоже немногіе и не часто. Онъ началъ, повидимому, утомляться и своею любимою дѣятельностью, мечталъ иногда, вслухъ, впрочемъ рѣдко, о независимомъ положеніи отъ

подневольнаго срочнаго труда. Но этой мечтѣ сбыться было не суждено. Онъ, съ кружкомъ бывшихъ пріятелей, перешелъ отъ одного журнала къ другому, но это не принесло ему отдыха. Напротивъ, надо было употребить всѣ силы, чтобы воскресить изъ праха этотъ умершій журналъ и вдохнуть въ него новую жизнь. Онъ, такъ сказать, умирая, дописывалъ послѣднія свои статьи. Поѣздка на лѣто въ Крымъ съ Щепкинымъ не помогла ему и онъ вернулся въ Петербургъ, едва ли не слабѣе, чѣмъ былъ до этого.

Извѣстно, какъ произошли всѣ эти перемѣны: основаніе Современника, переходъ всего кружка изъ Отечественныхъ Записокъ въ новый журналъ. Затѣмъ, вскорѣ развилась быстро болѣзнь — и Бѣлинскаго не стало.

Къ вышесказанному о способности его увлекаться прибавлю, что та же сила фантазіи, которая помогла Бѣлинскому чутко проникать въ истинный смыслъ явленій, нерѣдко вводила его и въ горькія заблужденія—отрезвленіе отъ которыхъ обходилось ему дорого, на счетъ здоровья. Онъ точно горѣлъ въ постоянномъ раздраженіи нервъ: всякіе пустяки, мелочь, все это съ одинаковою силой, наравнѣ съ крупными явленіями, отражалось у него на печени, на легкихъ. Часто, въ спорахъ, отъ пустого противорѣчія, отъ вздорнаго фельетона Булгарина, или его сотрудниковъ, у него раздражалась вся нервная система, такъ что иногда жалко, а иногда и страшно было смотрѣть на него, какъ онъ разрѣшался грозой, злостью, въ какой-нибудь всегда блестящей, но много стоившей ему импровизаціи. И это за то, напримѣръ, если кто-нибудь отзовется сухо, съ пренебреженіемъ, о тѣхъ или другихъ сочувственныхъ ему авторитетахъ въ сферѣ мысли, науки или искусства, не говоря уже о болѣе серьезныхъ поводахъ. Онъ загорался какъ-то вдругъ (особенно, если былъ подходящій слушатель—а не изъ близкихъ, съ которыми все переговорилось и нечего

было ни давать, ни самому взять) — и въ теченіе часа, двухъ, являлась импровизація, въ родѣ тѣхъ статей, какія появлялись въ Отечественныхъ Запискахъ.

И вотъ эта нервозная, впечатлительная и раздражительная натура, при слабости легкихъ, и вообще хрупкости организма, —убила, сожгла этого человѣка. Я засталъ его, когда онъ очевидно догоралъ въ борьбѣ, со всѣмъ враждебнымъ, чѣмъ обставлена была его жизнь, какъ и жизнь почти всѣхъ болѣе или менѣе въ то время, и въ томъ кругу. Но онъ не совладѣлъ съ хаотическимъ состояніемъ собственныхъ силъ, въ которыхъ никогда не было равновѣсія, не только на какой-нибудь болѣе или менѣе продолжительный періодъ, на годъ, на полгода, напримѣръ, чтобы успокоиться и отдохнуть: но выдалась ли и такая недѣля когда-нибудь, чтобъ онъ не истерзался чѣмъ-нибудь до истощенія и упадка силъ!

Если ничего не приходило извнѣ, онъ хватался за свои постоянные и любимые, большею частью недосягаемые идеалы, общіе и вѣчные вопросы о той или другой свободѣ, о низверженіи тѣхъ или другихъ старыхъ кумировъ, и никогда ни отъ чего не отдыхалъ, потому что покой вообще не свойственъ натурамъ нервнымъ, даже и не въ его роли и не при его значеніи. Надо еще удивляться, какъ, при этой непрерывной напряженной работѣ умственныхъ и душевныхъ силъ въ такомъ скудельномъ сосудѣ, жизнь могла прогорѣть почти до сорока лѣтъ!

Поэтому сваливать преждевременный конецъ его на что-нибудь другое, кромѣ этихъ разрушительныхъ и жгучихъ свойствъ его натуры, непрестаннаго броженія и горѣнія которыхъ не выдержалъ бы и другой, не такой хрупкій сосудъ —и несправедливо, и невѣрно! Какъ тогда старались, такъ и теперь все еще стараются сваливать вину то на одного, то на другого изъ журналистовъ, обременявшихъ

непосильною работой Бѣлинскаго. И самъ онъ, хотя жаловался иногда на утомленіе и мечталъ, какъ я сказалъ выше, о независимомъ положеніи, о покоѣ, но эти рѣдкія мечты были, такъ сказать, общими мѣстами жалобъ, какія приходятъ на умъ и на языкъ каждому изъ насъ среди сиѣшныхъ или утомительныхъ занятій.

Да и возможенъ ли отдыхающій Бѣлинскій? Безъ непрерывной работы, безъ этого кипѣнія и броженія вопросовъ и мнѣній внѣ литературной лихорадки,—я не умѣю представить себѣ его. Когда его повезли за границу—онъ былъ самъ не свой.—„Хорошо ли вамъ было тамъ?“—спросилъ я его по возвращеніи. — „Плѣненіе вавилонское!“ Вотъ какъ выразился онъ про свое леченіе и отдыхъ.

Нѣтъ, ему необходима была его сиѣшная, лихорадочная работа,—нуженъ и дорогъ былъ и свой маленькій кружокъ, въ своей семьѣ, у очага, среди пяти-шести близкихъ лицъ, гдѣ онъ бился и трепеталъ природною своей жизнью, изливалъ потоки силы, служа своему призванію — и этимъ удовлетворялъ себя, и самъ чувствовалъ эту свою силу и давалъ чувствовать ее другимъ — этимъ наслаждался, этимъ только и жилъ, т.-е. горячимъ лихорадочнымъ писаніемъ статей и еще болѣе горячими, лихорадочными, иногда почти горячечными импровизаціями въ кругу близкихъ лицъ.

Это былъ не критикъ, не публицистъ, не литераторъ только—а трибунъ. Публичная его трибуна—въ журналѣ: другая, необходимая ему, дополнявшая первую, совершенно свободная, гдѣ онъ былъ нараспашку, это домашняя трибуна, гдѣ онъ не только зналъ, но, такъ сказать, видѣлъ свою силу, повѣрялъ, измѣрялъ ее, любовался ею самъ, глядя, какъ наслаждаются ею другіе. Отъ этого и были къ нему ближе всѣхъ тѣ, кто любилъ въ немъ больше всего его таланть, даже больше нежели его самого! Не допускать

этого, значитъ не понимать хорошо натуръ этого рода. Самолюбіе иногда грубый, иногда сдержанный, но всегда главный, а у многихъ и единственный двигатель дѣятельности, а часто и всей жизни. Я сказалъ уже выше, какъ умно и тонко высказывалось оно у Бѣлинскаго—именно въ благодарной симпатіи къ почитателямъ его силы.

Многолюдства, новыхъ людей онъ не любилъ и избѣгалъ. Богатая натура его и чуткая впечатлительность не нуждались въ количествѣ лицъ и впечатлѣній. Свой внутренній міръ и западающія туда рѣдкія явленія давали громадную пищу его неумолкающему и безпощадному анализу, и онъ едва справлялся съ тѣмъ матеріаломъ, который попадался ему такъ сказать—на лету, случайно, или на который наводили его занятія по журналу. Онъ мало даже читалъ газеты, какъ-то однимъ ухомъ слушалъ внѣшнія извѣстія, которыя занесетъ, бывало, то тотъ, то другой пріятель, но во всемъ находилось всегда довольно матеріала на промежуточный какой-нибудь день или вечеръ между написаніемъ статей. Все почти служило ему темой для болѣе или менѣе тонкаго, иногда бурнаго, или злого, или наоборотъ восторженнаго слововзліянія. Онъ маялся и скучалъ, ходя изъ угла въ уголъ, когда не было подходящаго собесѣдника: ему приводили новое лицо, т.-е. недавняго, еще непривыкшаго къ нему знакомаго, и когда наконецъ никого не было, кромѣ своихъ, устроивали партію въ преферансъ.

Если не было очереднаго, насущнаго матеріала, онъ изъ себя добудетъ пищу. Придешь, бывало, а онъ вдругъ заговоритъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего, (а конечно вслѣдствіе кипѣвшей въ немъ внутренней работы) о какомъ-нибудь, какъ помню однажды, напримѣръ, „Прометеѣ" Гёте: и въ эту минуту ужъ ничего выше этого Прометея не было! Или вдругъ нападетъ на какой-нибудь авторитетъ, которому всѣ привыкли слѣпо поклоняться,—и низвергнетъ

его. Не то такъ возьметъ текущую новость, крутую административную мѣру,—и польются потоки рѣчей, полные тонкаго анализа, мелкихъ опредѣленій, горячихъ осужденій. Особенно цензура подавала пищу его словесной критикѣ. Чего тутъ не было! И въ то же время онъ боялся шпіоновъ, и сколько былъ довѣрчивъ къ пріятелямъ, даже ко всѣмъ вхожимъ къ нему лицамъ, къ которымъ привыкъ, столько же боялся новыхъ людей, косился на нихъ, подозрѣвая предательство. Между тѣмъ не могло быть лучшаго доказчика на него, какъ онъ самъ. Онъ на ухо каждому пріятелю довѣрялъ все, что̀ было у него на душѣ, и ребячески думалъ, что это тутъ и умретъ. Ему даже въ голову не приходило, что тѣ въ свою очередь передавали это, также на ухо, своимъ друзьямъ, и что сказанное имъ, почти всегда вѣское и цѣнное, непремѣнно дойдетъ и до другихъ, уже не дружескихъ ушей.

Что же бы дѣлалъ такой человѣкъ въ покоѣ, т.-е. въ праздности, безъ своей трибуны въ журналѣ и безъ этой маленькой аудиторіи около себя изъ десятка лицъ, замѣнявшихъ ему весь міръ, признававшихъ его и любившихъ, какъ человѣка и какъ силу? Все равно, гдѣ бы ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, — онъ всегда горѣлъ и сгорѣлъ бы: прежде всего въ борьбѣ съ ложью и грубостью около, вблизи, и потомъ въ погонѣ за далекими, уходящими изъ всякаго реальнаго достиженія идеалами. Вотъ его натура—вся!

Я не говорю, чтобы непріятности, потомъ нужды, тѣснота жизни, наконецъ страхъ, подъ которымъ жили и ходили всѣ тогда, не имѣли своей доли разрушительнаго вліянія на здоровье и жизнь его: но я положительно убѣжденъ, что, безъ нравственной, вулканической внутренней работы, которая рвала и жгла его организмъ, онъ перенесъ бы все остальное, внѣшнее. Онъ былъ обычной жер-

твой въ борьбѣ крайняго своего развитія съ цѣлымъ океаномъ всякой сплошной, господствовавшей неразвитости.

Способность его увлекаться, несмотря на его умъ, многіе опыты, лѣта, и особенно безпощадно вѣрный анализъ, была изумительна и доказывала, до какой степени сильно онъ былъ одаренъ фантазіей. Я не говорю уже о томъ, какъ юношески восторженно упивался онъ красотами извѣстныхъ капитальныхъ, любимыхъ имъ, произведеній, но онъ съ любовью анализировалъ каждую мелочь въ нихъ, иногда впадая въ ребячество до комизма! Стоитъ развернуть нѣкоторыя статьи о Гоголѣ, гдѣ онъ говоритъ, или, лучше сказать, трепещетъ подъ его живымъ вліяніемъ. Напримѣръ, въ статьѣ о „Горе отъ ума", посвященной больше всего Гоголю, а не Грибоѣдову, что онъ говоритъ о гусакѣ Ивана Никифоровича: безъ смѣха нельзя читать! „Великая, безконечно великая черта художническаго генія этотъ гусакъ!"—восклицаетъ онъ съ пафосомъ и пишетъ цѣлую страницу о гусакѣ *).

Бѣлинскому нерѣдко приходилось стыдиться своихъ увлеченій и краснѣть за прежнихъ идоловъ. Тогда онъ отъ хвалебныхъ гимновъ переходилъ въ другой, противоположный тонъ—и не скупился на сарказмы, забывъ прежнюю нѣжность къ своимъ любимцамъ. Когда онъ въ первыя мои свиданія съ нимъ, осыпалъ меня добрыми, ласковыми словами, „рисуя" свой критическій взглядъ на меня мнѣ самому и заглядывая въ мое будущее, я остановилъ его однажды.—„Я былъ бы очень радъ,—сказалъ я,—если бъ вы лѣтъ черезъ пять повторили хоть десятую часть того, что говорите о моей книгѣ („Обыкновенная Исторія"), теперь".—„Отчего?"—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

---

*) Томъ III, стр. 376 (изд. 1862).

„А оттого, — продолжалъ я, — что я помню, что вы прежде писали о С., какъ лестно отзывались о его талантѣ,—а какъ вы теперь цѣните его!“ —(А онъ тогда уже развѣнчалъ его, и сравнивая со всѣмъ, что появилось въ литературѣ послѣ. лишилъ его совсѣмъ прошлой, впрочемъ неоспоримой заслуги, какъ будто его и не было вовсе въ литературѣ).

Мое справедливое замѣчаніе, сдѣланное мною, впрочемъ, вскользь, шутливымъ, пріятельскимъ тономъ, неожиданно тронуло и задѣло его за живое. Онъ задумчиво сталъ ходить по комнатѣ. Потомъ прошло съ полчаса. Я уже забылъ и говорилъ съ кѣмъ-то другимъ, а онъ подошелъ ко мнѣ и посмотрѣлъ на меня съ унылымъ упрекомъ.—„Каково же?—сказалъ онъ наконецъ, указывая кому-то на меня: — „онъ считаетъ меня флюгеромъ! Я мѣняю убѣжденія, это правда, но мѣняю ихъ, какъ мѣняютъ конѣйку на рубль!“—И потомъ опять сталъ ходить задумчиво.

Онъ конечно, вѣрилъ въ то, что говорилъ, потому что онъ никогда не лгалъ,—но это его объясненіе было невѣрно. Онъ мѣнялъ не убѣжденіе, а у него мѣнялись впечатлѣнія, и пока впечатлѣніе переживало въ немъ свой срокъ, оно поглощало его всего, онъ дѣтски отдавался ему, употребляя на выраженіе его неромъ или словами всю свою силу, безъ пощады, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ въ духѣ его реакція, работа анализа. и не охладитъ впечатлѣнія, или пока—какъ я выше сказалъ—само впечатлѣніе, своею ложью или грубостью, внезапно не отрезвитъ его. Онъ спѣшилъ высказывать процессъ дѣйствія самаго впечатлѣнія въ немъ, не ожидая конца,—и отъ этого впадалъ въ ошибки, разочарованія и неизбѣжныя противорѣчія. Собственно критическій, болѣе или менѣе стройный и провѣренный взглядъ являлся у него гораздо позже.

Онъ какъ Донъ-Жуанъ къ своимъ красавицамъ—отно-

сился къ своимъ идоламъ: обольщался, хладѣлъ, потомъ стыдился многихъ изъ нихъ и какъ будто мстилъ за прежнее свое поклоненіе. Идолы слѣдовали почти непрестанно одинъ за другимъ. Истощившись весь на Пушкина, Лермонтова, Гоголя (особенно Гоголя, отъ обаянія котораго онъ еще не успѣлъ вполнѣ успокоиться, когда я познакомился съ нимъ), онъ сейчасъ же легко перешелъ къ Достоевскому, потомъ пришелъ я—онъ занялся мною, тутъ же явился Григоровичъ, позже Кольцовъ, наконецъ Дружининъ. Ко мнѣ онъ отнесся сравнительно покойнѣе и трезвѣе, потому что я подвернулся съ своей книгой какъ разъ послѣ одного изъ этихъ разочарованій, въ которомъ онъ покаялся даже гдѣ-то печатно—и сталъ немного осторожнѣе. Но и тутъ, въ первыя недѣли знакомства, послушавши его горячихъ и лестныхъ отзывовъ о себѣ, я испугался, былъ въ недоумѣніи, и не разъ выражалъ свои сомнѣнія и недовѣріе къ нему самому и къ его скоропѣлому суду. На меня онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности. — „Вамъ все равно, попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ, или порядочная, добрая натура, — всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!" И это скажетъ (и не разъ говорилъ) съ какою-то добрую злостью, а однажды положилъ ласково послѣ этого мнѣ руки на плечи и прибавилъ почти шопотомъ: — „а это хорошо, это и нужно, это признакъ художника!"—какъ будто боялся, что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю. Онъ, конечно, отдался бы современному реальному и утилитарному направленію, но отнюдь не весь и не во всемъ. Искусство, во всей его широтѣ и силѣ, не потерялъ бы своей власти надъ нимъ,—и онъ отстоялъ бы его отъ тѣхъ, черезчуръ утилитарныхъ условій, въ которыя такъ тѣсно и узко хотятъ вогнать его нѣкоторые слишкомъ исключительные ревнители утилитаризма.

Про Кольцова я самъ не слыхалъ ничего отъ Бѣлинскаго, но это было не нужно, благодаря словоохотливости Панаева, который слышалъ отзывы Бѣлинскаго и по нѣсколько дней разносилъ ихъ съ стенографическою вѣрностью по домамъ, пока, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, опять не увлекался чѣмъ-нибудь другимъ. Но Боже мой! что это были за отзывы! Кромѣ Кольцова и внѣ Кольцова уже не было и не бывало въ мірѣ поэтовъ! Этотъ образъ заслонилъ у него на время и Пушкина, и Лермонтова — словомъ, ни о комъ не было и рѣчи больше. Заикнись кто-нибудь, не то, чтобы усомниться, а просто прибѣгнуть, напримѣръ, къ сравненію Кольцова съ кѣмъ-нибудь, или даже къ простому и спокойному опредѣленію рода поэзіи и таланта Кольцова— Бѣлинскій, а вслѣдъ за нимъ и Панаевъ, разгромили бы того въ конецъ! И это на недѣлю, на двѣ, а потомъ анализъ, охлажденіе, осадокъ, а въ осадкѣ—искомая доля правды.

Я не ошибочно сравнилъ эти увлеченія Бѣлинскаго съ Донъ-Жуановскими увлеченіями женщинами: и у Бѣлинскаго, какъ у поклонниковъ женской красоты, всѣ прежніе идолы блѣднѣли передъ послѣднимъ, иногда невзрачнымъ, но имѣющимъ болѣе всего прелести новизны. Истина же оцѣнки высказывалась въ большей или меньшей продолжительности впечатлѣнія,—и если послѣднее переживало послѣдующихъ идоловъ, то значитъ—критика его была непогрѣшима. Но этого иногда приходилось долго ждать.

Къ идоламъ же, обманувшимъ его ожиданія, или которыми онъ увлекался прежде, въ молодости, ошибочно, или больше нежели слѣдовало,—онъ былъ безпощаденъ впослѣдствіи. Кажется онъ восхищался еще въ студенчествѣ Каратыгинымъ, когда тотъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, а Мочаловъ оттуда сюда, и когда происходилъ между обоими артистами сценическій, а по поводу ихъ, въ журналахъ, и литературный турниръ. Образовались

два лагеря. Не знаю хорошенько, но подозрѣваю, что Бѣлинскій въ юношествѣ платилъ, кажется, обоимъ артистамъ болѣе дани удивленія, нежели потомъ они (или собственно Каратыгинъ) въ его глазахъ стоили, когда Бѣлинскій развился и созрѣлъ. О Мочаловѣ онъ и послѣ всегда отзывался сочувственно, цѣнія въ немъ вѣрное и чуткое выраженіе тонкихъ, нѣжныхъ или высокихъ сторонъ Шекспировскихъ и Шиллеровскихъ ролей, особенно Гамлета, къ чему совершенно признавалъ неспособнымъ Каратыгина. Любимцу своему, за нѣкоторыя истинно высокія минуты въ тѣхъ или другихъ роляхъ, онъ прощалъ вялость, монотонность и небрежность исполненія, когда этотъ актеръ былъ не въ ударѣ, а это случалось очень часто. Въ Каратыгинѣ же онъ какъ-то нехотя признавалъ таланть, хотя талантъ былъ большой, и притомъ старательно выработанный трудомъ въ школѣ сценическихъ и литературныхъ условій и преданій. Бѣлинскій говорилъ о немъ, какъ о неуклюжей, ходульной фигурѣ, смѣялся надъ его манерой и грубостью пониманія тонкихъ ролей.

Здѣсь онъ впадалъ въ тотъ недостатокъ, который мѣшалъ ему быть вполнѣ безпристрастнымъ критикомъ. Уравновѣшивать строго и покойно достоинства и недостатки въ талантахъ—было не въ горячей натурѣ Бѣлинскаго.

Между тѣмъ эта же самая горячность, т.-е. способность увлекаться и поставила его во главѣ критики художественныхъ произведеній и создала даже школу этой критики, первымъ удачнымъ послѣдователемъ которой былъ Добролюбовъ и менѣе удачнымъ Аполлонъ Григорьевъ. Ни до Бѣлинскаго, ни послѣ него, не было у нашихъ критиковъ въ такой степени чуткой способности сознавать въ самомъ себѣ впечатлѣнія отъ того или другого произведенія, сближать и сличать его съ впечатлѣніемъ другихъ, обобщать ихъ и на этомъ основывать свой судъ.

Въ этомъ собственно и состоялъ творческій пріемъ его оцѣнки. Ему помогало еще то, чего недоставало другимъ критикамъ: это страстное сочувствіе къ художественнымъ произведеніямъ. Чѣмъ ярче и сильнѣе талантъ, тѣмъ страстнѣе было и впечатлѣніе. Оно будило его нервную систему, затрогивало фантазію и порождало эти горячія критическія изліянія, которыя бросали столько свѣту и огня на все, что производила литература замѣчательнаго. Эта самая страстность увлеченій повергала его, какъ я замѣтилъ, и въ тѣ преувеличенія, натяжки и ошибки, которыя ставились ему, бывало, его противниками въ вину, какъ умыселъ и обманъ. Точно также производило въ немъ нервное раздраженіе и всякое бездарное, антихудожественное явленіе въ литературѣ и вело къ горячимъ словоизліяніямъ въ обратномъ смыслѣ — и все съ тѣмъ же блескомъ, остроуміемъ, но съ безпощадною ироніей.

Въ области критики художественныхъ произведеній, являлось и является не мало болѣе или менѣе замѣчательныхъ умовъ и перьевъ, но очень немногіе изъ нихъ подходятъ къ произведенію по прямому кратчайшему пути, т.-е. отъ непосредственнаго впечатлѣнія произведенія на нихъ самихъ: они обходятъ со стороны, отъ холоднаго умственнаго воззрѣнія пускаются въ критическія дебри и разсуждаютъ тамъ, гдѣ надо прежде чувствовать и огнемъ чувства освѣщать путь уму — къ вѣрному опредѣленію достоинствъ или недостатковъ произведенія.

Но чуткость нервъ, сила фантазіи и впечатлительность, до степени страстности, даются природою,—повидимому, не очень часто. Если сами художники встрѣчаются не на каждомъ шагу, то и критики съ такою сильною впечатлительностью, какъ у Бѣлинскаго, при силѣ его ума и дарованія, встрѣчаются еще рѣже. Можетъ-быть, этимъ можно отчасти объяснить недостатокъ критики въ нашей лите-

ратурѣ, на который нерѣдко раздаются жалобы въ публикѣ.

Недалеко то время, когда наступитъ чередъ самого Бѣлинскаго предстать передъ безпристрастный судъ критики. Этотъ судъ, неподкупленный привязанностью къ его личности живыхъ друзей—современниковъ и его почитателей, настанетъ, когда охладится теперь пока еще горячее о немъ воспоминаніе и преданіе: онъ отдѣлитъ его общественно-литературную дѣятельность отъ всякихъ дружескихъ симпатій, откинетъ всѣ преувеличенія и строго опредѣлитъ и оцѣнитъ истинное его значеніе и заслугу передъ обществомъ.

Даже и теперь еще, люди второго поколѣнія, несвязанные никакими личными отношеніями къ Бѣлинскому, просто по краткости періода, на который отодвинулись отъ него, затруднятся произнесть строгій критическій приговоръ его недостаткамъ.

Эти недостатки были, можетъ-быть, неизбѣжны при той роли, какая выпала ему на долю. Ему, какъ какому-то апостолу отрицанія, пришлось разыграть въ сферѣ критики и публицистики то же самое, что, другими способами и пріемами, разыгралъ въ искусствѣ Гоголь, и что, иначе уже конечно продолжало потомъ и продолжаетъ разыгрываться или доигрываться почти всѣми литературными дѣятелями до сихъ поръ.

На подобную начинательную литературную роль нужна была именно такая горячая натура, какъ его, и такіе способы и пріемы, какіе съ успѣхомъ были употреблены имъ: другіе, болѣе мягкіе, покойные, строго-обдуманные, не дали бы ему сдѣлать и половины того, что сдѣлалъ онъ, образуя тогда собой, вмѣстѣ съ Гоголемъ, почти всю литературу: надо было разработывать едва початую общественную почву.

Снаружи казалось все такъ прибрано, казисто; общество выдѣляло изъ себя замѣчательныхъ, даже блестящихъ единицъ въ разныхъ сферахъ дѣятельности, на вершинахъ его лежалъ очень тонкій слой обще-европейской культуры. Но масса общества покоилась въ дремотѣ, жила рутиной и преданіями и не готовилась еще идти навстрѣчу тѣмъ реформамъ, мысль о которыхъ уже зрѣла въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и приближеніе которыхъ чуяли и предсказывали нѣкоторые умы, въ томъ числѣ и Бѣлинскаго. Онъ сталъ—или талантъ и вся его натура поставили его во главѣ новаго литературнаго движенія. Беллетристы, изображавшіе въ повѣстяхъ и очеркахъ черты крѣпостного права, были, конечно, этимъ своимъ направленіемъ болѣе всего обязаны его горячей—и словесной, и печатной проповѣди.

Понятно, что соединяя въ себѣ роли публициста, эстетическаго критика и трибуна, провозвѣстника новыхъ грядущихъ началъ общественной жизни, онъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ рѣзкости, иногда крайности, въ лихорадку торопливости, увлеченій, разочарованій, раздраженій, эфемерныхъ симпатій, несправедливыхъ антипатій и недомолвокъ—словомъ непрерывной борьбы, безъ оглядки назадъ и безъ остановокъ!

Кто не оправдаетъ его, вспомня, съ какой умственной и нравственной тьмой надо было бороться, въ какомъ застоѣ покоилась масса, передъ которой онъ проповѣдывалъ! Крѣпостное право лежало не на однихъ крестьянахъ—и ему приходилось еще оспаривать право начальниковъ—распоряжаться по своему произволу участью своихъ подчиненныхъ, родителей—считать дѣтей своей вещественной собственностью и т. д.—и тутъ же рядомъ объяснять тонкости и прелесть Пушкинской и Лермонтовской поэзіи. Безъ него, смѣло можно сказать, и Гоголь не былъ бы въ гла-

захъ большинства той колоссальной фигурой, въ какую онъ, освѣщенный критикой Бѣлинскаго, сразу сталъ передъ публикой.

Обращаясь къ его увлеченіямъ и разочарованіямъ, припомню между прочимъ о его безпощадныхъ отзывахъ о Кукольникѣ, и особенно, о Бенедиктовѣ.

Поражая направо и налѣво всякую рутинность, ходульность, ложь, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, онъ, и въ томъ и въ другомъ, требовалъ простоты, естественности, и кто не удовлетворялъ этимъ условіямъ—тому пощады не было.

Кукольникъ и Бенедиктовъ, оба съ значительными талантами, явились на свою бѣду послѣдними могиканами старой, „риторической", какъ прозвалъ ее Бѣлинскій, школы. Онъ и печатно, и въ разговорахъ не могъ о нихъ отзываться равнодушно. Въ Кукольникѣ онъ еще соглашался признать нѣкоторыя достоинства, именно въ повѣстяхъ изъ эпохи Петра Великаго, и ставя ихъ въ примѣръ, тѣмъ тяжеле обрушивался на „Тасса", „Джулію Мости" и др. Но о Бенедиктовѣ онъ и слышать не могъ. Вычурность нѣкоторыхъ стихотвореній, въ самомъ дѣлѣ поразительная при талантѣ и умѣ Бенедиктова, дѣлала его какимъ-то, будто личнымъ врагомъ Бѣлинскаго. Зная лично Бенедиктова, какъ умнаго, симпатичнаго и честнаго человѣка, я пробовалъ иногда спорить съ Бѣлинскимъ, объяснялъ обиліемъ фантазіи натяжки и преувеличенія во многихъ стихотвореніяхъ,—указывалъ наконецъ на мастерство стиха и проч. Бѣлинскій махалъ рукой и не хотѣлъ признать ничего, ничего. Не помню, что онъ говорилъ печатно о его сочиненіяхъ, но въ разговорѣ онъ постоянно раздражался противъ него, даже нападалъ (гдѣ-то въ статьѣ) на наружность Бенедиктова, въ самомъ дѣлѣ некрасивую. И Кукольникъ и Бенедиктовъ, оба, были его bêtes noires. Перваго онъ,

кажется, знать лично, а второго нѣть, развѣ видѣть гдѣ-нибудь. Но антипатія къ ихъ сочиненіямъ виолнѣ переходила и на авторовъ.

Въ Кукольникѣ лично онъ могъ еще преслѣдовать и ту кичливость, которую носили съ собой всюду многія изъ знаменитостей. Тогда былъ тріумвиратъ изъ Кукольника, Брюлова и Глинки (говорятъ, неразлучныхъ между собой), который примировалъ въ обществѣ. Можетъ-быть и это *генеральство*, выказывавшееся особенно рѣзко въ Кукольникѣ (котораго я самъ видалъ только мелькомъ), въ его фигурѣ, рѣчи и манерахъ,—много прибавляло уксусу къ желчи Бѣлинскаго.

Развѣнчиваніе отъ театральнаго, мишурнаго величія и самомнѣнія разныхъ знаменитостей, и сведеніе ихъ на степень обыкновенныхъ смертныхъ, было тоже въ числѣ его задачъ. Онъ не только отрезвлялъ отъ чрезмѣрнаго самолюбія живыхъ, но, какъ извѣстно, снималъ вѣнки и съ усопшихъ, возложенные на нихъ слѣпымъ и преувеличеннымъ поклоненіемъ ихъ современниковъ, заходя иногда при этомъ далеко, впадая въ вышеупомянутыя ошибки, рѣзкости, порицанія и отрицанія, не стѣсняясь исторической перспективой. Онъ какъ будто не замѣчалъ (и дѣйствительно въ то время не замѣчалъ), что при этомъ страдали законы строгаго безпристрастія. Вся сила ударовъ его была направлена не на то, чтобы отстоять прошлое и существующее, а чтобы завоевать новое, не охранить, а разрушить, чтобъ добыть какую-нибудь новую, или расширить уже существующую свободу.

Справедливость требуетъ прибавить, что онъ былъ пристрастенъ, не въ отрицательномъ только, но и въ положительномъ смыслѣ. Но послѣднее дѣлалось у него неумышленно, а само собой. Его подкупали симпатіи къ близкимъ или хорошимъ людямъ, къ своему кружку—и онъ грѣшилъ

не совѣстью, а мягкостью сердца. Упомяну о нѣкоторыхъ примѣрахъ. Между прочимъ онъ хвалилъ повѣсти Панаева, и однажды только какъ-то нехотя, почти шопотомъ, сказалъ мнѣ умно: „творчества у него ни капли нѣтъ".

Кудрявцевъ изъ московскаго кружка, большой пріятель Бѣлинскаго, написалъ недурную повѣсть: Бѣлинскій отозвался о ней почти восторженно. Онъ смѣшивалъ пріятеля съ его сочиненіемъ, что̀, повторяю, у него было грѣхомъ его сердца, а не совѣсти и эстетическаго вкуса. Литературные противники упрекали его въ этой слабости, но никогда не указывали, изъ какого чистаго источника проистекала она.

Я сказалъ выше, что Бѣлинскій боролся, чтобы добывать какую-нибудь новую, или расширить старую свободу: отъ этого и запальчивость, и пристрастія, и натяжки, и противорѣчія—все то, что̀ неизбѣжно бываетъ при усиленной ломкѣ стараго и завоеванія новаго. Приведу примѣръ, въ которомъ Бѣлинскій является ревнителемъ женской эмансипаціи, не въ обширномъ смыслѣ такъ называемаго женскаго вопроса вообще, который тогда еще не поступалъ въ нынѣшнемъ его значеніи и объемѣ, на очередь, а просто только въ вопросѣ о любви. Въ числѣ всякихъ свободъ, конечно, онъ не обошелъ и женскую свободу, за которую поломалъ не мало копьевъ и апостоломъ которой была тогда Жоржъ-Зандъ. Онъ за одно уже это, помимо таланта, былъ ея восторженнымъ поклонникомъ.

Я пришелъ къ нему однажды рано послѣ обѣда (онъ жилъ тогда у Аничкова моста): онъ ходилъ по комнатѣ и былъ радъ моему посѣщенію.— „Ну, что̀ *Тверитино*". — спросилъ онъ:— „какъ вы находите?" — „Я не читалъ", сказалъ я равнодушно.— „Какъ не читали, вы?" — „Не читалъ", повторилъ я. — „Какъ такъ!" — „Не попалось книги подъ руку, я и не прочелъ". — „Что это такое!" — напустился онъ на меня и разразился, сначала гонкой мнѣ за лѣнь и

равнодушіе, а потомъ диѳирамбомъ Тевернно и вообще Жоржъ-Занду. Не читавши Тевернно, я, конечно, не могу теперь припомнить, что̀ именно онъ сказалъ объ этой повѣсти, помню только, что̀ по мѣрѣ того, какъ приходили другіе, человѣка два-три, послѣ меня, онъ всякому указывалъ на меня и приговаривалъ съ удивленіемъ: — „Тевернно не читалъ!“

О Тевернно я упомянулъ теперь случайно, въ видѣ предисловія къ тому примѣру, который хочу привести по вопросу о женской эмансипаціи и о крайнемъ увлеченіи этимъ вопросомъ Бѣлинскаго. Не помню теперь, въ этотъ вечеръ, или въ другой, онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросомъ о „Лукреціи Флоріани“, которая тогда появилась въ переводѣ въ Современникѣ. Я и теперь помню то восторженное поднятіе Бѣлинскимъ руки вверхъ, когда онъ, освѣщая фигуру Лукреціи уже своимъ электрическимъ огнемъ похвалъ, ставилъ ее все выше—выше и наконецъ заключилъ, почти съ умиленіемъ, что это „богиня, передъ которой весь міръ долженъ стать на колѣни!“

Меня сначала знакомства съ нимъ, какъ новаго для него человѣка, часто звали къ нему и туда, гдѣ онъ бывалъ, потому что онъ оживалъ съ новымъ, не непріятнымъ ему лицомъ, высказывался охотнѣе, былъ веселъ, доволенъ, словомъ, жилъ по-своему. О Жоржъ-Зандѣ тогда говорили безпрестанно, по мѣрѣ появленія ея книгъ, читали, переводили ее: нѣкоторыя женщины даже буквально примѣряли на себѣ ея эмансипаторскія заповѣди, поставивъ себя въ положеніе тѣхъ или другихъ ея героинь, чего, конечно, безъ нея имъ бы и въ голову не пришло, или пришло бы, какъ всегда, просто, безъ участія головы. Такъ, говорятъ, т.-е. по рецепту Жоржъ-Занда, даже женился и В. П. Б. и сейчасъ же разошелся съ женой—уже по собственному своему усмотрѣнію.

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ „Лукрецію Флоріани“, наслаждаясь тамъ, вовсе не ея тенденціей освободить до такой степени женщину, до какой она освободила „Лукрецію“, а тонкой, вдумчивой рисовкой характеровъ, этой нѣжностью очертаній лицъ, особенно женскихъ, ароматомъ ума, разлитымъ въ каждой, даже мелкой замѣткѣ, и до сихъ поръ смотрю такъ на „Жоржъ-Занда“ и наслаждаюсь всѣмъ этимъ въ ней независимо отъ ея задачъ. Но Бѣлинскій, цѣня въ ней художественность исполненія, конечно, по достоинству, выше всего однако ставилъ все-таки ея идеи. Я не разъ спорилъ съ нимъ, но не горячо (чтобы не волновать его), а скорѣе равнодушно, чтобъ только вызвать его высказаться,—и равнодушно же уступалъ. Безъ этого споръ бы никогда не кончился, или перешелъ бы въ задоръ, на который, конечно, никто изъ знавшихъ его никогда умышленно бы не вызвалъ. Я только, такъ сказать, затрогивалъ его, или онъ вѣрнѣе всегда самъ задиралъ меня вопросомъ, ожидая возраженія, и тогда разрѣшался любимымъ тезисомъ, кипятился и выкладывалъ все, что у него наготовилось за извѣстный періодъ, о томъ или другомъ предметѣ, и что потомъ укладывалось, или въ статью, если къ тому времени подвертывалась статья, или въ словесную импровизацію, въ споръ. Какъ безмолвныхъ, такъ и слишкомъ горячихъ собесѣдниковъ, какимъ онъ былъ самъ, онъ, кажется, не любилъ, что и понятно.

Я помню, что, по поводу „Лукреціи Флоріани“, я упрекалъ его слегка рабствомъ авторитету, а самой „Жоржъ-Занда“ ставилъ въ вину, какъ художнику, тѣсную исключительность ея сферы и ея парадоксы, доказывалъ между прочимъ, что нельзя признавать „богиней“ женщину, которая на столько не владѣетъ собой, что переходитъ изъ рукъ въ руки пятерыхъ любовниковъ, не обойдя даже такого хлыща, какъ грубый, неразвитой актеръ, что это

уже не любовь человѣческая, осмысленная, свойственная нравственной, развитой натурѣ, а такъ. „гнусность", что наконецъ любовь двухъ людей требуетъ равенства въ развитіи, иначе это капризъ и т. д.

Онъ напалъ на меня: — „Вы нѣмецъ, филистеръ, а нѣмцы. вѣдь это семинаристы человѣчества!" прибавилъ онъ.— „Вы хотите, чтобы Лукреція Флоріани, эта страстная, женственная фигура, превратилась въ чиновницу!"

Онъ однажды выразился даже такъ, что и художникъ самъ долженъ окунуться въ омутъ распущенности нравовъ — и проговорилъ это довольно серьезнымъ голосомъ, съ важнымъ выраженіемъ лица, съ убѣжденіемъ, какъ заповѣдь. Я увѣренъ, что у Бѣлинскаго, въ этомъ грубомъ парадоксѣ, крылось то убѣжденіе, что художникъ, неприкоснувшійся собственнымъ опытомъ низкихъ, грубыхъ слабостей и паденій, оставаясь въ строгихъ предѣлахъ чистыхъ нравовъ, не будетъ имѣть многихъ красокъ на своей палитрѣ для живописанія всѣхъ людскихъ страстей и страстишекъ. Иначе нельзя этого и объяснить. Бѣлинскій, конечно, вдавался въ очевидную натяжку, допуская не только снисхожденіе, но присуждая, такъ сказать, вѣнокъ женщинѣ, которая смѣло оторвется отъ моральныхъ и матеріальныхъ узъ, какими связана была, —и я полагаю —во многомъ будетъ связана, —т.-е. сама не позволитъ развязать себя, когда наступитъ отрезвленіе отъ горячки такъ называемаго женскаго вопроса и когда послѣдній вступитъ въ фазисъ покойной и разумной обработки.

Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, лучше другихъ понималъ все, что̀ есть крайняго въ жизни этихъ Лукрецій и не смѣшивалъ про себя всѣхъ этихъ кучъ навоза, гдѣ толпились актеры, герцоги и прочіе, сквозь фалангу которыхъ прошла Флоріани.—въ одну какую-то пирамиду любви. Но ему и не это было нужно: ему снился идеалъ женской свободы,

онъ рвался къ нему, жертвуя подробностями, впадая въ натяжки и противорѣчія даже съ самимъ собою, лишь бы отстоять этотъ идеалъ, чтобы противные голоса не заглушили самаго вопроса въ зародышѣ.

О томъ, что̀ собственно есть любовь, какъ человѣческое чувство, и какъ строго и зорко надо его отличать отъ одного животнаго побужденія,—онъ въ ту минуту не думалъ, хотя нерѣдко въ печати выражалъ трезвость своего взгляда! Это второстепенный для него вопросъ, до котораго, конечно, дойдетъ очередь, когда одержана и упрочена будетъ главная побѣда свободы, а детали придутъ потомъ, когда начнется воспитаніе женщины въ духѣ той свободы,—тогда и разберутъ что̀ и какъ. Особенно онъ боялся помѣхи со стороны пуританъ и пуританокъ, которые косо поглядывали не только на эмансипаціонныя попытки Жоржъ-Зандъ, но и на чувственныя проявленія любви вообще. — „Да", задумчиво и серьезно сказалъ онъ однажды, ужъ не помню при какомъ случаѣ:—„конечно, не одно „это" (т.-е. чувственность) соединяетъ любящихъ, но безъ „этого"—ничего другого и не нужно".

Между тѣмъ собственная его семейная жизнь, совершенно противорѣчила тому, что проповѣдывалъ онъ на своей трибунѣ о женской свободѣ любить на манеръ Лукреціи Флоріани. Всему, что говорилось и писалось о его безупречныхъ отношеніяхъ къ женщинамъ—надо вѣрить. Въ семейной жизни трудно отыскать человѣка, который бы съ бо̀льшимъ уваженіемъ обращался къ женѣ, чѣмъ онъ. Во всемъ его обхожденіи съ ней было то, что̀ французы называютъ déférence: это же свойство проглядывало и въ отношеніяхъ его къ прочимъ знакомымъ женщинамъ, къ женамъ и вообще семействамъ всего кружка. Если у него въ душѣ и были какія-нибудь семейныя облака, то, вѣроятно, онъ никогда никому ихъ не обнаруживалъ. Вообще, глядя

на его семейную жизнь, можно было заключить, что на дѣлѣ онъ признавалъ „святость“ семейныхъ союзовъ, онъ, не любившій признавать вообще святостей.

Мнѣ остается замѣтить кое-что еще о несправедливомъ поголовномъ и голословномъ упрекѣ, который нерѣдко обращали къ Бѣлинскому—въ необразованности!

Въ относительной необразованности можно упрекнуть всякаго, не исключая самыхъ образованныхъ. Но на него обрушивался этотъ упрекъ, какъ будто онъ былъ неучъ, какъ будто невѣжество его въ чемъ-нибудь рѣзко обличало его и было замѣтнымъ недостаткомъ.

Но сочиненія его передъ нами: гдѣ же грѣшитъ онъ въ нихъ какими-нибудь промахами противъ того или другого знанія, или слабостью въ пониманіи того или другого, о чемъ писалъ? А о чемъ онъ не писалъ и чего не касался? И нигдѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ обличеній въ незнакомствѣ съ догматикой той или другой науки, того или другого предмета.

Матеріальный поводъ къ этому упреку, конечно, былъ тотъ, что онъ не кончилъ курса и не получилъ университетскаго диплома. За это прежде всего ухватились всѣ завистливыя посредственности, которыхъ значеніе блѣднѣло по мѣрѣ того, какъ развивался и обнаружился талантъ Бѣлинскаго. У него, правда, не было ни оффиціальнаго значенія, ни оффиціальной учености, и за это его разжаловали въ необразованные, въ неучи, въ недоучки!

Помнится, что и Полевого, вначалѣ его появленія, тоже упрекали неученостью, и даже обзывали „купцомъ“, потому что онъ не былъ въ университетѣ и не имѣлъ ученой степени.

Узнали, что Бѣлинскій не знаетъ по-нѣмецки, слѣдовательно, онъ-де, ни Гегеля, ни Гёте, ни другихъ, въ

подлинникѣ не читалъ, а говоритъ о нихъ такъ, какъ будто читалъ ихъ самъ: ну, значитъ, и неучъ!

Но какъ далеко ниже его стояли многіе изъ упрекавшихъ его въ своей мнимой учености, нужды нѣтъ, что они занимали ученыя каѳедры и положенія, или сотрудничали въ журналахъ, говорили и писали о древнихъ и новыхъ литературахъ, не зная иногда ни одного, или зная только французскій языкъ.

Нѣтъ, Бѣлинскій былъ образованнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей (не ученѣе, а именно образованнѣе), за исключеніемъ развѣ одного Герцена, правильная подготовка котораго возводила его образованность на степень учености.

Средства Бѣлинскаго были скудныя, пути образованія почти случайные (однако въ университетъ, только безъ диплома). Знанія, пріобрѣтаемыя въ университетской аудиторіи, дополнялись въ кругу товарищей, при совмѣстномъ чтеніи и взаимномъ объясненіи оригиналовъ или переводовъ съ иностранныхъ языковъ, наконецъ среди преній, разборовъ въ юныхъ кружкахъ, въ добываніи съ трудомъ и въ взаимной передачѣ книгъ.

Развѣ это не школа, не академія, гдѣ граничись другъ о друга юные умы, жадно передавая другъ другу знанія, наблюденія, взгляды—вся эта жажда и любовь къ знанію? Какого же еще надо аѳинскаго портика, съ Платономъ въ вицъ-мундирѣ и очкахъ? Не такъ ли мы всѣ пріобрѣтали то, что̀ есть въ насъ лучшаго и живого? Не тамъ ли, въ юношескихъ университетскихъ кружкахъ, и мы сортировали и осмысливали то, что̀ уносили съ каѳедры?

Представьте же въ этой школѣ мальчика съ свѣтлой головой, съ впечатлительнымъ воображеніемъ, любознательнаго и талантливаго? Представьте необыкновенную остроту наблюдательности и пониманія до степени ясновидѣнія: сколько сокровищъ онъ вынесетъ изъ такой школы!

А та масса русскихъ и французскихъ книгъ, которую онъ прочелъ по обязанности сотрудника, отъ *Молвы* до *Современника*, въ теченіе двадцати лѣтъ: это тоже своего рода школа! Гуть ему не нуженъ былъ профессоръ; у него былъ свой регуляторъ и руководитель, который ближе свелъ его и съ Гегелемъ, и съ Шиллеромъ, и съ Гёте—путями, непроходимыми для другихъ, но доступными ему.

Сылаюсь на одинъ изъ любимыхъ авторитетовъ Бѣлинскаго, на Жоржъ Зандъ, которая, гдѣ-то говоря о краткости жизни и о трудности, даже невозможности познавать все, заключаетъ такъ: „On ne peut pas savoir tout, il faut se contenter de comprendre“.

И Бѣлинскій дѣйствительно „понималъ“ все, не только къ чему прикасался его сосредоточенный анализъ, но и то, что проносилось мимо его, на что онъ случайно обращалъ взглядъ. Онъ жилъ, непрерывно учась за перомъ, въ живыхъ бесѣдахъ съ друзьями и почитателями, и роясь въ безднѣ книгъ, проходившихъ черезъ его руки: и такъ до конца жизни!

Въ рукахъ противниковъ Бѣлинскаго упрекъ въ неучености, какъ извѣстно, былъ Архимедовъ рычагъ, которымъ они старались столкнуть его съ мѣста, но конечно безуспѣшно.

Профессія ученаго была не его профессія, да онъ никогда и не бралъ ее на себя.

Слѣдовательно, говоря о его занятіяхъ, необходимо обусловливать въ точности, какой именно учености недоставало ему—и за этимъ ставить вопросъ: довольно ли было у него подготовки для той роли, какая выпала ему на долю,—именно для роли—не эстетическаго критика собственно, не публициста только, а для того и другого вмѣстѣ, и еще для чего-то—третьяго? Наконецъ, надо еще спросить: отвѣчала или не отвѣчала степень его подготовки

эпохѣ и моменту его дѣятельности и его средѣ -и опредѣлить, сколько онъ сдѣлалъ для своего времени и современнаго ему поколѣнія? И только въ совокупности на всѣ эти вопросы, и слѣдуетъ, и можно давать по возможности покойный, т.-е. отрѣшенный и отъ вражды, и отъ пристрастія къ нему отвѣтъ. Кстати можно было бы спросить много ли сдѣлали тѣ „ученые“, которые громили его за неученость?

Извѣстно, какъ Бѣлинскій былъ искренен и не хвастливъ. Съ постороннимъ, мало знакомымъ лицомъ, онъ почти совсѣмъ не говорилъ, или говорилъ мало, несвязно и не блисталъ ни умомъ, ни знаніемъ. Только съ близкими онъ былъ свободенъ въ рѣчи, не остерегался ошибокъ и давалъ волю своимъ силамъ. И въ такихъ именно спорахъ онъ обнаруживалъ массу знаній, которыхъ въ покойномъ разговорѣ, внѣ всякаго увлеченія, нельзя было подозрѣвать въ немъ. Онъ ронялъ и сыпалъ ихъ нечаянно, какъ часто нечаянно въ печатныхъ статьяхъ сверкалъ остроуміемъ, удачными сравненіями, ссылками на тѣ, или другіе авторитеты и т. п.

Слѣдовательно знанія, хотя бы собранныя медленно иногда урывками, служили прямой его цѣли, его дѣлу, т.-е. его перу. Онъ не держалъ на ученой конюшнѣ осѣдланнаго готоваго коня, съ нарядной сбруей, не выѣзжалъ въ циркъ показывать ѣзду haute école, а ловилъ изъ табуна первую горячую лошадь и мчался куда нужно, перескакивая ученыхъ коней. Этотъ способъ партизанскихъ наѣздовъ именно и нуженъ былъ ему для его цѣлей.

Познаніями могъ превосходить его, какъ я выше сказалъ, напримѣръ, Герценъ. Но вѣдь и онъ не ученостью все сдѣлалъ въ литературѣ и въ жизни, что̀ сдѣлалъ, хотя ученость, или лучше сказать, всестороннее образованіе было важнымъ подспорьемъ его таланту и блестящему остроумію.

Можно, конечно, пожалѣть, что и Бѣлинскій не совершилъ отъ начала до конца путь болѣе обширнаго, или лучше сказать, болѣе систематическаго образованія, для исполненія, съ большимъ авторитетомъ, той громадной роли, какая ему выпала на долю. Соотвѣтствующая его природнымъ средствамъ подготовка помогла бы еще болѣе его вліянію на литературное развитіе въ обществѣ и упрочила бы за нимъ значеніе его дѣятельности и заслуги -безъ всякихъ сомнѣній и споровъ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

(Критическія замѣтки).

Я давно положилъ перо и не печаталъ ничего новаго. Такъ думалъ я и закончить свою литературную дѣятельность, полагая, что мое время прошло, а въ мѣстѣ съ нимъ „прошли“ и мои сочиненія, т.-е. прошла ихъ пора.

Я рѣшился возобновить только изданіе очерковъ кругосвѣтнаго плаванія „Фрегатъ Паллада“, по причинамъ, о которыхъ сказано въ предисловіи къ этому изданію. Путешествія въ дальніе концы міра имѣютъ вообще привилегію держаться долѣе другихъ книгъ. Всякое изъ нихъ оставляетъ надолго неизгладимый слѣдъ или колею, какъ колесо, пока дорога не проторится до того, что всѣ колеи сольются въ одинъ общій широкій путь. Кругосвѣтнымъ путешествіямъ еще далеко до того.

Другое дѣло—романы и вообще художественныя произведенія слова. Они живутъ для своего вѣка и умираютъ вмѣстѣ съ нимъ; только произведенія великихъ мастеровъ переживаютъ свое время и обращаются въ историческіе памятники.

Прочія, отслуживъ свою службу въ данный моментъ, поступаютъ въ архивъ и забываются.

Я ожидалъ этой участи и для своихъ сочиненій, послѣ того, какъ они выдержали—одни два, другія три изданія, и не располагалъ, и теперь не имѣю въ виду печатать ихъ вновь.

Но въ публикѣ, гдѣ еще много живыхъ современниковъ моей литературной дѣятельности, нерѣдко вспоминаютъ и о моихъ романахъ, иногда печатно, и очень часто въ личныхъ обращеніяхъ ко мнѣ.

Одни освѣдомляются, отчего нѣтъ моихъ сочиненій у книгопродавцевъ? Другіе лестно упрекаютъ меня, зачѣмъ я не пишу ничего новаго, иногда даже предлагаютъ написать о томъ или о другомъ предметѣ, на ту или другую тему, говоря, что отъ меня будто бы ожидаютъ въ публикѣ еще какого-нибудь произведенія. Третьи —и такихъ болѣе всего—обращаются къ собственному моему взгляду на то или другое изъ моихъ сочиненій, требуютъ поясненій о томъ, что я разумѣлъ подъ тѣмъ, что хотѣлъ сказать этимъ: кого или что имѣлъ въ виду, изображая такого-то героя или героиню, вымышленны ли эти лица и событія, или дѣйствительно они были и т. д. Этимъ вопросамъ нѣтъ конца!

При этомъ, какъ это случалось почти со всѣми писателями, стараются меня самого подводить подъ того или другого героя, отыскивая меня то тамъ, то сямъ, или угадывая тѣ или другія личности въ герояхъ и героиняхъ. Чаще всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня дѣвать въ которомъ-нибудь романѣ, напримѣръ, въ дядю или племянника въ „Обыкновенной Исторіи".

Иные откровенно выражаютъ мнѣ и порицаніе, за то, за другое, за третье, указываютъ слабыя мѣста, находятъ невѣрности, или преувеличенія, и за все зовутъ меня къ отвѣту. Еще недавно гдѣ-то я видѣлъ въ печати обѣлый критическій очеркъ моихъ сочиненій.

А я все думалъ, что если я уже замолчалъ въ печати самъ, то и другіе поговорятъ-поговорятъ, да и забудутъ меня съ моими сочиненіями, и потому на обращаемые ко

мнѣ вопросы отвѣчалъ что̀ приходило въ голову подъ вліяніемъ минуты, личности вопрошателя и другихъ случайностей.

Но вопросы, освѣдомленія, требованія разъясненій и прочее, не только не прекратились, но, напротивъ, съ появленіемъ новаго изданія „Фрегатъ Паллады“, усилились. Поспѣшаю прибавить, что я не утомляюсь и не скучаю этимъ, напротивъ, принимаю какъ выраженія лестнаго вниманія. Меня только иногда затрудняютъ отвѣты, которые я долженъ держать всегда, такъ сказать, наготовѣ, на обращаемые ко мнѣ вопросы, причемъ, конечно, неизбѣжно приходится впадать въ постоянныя повторенія.

Чтобы выйти изъ этого положенія отвѣтчика передъ тѣми или другими читателями за свои сочиненія и ходячаго критика послѣднихъ, и разъ навсегда разъяснить свой собственный взглядъ на мои авторскія задачи, я рѣшился напечатать давно праздно лежавшую въ моемъ портфелѣ нижеслѣдующую рукопись.

Этотъ критическій анализъ моихъ книгъ возникъ изъ предисловія, которое я готовилъ-было къ отдѣльному изданію „Обрыва“ въ 1870 году, но тогда, по сказаннымъ въ этомъ очеркѣ причинамъ, не напечаталъ. Потомъ въ 1875 году я опять возвратился къ нему, кое-что прибавилъ и опять отложилъ въ сторону.

Теперь, пробѣгая его вновь, я нахожу, что онъ можетъ служить достаточнымъ, съ моей стороны, разъясненіемъ и отвѣтомъ почти на всѣ обращаемые ко мнѣ съ разныхъ сторонъ и лично, и печатно, вопросы, иногда лестныя, преувеличенныя похвалы, чаще—порицанія, недоразумѣнія, упреки,—какъ относительно общаго значенія моихъ авторскихъ задачъ, такъ относительно и дѣйствующихъ лицъ, подробностей и т. д.

Я отнюдь не выдаю этотъ анализъ своихъ сочиненій за критическій непреложный критерій, не навязываю его никому, и даже предвижу, что во многомъ и многіе читатели по разнымъ причинамъ, не раздѣлять его. Сообщая его, я только желаю, чтобъ они знали, какъ я смотрю на свои романы самъ, и приняли бы его, какъ мой личный отвѣтъ на дѣлаемые мнѣ вопросы, такъ чтобъ затѣмъ не оставалось уже о чемъ спрашивать меня самого.

Ежели читатели найдутъ этотъ мой ключъ къ моимъ сочиненіямъ—невѣрнымъ, то они вольны подобрать свой собственный. Если же бы, противъ моего ожиданія, мнѣ понадобилось издать вновь всѣ мои сочиненія, то этотъ же анализъ можетъ служить авторскимъ предисловіемъ къ нимъ.

Я опоздалъ съ этимъ предисловіемъ, скажутъ мнѣ: но если оно не покажется лишнимъ и теперь — то „лучше поздно, чѣмъ никогда"—могу отвѣтить на это.

Со времени появленія романа „Обрывъ" въ 1869 г., мнѣ пришлось прочитать немало суровыхъ, даже раздражительныхъ приговоровъ въ печати; напротивъ того, въ обществѣ, лично, я встрѣчалъ много сочувствія, выражавшагося въ горячихъ, иногда восторженныхъ, конечно преувеличенныхъ, похвалахъ.

Я получалъ и письма отъ нѣкоторыхъ любителей литературы, наполненныя тѣми же похвалами, которыя всего болѣе относились къ моей „живописи": и въ „Обрывѣ", и въ другихъ моихъ романахъ находили цѣлыя „галлереи картинъ, лицъ, портретовъ, за которые хотѣли поставить меня на высокій пьедесталъ въ литературѣ.

Но я, въ отвѣтахъ своихъ и письменно, и устно, уклонялся отъ всякихъ, слишкомъ лестныхъ похвалъ. Эти

похвалы имѣли бы для меня гораздо болѣе цѣны, если бы въ моей живописи, за которую меня особенно хвалили, найдены были тѣ идеи и вообще все то, что, сначала инстинктивно, потомъ, по мѣрѣ того, какъ подвигались мои авторскія работы впередъ, замѣтно для меня самого, укладывалось въ написанные мною образцы, картины и простыя, несложныя событія.

Иные не находили, или не хотѣли находить въ моихъ образахъ и картинахъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе живо нарисованныхъ портретовъ, пейзажей, можетъ-быть, живыхъ копій съ правовъ—и только.

За что же тутъ хвалить? Развѣ такъ трудно вообще для таланта, если онъ есть, нагромоздить въ кучу лица провинціальныхъ старухъ, учителей, женщинъ, дѣвицъ, дворовыхъ людей и т. п.? Что за заслуга? Все бы это не заслуживало ni éxcès d'honneur, ni excès d'indignités, которыми, т.-е. послѣдними, меня осыпали не скупо, особенно въ печати.

Только когда я закончилъ свои работы, отошелъ отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе и время,—тогда сталъ понятенъ мнѣ вполнѣ и скрытый въ нихъ смыслъ, ихъ значеніе—идея. Напрасно я ждалъ, что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками и, полюбивъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидитъ, что именно говоритъ это цѣлое? Но этого не было.

Могъ бы это сдѣлать и сдѣлалъ бы Бѣлинскій, но его не было. Потомъ, съ наступленіемъ реформъ, на очередь стали другіе вопросы, важнѣе вопросовъ искусства, и оттѣснили послѣднее на второй планъ. Все молодое и свѣжее поколѣніе жадно отозвалось на зовъ времени и приложило свои дарованія и силы къ злобѣ и работѣ дня. Было не до эстетическихъ критикъ. А тутъ еще вторгнулось въ общество новое явленіе, такъ называемый нигилизмъ, явленіе сложное и загадочное, на время

конечно, чистый вкусъ, здравыя понятія въ искусствѣ, примѣшавъ къ нему Богъ знаетъ что. И критика, какъ и само искусство, отъ крупнаго, мыслящаго и осмысливающаго синтеза, перешла къ мелкому анализу.

И въ огромной толпѣ моихъ лицъ, она также погрузилась въ мелкій анализъ ихъ, не добираясь до синтеза. Читатели терялись въ обширной рамкѣ, останавливаясь то съ одобреніемъ, то съ порицаніемъ, кто передъ бабушкою, кто передъ Мароничкой, другіе передъ Вѣрой, и почти всѣ—пятились отъ Волохова, находя его „рѣзкимъ, растрепаннымъ", негоднымъ и ненужнымъ въ романѣ. Многіе видѣли въ немъ—будто бы рѣзкую карикатуру на молодое поколѣніе, другіе пожимали плечами, удивляясь, какъ я могъ поставить такого урода рядомъ съ чистою, изящною Вѣрой! Объ этомъ скажу подробно ниже. И тѣмъ покончили, сдавъ дѣло въ архивъ.

Больше ничего не видѣли—и замолчали. Молчалъ и я. Мнѣ нечего было дѣлать: нельзя было ходатайствовать за свое дѣтище, выводить его въ публику, объявлять, что оно такое-сякое, словомъ, рекомендовать. Я молчалъ потому, что, если не замѣтили и не нашли того другіе, что замѣчаю и нахожу я самъ, значитъ, я—слабый художникъ, и образы и картины мои не говорятъ ничего, кромѣ того, что говорятъ висящіе по стѣнамъ портреты, красивые или некрасивые, похожіе или непохожіе, съ добрыми, злыми, или гордыми лицами—и больше ничего!

Хорошо еще, что хвалили за колоритъ, за вѣрность лицъ, за живость пейзажей—и то слава Богу!

Хотѣлъ-было. однако, я, въ 1870 году, сдѣлать нѣсколько возраженій нѣкоторымъ критикамъ, собственно по поводу Волохова и Вѣры, защитить ихъ и себя, но раздумалъ, чтобы не напрашиваться на новые, еще болѣе раздражительные отзывы, нежели какіе обращены были ко

мнѣ тогда, именно за то, что будто бы я въ Волоховѣ изображалъ представителя новаго поколѣнія! Эти возраженія были предметомъ довольно обширнаго предисловія, которое я намѣревался напечатать при отдѣльномъ изданіи „Обрыва“, но отложилъ, говорю я, и возьму оттуда теперь сюда то, что покажется мнѣ умѣстнымъ.

Если молчалъ столько времени—зачѣмъ же теперь принимаюсь самъ объяснять свою книгу или, лучше сказать, свои книги, потому что придется затронуть мимоходомъ и первые два мои романа, говоря о послѣднемъ, ибо, скажу прежде всего, что они, особенно „Обломовъ“ и „Обрывъ“, тѣсно и послѣдовательно связаны между собою, какъ связаны отразившіеся въ нихъ, какъ въ каплѣ воды, періоды русской жизни.

Пишу прежде всего для тѣхъ, несоставляющихъ уже теперь большинства въ обществѣ любителей художественной литературы, которые еще нерѣдко продолжаютъ въ разговорахъ со мною обращаться къ „Обрыву“ и среди которыхъ найдется болѣе сочувствія и, слѣдовательно, болѣе чуткости, опредѣлительности и безпристрастія въ оцѣнкѣ—и самыхъ образовъ, и того, что они выражаютъ, если они выражаютъ какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ портретнаго сходства и яркости кисти. Если и они не найдутъ ничего, тогда я уже и самъ, послѣ опыта, перестану находить ключъ къ моимъ сочиненіямъ.

Стало-быть, прежде всего мнѣ это нужно для повѣрки себя, правъ я или нѣтъ—и если со мной согласятся и другіе и найдутъ, что я—въ значительной степени правъ, тогда, съ объясненіемъ внутренняго значенія моихъ картинъ, объяснится само собою и то, въ чемъ собственно состоитъ заслуга романиста, если онъ художникъ.

„Художникъ мыслитъ образами“, сказалъ Бѣлин-

скій—и мы видимъ это на каждомъ шагу, во всѣхъ даровитыхъ романистахъ.

Но какъ онъ мыслитъ—вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ! Одни говорятъ—сознательно, другіе—безсознательно.

Я думаю и такъ, и здакъ: смотря по тому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ называемое сердце?

Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце. Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею.

У такихъ сознательныхъ писателей умъ досказываетъ, чего не договариваетъ образъ—и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая.

И наоборотъ — при избыткѣ фантазіи и при—относительно мѣньшемъ противъ таланта—умѣ, образъ поглощаетъ въ себѣ значеніе, идею; картина говоритъ за себя и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ—съ помощью тонкаго критическаго истолкователя, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ, и вполнѣ сознательный критикъ.

Да не подумаютъ, что я беру такую роль на себя. Единицы такой величины встрѣчаются весьма рѣдко, хотя большая часть извѣстныхъ литераторовъ конечно обладаютъ и значительною степенью критическаго такта.

Почти всѣ они болѣе или менѣе въ состояніи судить и другихъ, и самихъ себя, какъ ни труденъ вообще судъ надъ собою.

Можетъ-быть и у меня найдется нѣкоторая доля критическаго такта -но крайней мѣрѣ мнѣ случается почти всегда вѣрно опредѣлять значеніе литературныхъ произведеній другихъ: почему же я не могу опредѣлить вѣрно кое-что и въ самомъ себѣ? Безъ сомнѣнія, я рискую быть пристрастнымъ—и, пожалуй, впасть въ самообольщеніе и самовосхваленіе. Но тѣ, которымъ я сообщу мои критическія замѣтки о себѣ, конечно укажутъ мнѣ эту смѣшную черту и просвѣтятъ меня на мой счетъ.

Обращаясь къ любопытному процессу сознательнаго и безсознательнаго творчества, я о себѣ прежде всего скажу, что я принадлежу къ послѣдней категоріи, т.-е. увлекаюсь больше всего (какъ это замѣтилъ обо мнѣ Бѣлинскій) „своею способностью рисовать".

Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ, передъ собою—и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими—слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я сѣду, чтобъ не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ—и иду впередъ какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомъ), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ —и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что̀ попадется подъ руку, т.-е., что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ,

я слышу отрывки ихъ разговоровъ—и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться.

Мнѣ, напримѣръ, прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова—въ себѣ и въ другихъ—и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка—и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру.

Если бъ мнѣ тогда сказали все, что Добролюбовъ и другіе и, наконецъ, я самъ потомъ нашли въ немъ—я бы повѣрилъ, а повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту—и, конечно, испортилъ бы.

Вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ что творю!

Въ „Обрывѣ“ больше и прежде всего меня занимали три лица: Райскій, бабушка и Вѣра, но особенно Райскій. Труднѣе всего было мнѣ вдумываться въ этотъ неопредѣленный, туманный еще тогда для меня образъ, сложный, измѣнчивый, капризный, почти неуловимый, слагавшійся постепенно, съ ходомъ времени, которое отражало на немъ всѣ переливы свѣта и красокъ, т.-е. видоизмѣненія общественнаго развитія. Я долженъ былъ его больше, нежели кого-нибудь, писать инстинктомъ, глядя то въ себя, то вокругъ, безпрестанно говоря о немъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ, повѣряя себя, дополняя ихъ мнѣнія, читая имъ на выдержку отдѣльныя главы, объясняя, что будетъ дальше, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе производитъ онъ, и бодрѣе идти впередъ. И это началось съ 1855 года (романъ задуманъ былъ въ 1849 г., когда я, послѣ 14-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться

съ родственниками на Волгу). Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончать „Обломова“, котораго написана была первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ. Я унесъ новый романъ, возилъ его вокругъ свѣта въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ — и говорилъ, разсказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ кому попало, радуясь своему запасу.

Кончилъ „Фрегатъ Палладу“, кончилъ, въ 1857 году, за границею на водахъ „Обломова“ и тогда же, прямо изъ Маріенбада, поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ засталъ двухъ-трехъ пріятелей изъ русскихъ литераторовъ, и прочелъ имъ только что написанныя въ уединеніи, на водахъ, три послѣднія части „Обломова“, за исключеніемъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ, и опять прочелъ ихъ уже тамъ тѣмъ же лицамъ. Послѣ того весь отдался „Обрыву“, который извѣстенъ былъ тогда въ кружкѣ нашемъ просто подъ именемъ „Художника“.

Приступаю теперь прямо къ тому, что мнѣ видится въ моихъ трехъ романахъ, къ общему ихъ смыслу.

Я упомянулъ выше, что вижу не три романа, а одинъ. Всѣ они связаны одною общею нитью, одною послѣдовательною идеею—перехода отъ одной эпохи русской жизни, которую я переживалъ, къ другой—и отраженіемъ ихъ явленій въ моихъ изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д.

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себѣ слѣдующее положеніе искусства: если образы типичны они непремѣнно отражаютъ на себѣ—крупнѣе или мельче — и эпоху, въ которой живутъ, оттого они и типичны. То-

есть, на нихъ отразятся, какъ въ зеркалѣ и явленія общественной жизни, и нравы, и бытъ. А если художникъ самъ глубокъ, то въ нихъ проявляется и психологическая сторона. На глубину я не претендую, посягаю замѣтить: и современная критика уже замѣчала печатно, что я не глубокъ.

Я самъ и среда, въ которой я родился, воспитывался, жилъ—все это, помимо моего сознанія, само собою отразилось силою рефлексіи у меня въ воображеніи, какъ отражается въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна, какъ отражается иногда въ небольшомъ прудѣ, громадная обстановка: и опрокинутое надъ прудомъ небо, съ узоромъ облаковъ, и деревья, и гора съ какими-нибудь зданіями, и люди, и животныя, и суета, и неподвижность — все въ миніатюрныхъ подобіяхъ.

Такъ и надо мною, и надъ моими романами совершался этотъ простой физическій законъ — почти незамѣтнымъ для меня самого путемъ.

Когда я писалъ „Обыкновенную исторію“, я конечно имѣлъ въ виду—и себя—и многихъ подобныхъ мнѣ учившихся дома, или въ университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ — отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага, со слезами, съ проводами, (какъ въ первыхъ главахъ „Обыкновенной исторіи“) и являвшихся на главную арену дѣятельности, въ Петербургъ.

И здѣсь—въ встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей—выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ—слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго нерутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ.

Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія тоже—въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только въ другихъ размѣрахъ, разыгрывались и въ другихъ, и высшихъ, и низшихъ сферахъ русской жизни.

Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и кромѣ того онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ—это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно.

Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ—сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ, (напримѣръ, любви съ желтыми цвѣтами старой дѣвы тетки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д.

Словомъ вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности—къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ.

Все это —отжило, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго.

Первое, т.-е. старое исчерпалось въ фигурѣ племянника —и оттого онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе.

Второе — т.-е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ—но это сознаніе только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія—и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника.

Наденька, дѣвушка, предметъ любви Адуева — вышла также отраженіемъ своего времени. Она уже не безусловно покорная дочь передъ волей какихъ-бы ни было родителей. Мать ея слаба передъ ней и едва въ состояніи сохранять только decorum авторитета матери, хотя и увѣряетъ, что она строга, даромъ, что молчитъ, и что будто Наденька ни шагу безъ нея не ступитъ. Неправда, она сама чувствуетъ, что слаба и слѣпа до того, что допускаетъ отношенія дочери и къ Адуеву, и къ графу, не понимая въ чемъ дѣло.

Дочь нѣсколькими шагами—впереди матери. Она безъ спросу полюбила Адуева—и почти не скрываетъ этого отъ матери или молчитъ только для приличія, считая за собою право распоряжаться по-своему своимъ внутреннимъ міромъ и самимъ Адуевымъ, которымъ, изучивъ его хорошо, овладѣла и командуетъ. Это ея послушный рабъ, нѣжный, безхарактерно-добрый, что-то обѣщающій, но мелко-самолюбивый, простой, обыкновенный юноша, какихъ вездѣ—легіонъ. И она приняла бы его, вышла бы замужъ—и все пошло бы обычнымъ ходомъ.

Но явилась фигура графа, сознательно-умная, ловкая, съ блескомъ. Наденька увидала, что Адуевъ не выдерживаетъ сравненія съ нимъ, ни въ умѣ, ни въ характерѣ, ни въ воспитаніи. Наденька въ своемъ быту не пріобрѣла сознанія ни о какихъ идеалахъ мужского достоинства. силы, и какой силы?

Тогда ихъ и не было, этихъ идеаловъ, какъ не было никакой русской, самостоятельной жизни. Онѣгины, и подобные ему, вотъ кто были идеалы, т.-е. франты, львы, презиравшіе мелкій трудъ и незнавшіе, что съ собой дѣлать!

Ея достало разглядѣть только, что молодой Ленскій — не сила, что въ немъ повторяется все, что она видѣла тысячу разъ во всѣхъ другихъ юношахъ, съ которыми танцовала, немного кокетничала. Она на минуту прислушалась къ его стихамъ. Писаніе стиховъ тогда было дипломомъ на интеллигенцію. Она ждала, что сила, талантъ кроются тамъ. Но оказалось, что онъ только пишетъ сносные стихи, но о нихъ никто не знаетъ, да еще дуется про себя на графа за то, что этотъ простъ, уменъ и держитъ себя съ достоинствомъ. Она перешла на сторону послѣдняго. Въ этомъ пока и состоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпомощнаго для нея авторитета матери.

Но тутъ и кончилась эта эмансипація. Она сознала, но въ дѣйствіе своего сознанія не обратила, а остановилась въ невѣдѣніи, такъ какъ и самый моментъ эпохи былъ моментомъ невѣдѣнія. Никто еще не зналъ, что съ собой дѣлать, куда идти, что начать? Онѣгинъ и подобные ему „идеалы“ только тосковали въ бездѣйствіи, не имѣя опредѣленныхъ цѣлей и дѣла, а Татьяны не вѣдали.

„Что же изъ этого будетъ?“ — въ страхѣ спрашиваетъ Наденьку Ленскій: — „графъ не женится?“

— „Не знаю!“ — отвѣчаетъ она въ тоскѣ. И дѣйствительно не знала русская дѣвушка, какъ поступить сознательно и раціонально въ томъ или другомъ случаѣ. Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать противъ отдачи ея замужъ родителями

и только могла, безсознательно конечно, какъ Наденька, заявить этотъ протестъ, забраковать одного и перейдя чувствомъ къ другому.

Тутъ я и оставилъ Наденьку. Мнѣ она была больше не нужна, какъ типъ, а до нея, какъ до личности, мнѣ не было дѣла.

И Бѣлинскій однажды замѣтилъ это. „Пока ему нужна она, до тѣхъ поръ онъ съ ней и возится!"—сказалъ онъ кому-то при мнѣ:—„а тамъ и броситъ!"

А меня спрашивали многіе, что же было съ нею дальше? Почемъ я знаю? Я рисовалъ не Наденьку, а русскую дѣвушку извѣстнаго круга той эпохи, въ извѣстный моментъ. Самъ я никакой одной Наденьки лично не зналъ, или зналъ многихъ.

Мнѣ скажутъ, что какъ ея, такъ и другія фигуры блѣдны—и типовъ собой не образуютъ! очень можетъ быть—объ этомъ я спорить не могу. Я только говорю, что̀ самъ подъ ними разумѣлъ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда задумывался и писался этотъ романъ, я еще не могъ вполнѣ ясно глядѣть въ слѣдующій періодъ, который не наступалъ, но предчувствія котораго жили уже во мнѣ, потому что вскорѣ послѣ напечатанія, въ 1847 году въ Современникѣ, „Обыкновенной Исторіи"—у меня уже въ умѣ былъ готовъ планъ Обломова, а въ 1848 г. (или 1849 г. – не помню) я помѣстилъ въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ" при „Современникѣ" и „Сонъ Обломова"—эту увертюру всего романа, слѣдовательно я переживалъ про себя въ воображеніи и этотъ періодъ—и, благодаря своей чуткости, предчувствовалъ, что слѣдуетъ далѣе. Теперь могу отвѣчать, „что сталось съ „Наденькой?"

Смотрите въ „Обломовѣ" Ольга есть превращенная Наденька слѣдующей эпохи. Но до этого дойдемъ ниже.

Адуевъ кончилъ, какъ большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать въ службѣ, писать и въ журналахъ, (но уже не стихами) и, переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигъ положительныхъ благъ, какъ большинство, занялъ въ службѣ прочное положеніе и выгодно женился, словомъ, обдѣлалъ свои дѣла. Въ этомъ и заключается „Обыкновенная Исторія“.

Она—въ моихъ книгахъ—первая галлерея, служащая преддверіемъ къ слѣдующимъ двумъ галлереямъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т.-е. къ „Обломову“ и „Обрыву“, или къ „Сну“ и къ „Пробужденію“.

Мнѣ могутъ замѣтить, что задолго передъ этимъ намеки на подобныя же отношенія между лицами, какъ у меня въ „Обломовѣ“ и въ „Обрывѣ“, частію въ „Обыкновенной Исторіи“, есть у нашего великаго поэта Пушкина, напримѣръ, въ Татьянѣ и Онѣгинѣ, Ольгѣ и Ленскомъ и т. д.

На это я отвѣчу прежде всего, что отъ Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа Пушкино-Гоголевская продолжается доселѣ, и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ. Даже Лермонтовъ, фигура колоссальная, весь, какъ старшій сынъ въ отца, вылился въ Пушкина. Онъ ступалъ, такъ сказать, въ его слѣды. Его Пророкъ и Демонъ, поэзія Кавказа и Востока и его романы—все это развитіе тѣхъ образцовъ поэзіи и идеаловъ, какіе далъ Пушкинъ. Я сказалъ въ критическомъ этюдѣ о Грибоѣдовѣ, „Мильонъ терзаній“, что Пушкинъ—отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ—отецъ науки въ Россіи. Въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и намеки

почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки. И у Пушкина и у Лермонтова, вѣетъ одинъ родственный духъ, слышится одинъ общій строй лиры, иногда являются будто одни образы,—у Лермонтова можетъ-быть болѣе мощные и глубокіе; но зато менѣе совершенные и блестящіе по формѣ, чѣмъ у Пушкина. Вся разница въ моментѣ времени. Лермонтовъ ушелъ дальше временемъ, вступилъ въ новый періодъ развитія мысли, новаго движенія европейской и русской жизни и опередилъ Пушкина глубиною мысли, смѣлостью и новизною идей и полета.

Пушкинъ, говорю, былъ нашъ учитель—и я воспитался, такъ сказать, его поэзіею. Гоголь на меня повліялъ гораздо позже и меньше: я уже писалъ самъ, когда Гоголь еще не закончилъ своего поприща.

Самъ Гоголь, объективностью своихъ образовъ, конечно обязанъ Пушкину же. Безъ этого образца и предтечи искусства—Гоголь не былъ бы тѣмъ Гоголемъ, какимъ онъ есть. Прелесть, строгость и чистота формы—тѣже. Вся разница въ бытѣ, въ обстановкѣ, и въ сферѣ дѣйствія—а творческій духъ одинъ, у Гоголя весь перенедній въ отрицаніе.

Поэтому неудивительно, что черты Пушкинской, Лермонтовской и Гоголевской творческой силы—доселѣ входятъ въ нашу плоть и кровь, какъ плоть и кровь предковъ переходитъ къ потомкамъ.

Надо сказать, что у насъ, въ литературѣ, (да я думаю и вездѣ) особенно два главные образа женщинъ постоянно являются въ произведеніяхъ слова параллельно, какъ двѣ противоположности: характеръ положительный—Пушкинская Ольга и идеальный его же Татьяна. Одинъ безусловное, пассивное выраженіе эпохи, тинь, отливающійся, какъ воскъ, въ готовую, господствующую форму. Другой—съ инстинктами самосознанія, самобытности.

самодѣятельности. Оттого первый ясенъ, открытъ, понятенъ сразу (Ольга въ Онѣгинѣ, Варвара въ Грозѣ). „Другой, напротивъ, своеобразенъ, ищетъ самъ своего выраженія и формы, и оттого кажется капризнымъ, таинственнымъ, мало-уловимымъ. Есть они у нашихъ учителей и образцовъ, есть и у Островскаго въ Грозѣ — въ другой сферѣ; они же, смѣю прибавить, явились и въ моемъ Обрывѣ. Это два господствующіе характера, на которые въ основныхъ чертахъ, съ разными оттѣнками, болѣе или менѣе дѣлятся почти всѣ женщины.

„Дѣло не въ изобрѣтеніи новыхъ типовъ—да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного—а въ томъ, какъ у кого они выразились, какъ связались съ окружающею ихъ жизнью, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась.

Пушкинскія Татьяна и Ольга какъ нельзя болѣе отвѣчали своему моменту. Татьяна, подавленная своей грубой и жалкой средой, также бросилась къ Онѣгину, но не нашла отвѣта и покорилась своей участи, выйдя за генерала. Ольга вмигъ забыла своего поэта и вышла за улана. Авторитетъ родителей рѣшилъ ихъ судьбу. Пушкинъ, какъ великій мастеръ, этими двумя ударами своей кисти, да еще нѣсколькими штрихами—далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ.

У меня (въ дальнѣйшей противу Онѣгина эпохѣ), и Наденька, и Ольга, или лучше сказать Наденька - Ольга, (потому что я утверждаю, что это одно лицо въ разныхъ моментахъ) поступила иначе, согласно съ временемъ. Отъ невѣдѣнія Наденьки — естественный переходъ къ сознательному замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, энергіи—словомъ, силы.

Я не остановлюсь долго надъ „Обломовымъ“. Въ свое время его разобрали и значеніе его было оцѣнено, и кри-

тикой, особенно въ лицѣ Добролюбова, и публикою, весьма сочувственно.

Воплощеніе сна, застоя, неподвижной мертвой жизни—переползаніе изо дня въ день—въ одномъ видѣ и въ его обстановкѣ — было всѣми найдено вѣрнымъ — и я счастливъ.

Я закончилъ свою вторую картину русской жизни, Сна, нигдѣ не пробудивъ самого героя Обломова.

Только Штольцъ время отъ времени подставлялъ ему зеркало обломовской бездонной лѣни, апатіи, сна. Онъ истощилъ, вмѣстѣ съ Ольгой, всѣ силы къ пробужденію его—и все напрасно.

Въ послѣднемъ свиданіи со Штольцемъ только вырывается у Обломова нѣсколько сознательныхъ словъ—и напрасно я вставилъ ихъ. Я помѣстилъ ихъ въ концѣ, когда одинъ пріятель, гонявшійся всегда въ произведеніяхъ искусства за сознательною мыслію, но мало вообще доступный непосредственному дѣйствію образа, замѣтилъ мнѣ: „что же онъ, ужели не отзовется на призывъ Штольца?“

Я и вставилъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ выглядываетъ сознаніе и самого Обломова.

И образъ его немного, такъ сказать, тронулся отъ этого, немного потерялъ цѣлости характера: въ портретѣ оказалось пятно. Но это, къ счастію, въ самомъ концѣ. Не надо было трогать вовсе. Не даромъ Бѣлинскій, въ своей рецензіи объ „Обыкновенной исторіи“, упрекнулъ меня за то, что я тамъ сталъ „на почву сознательной мысли!“ Образы такъ образы: ими и надо говорить.

Штольцъ, уходя въ послѣдній разъ, въ слезахъ говоритъ:—„прощай, старая Обломовка: ты отжила свой вѣкъ!“

И того бы не нужно было говорить. Обломовъ самъ достаточно объясняетъ себя, прося Штольца уйти, не

трогать его, говоря, что онъ приросъ одною больною половиною къ старому. отдери — будетъ смерть!

Этимъ бы и слѣдовало закончить вторую картину Сонъ, т.-е. непробудимымъ сномъ, потому что далѣе, за обломовскимъ хребтомъ (выраженіе Герцена гдѣ-то въ „Колоколѣ"), мнѣ открывалась дальнѣйшая, третья перспектива:—это картина Пробужденія.

Я, повторяю, ужъ съ 1849 года носилъ эту толпу лицъ, сценъ, пейзажей, въ памяти и въ программѣ (т.-е. „Обрывъ"), набросанный безпорядочно, какъ все это носилось у меня въ головѣ. На первомъ планѣ являлась во весь ростъ Бабушка, потомъ Вѣра, Райскій, послѣ Марфинька, Козловъ съ женой (университетскія воспоминанія товарищества), дворня, садъ съ обрывомъ. Все это тѣснилось въ воображеніи и требовало только сосредоточенности уединенія и покоя, чтобы отлиться въ форму романа.

А этого всего было у меня мало, да я все сомнѣвался съ своихъ силахъ, все не довѣрялъ себѣ, все справлялся съ мнѣніемъ и впечатлѣніемъ другихъ, разсказывалъ все до подробности Боткину, Дудышкину, Дружинину, и болѣе всего одному, еще живому литератору, требуя мнѣнія, совѣта, но совѣтовъ ни отъ кого не получалъ, и кончалъ тѣмъ, что приводилъ все медленно, послѣ тщательной отдѣлки, къ концу. Я рѣдко могъ урываться за границу—между службою, свѣтскимъ и всякимъ другимъ бездѣльемъ—и работать. Всего болѣе затрудняла меня архитектоника, сведеніе всей массы лицъ и сценъ въ стройное цѣлое, и вотъ, между прочимъ, причины медленности!

„Что другому стало бы на десять повѣстей", замѣтилъ однажды Бѣлинскій про меня, еще по поводу „Обыкновенной Исторіи",—„у него укладывается въ одну рамку".

Да и періоды, уложившіеся въ эти три рамки, растя-

нулись лѣтъ на тридцать, слѣдовательно, и романы—или отраженія жизни—должны были тянуться параллельно долго.

У меня раскидывался и четвертый періодъ, захватывавшій и современную жизнь, но я оставилъ этотъ планъ, потому что творчество требуетъ спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ. Нынѣшніе герои не похожи на завтрашнихъ и могутъ отражаться только въ зеркалѣ сатиры, легкаго очерка, а не въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ „Обрыву", скажу нѣсколько словъ о Штольцѣ въ „Обломовѣ".

Меня упрекали за это лицо—и съ одной стороны справедливо. Онъ слабъ, блѣденъ—изъ него слишкомъ голо выглядываетъ идея. Это я самъ сознаю. Но меня упрекали, зачѣмъ я ввелъ его въ романъ? Отчего нѣмца, а не русскаго поставилъ я въ противоположность Обломову?

Я могъ бы отвѣтить на это, что изображая лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только одно это, я, выставивъ рядомъ русскаго же, какъ образецъ энергіи, знанія, труда, вообще всякой силы, впалъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, т.-е. съ своею задачей — изображать застой, сонъ, неподвижность. Я разбавилъ бы цѣлость одной, избранной мною для романа стороны русскаго характера.

Но я молча слушалъ тогда порицанія, соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, что образъ Штольца блѣденъ, не реаленъ, не живой, а просто идея.

Особенно, кажется, славянофилы, и за нелестный

образъ Обломова, и всего болѣе за нѣмца— не хотѣли меня, такъ сказать, знать. Покойный О. И. Тютчевъ однажды ласково, съ свойственною ему мягкостью, упрекая меня, спросилъ „зачѣмъ я взялъ Штольца!“ Я повинился въ ошибкѣ, сказавъ, что сдѣлалъ это случайно: подъ руку, молъ, подвернулся!

Между тѣмъ, кажется, помимо моей воли—тутъ ошибки собственно не было, если принять во вниманіе ту роль, какую играли и играютъ до сихъ поръ въ русской жизни и нѣмецкій элементъ, и нѣмцы. Еще доселѣ они у насъ учители, профессоры, механики, инженеры, техники по всѣмъ частямъ..Лучшія и богатыя отрасли промышленности, торговыхъ и другихъ предпріятій въ ихъ рукахъ.

Это конечно, досадно, но справедливо—и причины этого порядка дѣлъ истекаютъ все изъ той же обломовщины (между прочимъ, изъ крѣпостного права), главный мотивъ которой набросанъ мною въ Снѣ Обломова.

Я вижу, однако, что не спроста подвернулся мнѣ нѣмецъ подъ руку—и, должно-быть, тогда (я теперь забылъ) мнѣ противно было брать чисто-нѣмецкаго нѣмца. Я взялъ родившагося здѣсь и обрусѣвшаго нѣмца и нѣмецкую систему неизбѣжнаго, бодраго и практическаго воспитанія.

Обрусѣвшіе нѣмцы (напримѣръ, остзейцы) сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнію и—нѣтъ сомнѣнія, сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока постороняго элемента къ русской жизни—и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во всѣ роды и виды дѣятельности—прежде всего свое терпѣніе, persévérance своей расы, а затѣмъ и много другихъ качествъ, и гдѣ бы ни было —въ арміи, во флотѣ, въ администраціи, въ наукѣ, словомъ, всюду- они служатъ съ Россіей и Россіи, и большею частію становятся ея дѣтьми.

Отвергать ихъ при этихъ условіяхъ, какъ притокъ, сли-

вающійся съ общею рѣкою—было бы также возмутительно-несправедливо съ нашей русской стороны, какъ возмутительно-несправедливо со стороны нѣкоторой партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считать ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятиться отъ слiянія съ нею и стараться удержать statu quo.

Все это, конечно, минуетъ въ будущемъ, хотя, можетъ-быть, и не очень близкомъ. Закоснѣлость и упрямство нашихъ доморощенныхъ нѣмцевъ уступятъ духу времени, когда они, съ своею мнимою остзейскою цивилизаціею, очутятся позади шагающей впередъ Россіи. И самое славянофильство, оставаясь тѣмъ, что оно есть, т.-е. выраженіемъ и охраненіемъ коренного славяно-русскаго духа, нравственной народной силы и историческаго характера Россіи, будетъ искреннѣе протягивать руку къ всеобщей, т.-е. европейской культурѣ: ибо если чувства и убѣжденія національны, то знаніе—одно для всѣхъ и у всѣхъ.

Обращаюсь къ „Обрыву“. Тамъ на первомъ планѣ—Райскій и Бабушка, потомъ Вѣра, Волоховъ, Марфинька и Викентьевъ, далѣе учитель Козловъ съ женою, большая дворня и наконецъ Тушинъ.

Что же представляетъ эта группа? Ужели ничего больше, кромѣ портретовъ, индивидуальныхъ характеровъ, мало связанныхъ съ общею жизнью извѣстнаго момента?

Такъ иные и смотрѣли. Нѣкоторые упрекали меня, зачѣмъ я такъ ложу и растягиваю тѣ или другія сцены? зачѣмъ обременяю ихъ подробностями? довольно бы-де однимъ намекомъ, нѣсколькими словами, штрихомъ, маленькой сценой—выразить мысль...

Но я выражалъ прежде всего не мысль, а то лицо, тотъ образъ, то дѣйствіе, которое видѣлъ въ фантазіи.

Поступи я по совѣту этой критики, у меня не вышло бы ни одной живой и полной фигуры, законченнаго портрета, а вышли бы сухіе рисунки, силуэты, эскизы карандаша. Зачѣмъ же мнѣ карандашъ, если, какъ говорятъ, у меня есть кисть?

Теперь скажу, что я самъ вижу въ этихъ фигурахъ.

Что такое Райскій? Да все Обломовъ, т.-е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи Пробужденія.

Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ неразбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ. И критика, и публика находили это: почти всѣ мои знакомые на каждомъ шагу, смѣясь, говорили мнѣ, по выходѣ книги въ свѣтъ, что они узнаютъ въ этомъ героѣ себя и своихъ знакомыхъ.

Райскій—герой слѣдующей, т.-е. переходной эпохи. Это проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель.

Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи, смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Ихъ называли „людьми сороковыхъ годовъ“. Райскій—есть конечно одинъ изъ нихъ—и можетъ-быть—что-нибудь и еще.

Райскій — натура артистическая: онъ воспріимчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ Обломова.

Онъ, умомъ и совѣстью, принялъ новыя животворныя сѣмена—но остатки еще не вымершей обломовщины мѣ-

шаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло. Онъ совался туда, сюда — но онъ не былъ серьезно приготовленъ наукой и практикой къ какой-нибудь государственной, общественной, или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ этихъ сферахъ еще лежала обломовщина, тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутина. Живое дѣло только что просыпалось. Россія доживала вѣкъ петровскихъ реформъ—и ждала новыхъ.

Райскій мечется, и наконецъ, благодаря природному таланту или талантамъ, бросается къ искусству: къ живописи, къ поэзіи, къ скульптурѣ. Но и тутъ, какъ гири на ногахъ, его тянетъ назадъ та же „обломовщина".

Нива искусства была такъ же пуста, не воздѣлана, и отдѣльныя, хотя великія явленія въ ней—были случайности. Въ литературѣ почти то же.

Не было цѣлой рати пишущихъ, разсадника, литературной школы, почти не было журналистики; все работало робко, тихо, по угламъ. Только огромные таланты Пушкина и Лермонтова являлись отдѣльными яркими звѣздами, а кругомъ ихъ почти никого. То же и въ живописи и въ ваяніи: была академія и школа классическая и классная. Не было почвы, кружковъ, общества, которые жили бы однимъ искусствомъ и для искусства, безъ видовъ на карьеру и отличія. Не было частной иниціативы; самобытная русская художническая сила, сквозь обломовщину, не могла прорваться наружу.

Такъ было до нашего времени, до нынѣшняго царствованія. Гоголь, правда, явился прежде, но созданная имъ школа разрослась и утвердилась съ свободой печати, такъ же какъ развилась и журналистика, образовались кружки, партіи и большой кругъ замѣчательныхъ писателей.

Но это все послѣ, а Райскій и Бабушка явились, повторяю, у меня въ головѣ въ 1849 году. Какъ

только я пріѣхалъ на Волгу, на меня, какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа. Я уже разработалъ въ головѣ Обломова до конца и въ то же время развязалась у меня въ воображеніи слѣдующая эпоха, и все—и дѣйствіе, и лица, или—параллельно съ развитіемъ самой жизни. Это, повторяю, мнѣ становилось замѣтно, когда и приходилъ къ концу романа.

Въ Райскаго входили, сначала безсознательно для меня самого, и многія типическія черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій, мѣшались и путались еще съ терніями и волчцами обломовщины разнаго рода—и вольной, и невольной, съ разными приманками праздная житья-бытья, и съ трудностями упорной борьбы съ старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ и негодныхъ, и нужныхъ и ненужныхъ, и расплодившая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни: группа новыхъ людей устремилась къ ихъ разсѣянію.

Искусство было все еще роскошью, забавой для богатыхъ, горькою нуждою для бѣдныхъ; литература, за исключеніемъ крупныхъ талантовъ, была дѣломъ подозрительнымъ. За писателями признавалось ихъ значеніе, когда они достигали видная положенія въ обществѣ путемъ службы.

И мы всѣ работали какъ-то въ одиночку, тихомолкомъ, съ оглядкой и опаской, и больше изъ нужды.

А кому не было нужды—тѣ дилетантствовали. Напримѣръ, одинъ зналъ отлично технику музыки, былъ меценатъ и другъ всѣхъ иностранныхъ и своихъ знаменитостей, носилъ въ себѣ планы музыкальныхъ серьезныхъ сочиненій, оперъ, можетъ-быть ораторій, симфоній, говорилъ о нихъ съ жаромъ и знаніемъ дѣла. Всѣ ждали отъ него чего-нибудь серьезнаго, а онъ разрѣшился сочиненіемъ одного

хорошенькаго романса (гр. Вільгорскій), другой, обладая необыкновенною силою лирическаго пафоса, написалъ всего десятка два прекрасныхъ стихотвореній (Тютчевъ). И это лучшіе люди извѣстнаго круга. Третій, съ многосторонним образованіемъ, большою начитанностью — написалъ нѣсколько легкихъ разсказовъ, гдѣ кроются сѣмена серьезнаго таланта (кн. Одоевскій). Можно много привести примѣровъ въ pendant къ этимъ.

Во всѣхъ родахъ искусства—таланты такихъ Райскихъ не были содержаніемъ и цѣлью жизни, а только средствомъ пріятно проводить время.

Райскій талантливъ—но приготовительная школа для таланта трудная, требующая всего человѣка и для него, выросшаго еще въ періодъ обломовскаго сна, неодолима,— да и некогда ему было: новая эпоха застала его уже взрослымъ. Онъ бросается къ живописи, отъ живописи къ скульптурѣ, пишетъ романъ, неприготовленный техникой ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ искусствъ.

Новыя идеи кипятъ въ немъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду новаго, и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и малыя свободы, приближеніе которыхъ чуялось въ воздухѣ. Но только порывается.

Онъ бьется съ Софьей Бѣловодовой, стараясь сломать стѣну великосвѣтской замкнутости, замуровавшейся въ фамильныхъ преданіяхъ рода, въ завѣщанныхъ предками границахъ недоступной гордости, въ приличіяхъ тона, словомъ въ аристократически-обломовской, переходившей по наслѣдству изъ рода въ родъ, неподвижности.

И не успѣваетъ конечно, потому что его вызвала на борьбу корысть, поклоненіе живой красотѣ: ему хочется побѣдить не эти застывшія преданія, феодальную гордость, и вызвать на живое, новое дѣло умъ и духъ Софьи: ему хочется побѣдить только кузину-женщину—для себя. А дѣла,

собственной силы, примѣра—онъ не вноситъ въ эту борьбу, и оттого не усиѣваетъ.

Онъ, если не спитъ по-обломовски, то едва лишь проснулся—и пока знаетъ что̀ дѣлать, но не дѣлаетъ.

Онъ раздражался только въ порывахъ къ дѣлу, а болѣе всего поклонялся красотѣ—и съ этой стороны, пожалуй, нѣсколько и тронулъ Софью, но не въ свою пользу. Она морщится при его настояніяхъ о необходимости дѣла, труда, откупается отъ этого деньгами въ пользу бѣдныхъ, но задумывается надъ его горячешными рѣчами о любви и о свободѣ располагать чувствомъ и собой. Потребность этой свободы зашевелилась и въ ней безсознательно, потому что онъ дѣйствовалъ не на сознаніе и убѣжденіе ея, а только на нервы. Она вышла изъ своей роли величавой безупречности, выглянула, на сколько могла, за высокія стѣны великосвѣтскаго монастыря и сдѣлала un faux pas... наединѣ поговорила съ итальянскимъ графомъ, разъ встрѣтилась съ нимъ на прогулкѣ и написала ему простую записку о присылкѣ нотъ... Faux pas! закричала вся клика, привыкшая видѣть ее холодно-безупречною—и только.

Въ ней, при появленіи графа, началъ-было таять ледъ строгаго воспитанія и приличія, но при первой тревогѣ тетокъ, при шопотѣ свѣта, она сейчасъ-же одолѣла игру нервъ.

Здѣсь я долженъ сознаться въ полной своей несостоятельности въ изображеніи фигуры Софьи Бѣловодовой. Я не зналъ тогда вовсе, и теперь мало знаю, кругъ, гдѣ она жила, и тутъ критика вполнѣ права. Это скучное начало, изъ котораго вовсе нехудожественно выглядываетъ замыселъ—показать, какъ отразилось развитіе новыхъ идей на замкнутомъ кругѣ больнаго свѣта. И ничего, кромѣ претензіи, не вышло изъ этой затѣи.

Кромѣ того меня соблазнила мысль выставить рядъ жен-

скихъ портретовъ, № 1-й вышелъ неудаченъ; 2-й.—умирающей Наташи, писанный какъ и Бѣловодова, въ 50-хъ годахъ—также блѣденъ. Это между прочимъ оттого, что я торопился и смотрѣлъ дальше въ глубину романа, не останавливаясь подолгу на этихъ аксессуарныхъ явленіяхъ. Меня влекли уже близкія мнѣ лица и мѣста, гдѣ я родился и выросъ: и тѣ лица, бабушки и внучекъ, всего провинціальнаго люда и дворни—и вся обстановка, но отзывамъ всѣхъ, вышли у меня живѣе.

Тамъ, въ Софьѣ и Наташѣ, было сочиненіе—тутъ я писалъ съ живыхъ лицъ. Къ тому же, въ этотъ промежутокъ времени, отъ 1840—1862 г. (когда я вторично посѣтилъ Волгу), и перо мое конечно значительно должно было созрѣть и укрѣпиться въ работѣ. Кажется въ 1859 или въ 1861 году я помѣстилъ два или три „эпизода изъ жизни Райскаго“ въ „Отеч. Запискахъ“ и одинъ эпизодъ „Бабушка“ въ „Современникѣ“.

Если бы русская жизнь не раздвинула, отъ мановенія мощной руки, своихъ рамокъ,—мы всѣ остановились бы на той ступени, на которой остановился Райскій. Подъ него подходили тогда многіе наши интеллигентные люди, считавшіеся передовыми. Ихъ называли романтиками, крайними идеалистами. Они пока еще порывались къ новому, много говорили, ставили себѣ идеалы, бросались отъ одного дѣла къ другому, искали дѣятельности: и туда, въ этотъ періодъ, ушло много растерявшихся втунѣ талантовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго пути, сознательныхъ цѣлей, и снѣдаемыхъ, и своею собственною, частною, и казенною обломовщиной. Мы всѣ уперлись бы въ стѣну—и продолжали бы писать безсодержательные звучные стихи, или изображать одни и тѣ же явленія текущей, болѣе естественной животной жизни.

Въ Райскомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ на него хода вре-

мени и новыхъ событій, я слѣдилъ еще съ большимъ интересомъ—любопытный, психологическій, или физіологическій процессъ проявленія этой подвижной и впечатлительной натуры въ его личной жизни. Именно то, какъ сила фантазіи въ артистическихъ натурахъ, не направленная на насущное дѣло, на художественныя созданія, бросалась въ самую жизнь, и мелочныя явленія послѣдней нарядила въ свои цвѣта и краски, производя тѣ чудачества, странности, часто безобразія, которыми нерѣдко обильна бываетъ жизнь артистовъ вездѣ.

Праздная фантазія въ такихъ натурахъ чаще всего бросается въ сферу чувствъ, во всѣ виды и роды любвей, произведя экзальтацію, творя идолы, порождая изъ всего этого какую-то горячку или шутиху, что-то жалкое и смѣшное.

Эти упражненія въ чувствахъ и особенно въ любви, занимали между прочимъ также и значительный изнобленный уголокъ старой обломовщины! . . .

Къ счастію, русское общество охранилъ отъ гибели застоя спасительный переломъ. Изъ высшихъ сферъ правительства блеснули лучи новой, лучшей жизни, проникнулись въ массу публики, сначала тихія, потомъ явственныя слова о „свободѣ", предвѣстники конца крѣпостному праву. Даль раздвигалась понемногу и открыла свѣтлую перспективу будущаго.

Въ литературѣ смѣлѣе стали раздаваться голоса представителей новыхъ идей.

Конечно и моя мысль, и фантазія проникнулись новымъ вѣяніемъ. Я кончилъ „Обломова", и у меня стали шире раздвигаться рамы слѣдующей картины, т.-е. „Пробужденія".

Двадцать лѣтъ тянулось писаніе этого романа.— иначе и быть не могло. Онъ писался, какъ тянулся періодъ самой жизни.

Въ „Обрывѣ“, на моихъ пигмеяхъ, въ крошечномъ озерѣ, отразилось состояніе броженія, борьба стараго съ новымъ.

Я слѣдилъ за отраженіемъ этой борьбы на знакомомъ мнѣ уголкѣ, на знакомыхъ лицахъ.

Слѣдилъ,—говорю я,—надо бы сказать: смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краски момента, и такими выдаю ихъ назадъ, т.-е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ.

Я самъ не могу смотрѣть на свои романы иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи. Я жилъ въ трехъ эпохахъ и онѣ отпечатлѣлись во мнѣ и въ моихъ сочиненіяхъ, въ доступномъ мнѣ быту, на сколько у меня хватило силъ и таланта.

Райскій, на родинѣ, объявилъ ту же войну старому, отжившему. Онъ воюетъ съ Бабушкою, споритъ, горячится, но любитъ ее, какъ мать; схватывается и съ Марфинькою и съ Вѣрою. Но воюетъ также изъ корыстныхъ видовъ съ двумя послѣдними, какъ и съ Бѣловодовой. Воображеніе, раздраженное ихъ красотою, влечетъ его къ побѣдѣ надъ ними. Но одна обезоруживаетъ его своей дѣтской чистотой, другая—сознательною силою.

Бабушкѣ онъ уступаетъ, потому что и самъ, хотя и воюетъ противъ изнѣженности, барства и стараго быта, но охотно спитъ на мягкой постели, хорошо ѣстъ, и даже, какъ прямой сынъ Обломова, даетъ, ворча, снимать съ себя Егору сапоги (Обломовъ требовалъ, чтобы Захаръ натягивалъ на него чулки).

Самъ онъ живетъ подъ игомъ еще неотмѣненнаго крѣпостного права, и сложившихся при немъ нравовъ, и оттого воюетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ: совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на всѣ четыре стороны и

предоставить имъ дѣлать, что они хотятъ; а самъ въ дѣло не вмѣшивается, хотя имѣніе—его.

Это колебаніе и нерѣшительность весьма естественны: колебалось все общество русское и всякій его уголокъ. Крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осядутъ — сильные слабыхъ и не сольются въ одно. Таковы всѣ переходныя эпохи.

Мелкая пресса смѣялась когда-то надъ этою постепенностью и насмѣшливо прозвала постепеновцами всѣхъ партизановъ этого мудраго закона, дающаго старому отживать свою пору, а новому упрочиваться, безъ насилія, боя и крови.

Я безъ смѣха не могу вспомнить теперь комическаго недоумѣнія нѣкоторыхъ стариковъ при появленіи довольно рѣзкихъ симптомовъ, такъ называемаго нигилизма. У этихъ стариковъ своего ничего не было, т.-е. того, что называется мыслью и убѣжденіемъ, а между тѣмъ было самолюбіе казаться современными, не отставать отъ прогресса: а какъ распознать, что̀ прогрессъ, что̀ нѣтъ—они не знали, не имѣя подготовки. Проникли въ печать, несмотря на цензуру, нѣкоторые смѣлые намеки соціальнаго характера, между молодежью произошло какое-то движеніе—и старики оторопѣли, не знали, что говорить объ этихъ книгахъ, о молодежи: порицать или стоять за нее? туда-сюда!

Райскій успѣлъ только сломать одно ветхое, старое дупло, торчавшее втунѣ, всѣхъ царапавшее и недававшее мѣста новымъ побѣгамъ, именно стараго чиновника, генерала Тычкова.

Здѣсь и Бабушка соединилась съ нимъ заодно, и оба однимъ ударомъ уничтожили это сгнившее полѣно. Она — за то, что онъ чинъ безъ заслуги хотѣлъ поставить выше значенія древности рода. Райскій казнилъ его, какъ ста-

раго взяточника, самодура и деспота, всѣмъ навязывавшаго грубо свой отживній авторитетъ.

И весь уголокъ, оглядѣвшись трезво, созналь правду въ этомъ фактѣ, презрѣлъ отъ слѣпого уваженія къ прошлому, ненужному, вредному, и аплодировалъ Райскому.

Бабушка была благосклонно принята всѣми въ публикѣ. Никто ничего не говорилъ противъ ея изображенія, и до меня доходили только похвалы ей.

Но что же такое, въ самомъ дѣлѣ, эта Бабушка?

Сжатый смыслъ всего моральнаго склада этой старухи высказанъ въ самомъ романѣ, на 342 и 343 стр. (изд. 1870 г.). Вотъ этотъ очеркъ.

„Бабушка говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, но въ новыхъ какихъ-нибудь, неожиданныхъ для нея случаяхъ, у ней выступали собственныя силы и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, негодную мудрость, у ней пробивалась струя здраваго смысла".

Только она „пугалась немного (новаго) и безпокойно искала подкрѣпить его бывшими примѣрами" и т. д.

Весь смыслъ ея характера таковъ, что она старуха твердая, властная, упорная, уступать не любитъ, хотя про себя и сознаетъ, что внукъ, Райскій, часто правъ. Но она велитъ ему и тогда молчать, „молодъ, чтобы перечить бабушкѣ",—говоритъ она. Она любитъ, чтобы ей всѣ повиновались—и Маронька ей милѣе всѣхъ, потому что она изъ послушанія бабушки не выйдетъ. Этотъ мотивъ о послушаніи проходитъ черезъ весь романъ въ ея характерѣ. На Вѣру она косится, что та удаляется, едва слушаетъ ея совѣты, и она, поневолѣ, скрѣпя сердце, даетъ ей нѣкоторую свободу.

И всѣхъ, и все въ домѣ она блюдетъ зоркимъ окомъ, и видитъ изъ одного окна—свою деревню, поля, изъ другого — садъ, огородъ и людскія. Ничто не шевельнется въ деревнѣ и домѣ безъ ея спроса, воли и вѣдома. Она хозяйничаетъ и въ полѣ, и въ кладовыхъ; съ мужиками и съ цѣлымъ городомъ держитъ себя гордо и повелительно.

За эти черты и другія, все въ томъ же тонѣ и духѣ, находили портретъ старухи типичнымъ.

Но почему же онъ типиченъ и кого напоминаетъ? Я вижу въ немъ что-то близкое и знакомое не мнѣ одному, а всѣмъ намъ.

Я писалъ съ русской старой хорошей женщины, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени — коллективно, не думая ни о какой параллели, должно-быть, но она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее,—у меня, въ концѣ книги, вырвались послѣднія слова, которыми я и кончилъ романъ. Вотъ они:

„За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ его три фигуры: его Вѣра, его Марфинька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія!“

Вотъ что отразилось, или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что пронилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь!

Не жили ли старыя наши поколѣнія и старшіе, господствовавшіе и управлявшіе нашими судьбами представители этихъ поколѣній, или, лучше сказать, не спали ли они подъ навѣсомъ старой мудрости, пробавляясь преданіями.

хотя и соглашались (какъ бабушка въ спорахъ съ внукомъ) про себя, что надо жить иначе, но боялись, безпокоились, какъ она, и пятились въ страхѣ отъ всего новаго, зажимая глаза и, когда нельзя было уйти назадъ, уступали неохотно, и тогда, сквозь обветшавшую, негодную мудрость, пробивались свѣжія русскія силы здраваго смысла?

Развѣ мы не пережили этихъ колебаній, страховъ, безпокойствъ пробуждающагося организма, пока всемогущее „быть посему" не указало, куда идти всѣмъ дружно, на свѣтъ, къ новымъ и разумнымъ благамъ?

А расплата за этотъ безусловный страхъ всего новаго, за высокомѣріе невѣдѣнія и за слѣпую вѣру въ свою силу— за всѣ старые грѣхи—развѣ не отразилось это въ самоувѣренности Бабушки, требовавшей повиновенія только своей волѣ, и зажимавшей глаза отъ новаго, вмѣсто того, чтобы подвести Вѣру къ этому новому исподволь и сознательно, чтобы она не обольстилась фальшивымъ блескомъ невѣдомой, будто „новой правды" и „новаго дѣла и счастья" и знала, какъ встрѣтить Волохова?

Развѣ не плакало старое поколѣніе о своихъ „грѣхахъ", какъ Бабушка плачетъ надъ своимъ маленькимъ Севастополемъ, разрушенной бесѣдкой на днѣ Обрыва?

Оставимъ пока эту параллель, т.-е. Бабушки и стараго русскаго общества: я возвращусь къ ней ниже.

Обращусь отъ синтеза къ анализу.

Что далѣе говорили о другихъ моихъ лицахъ, между прочимъ о Вѣрѣ и Волоховѣ, особенно о послѣднемъ?

Голоса раздѣлились на два хора. Хоръ старшихъ поколѣній пѣлъ: „какъ можно выводить въ романѣ, претендующемъ на художественность, такую грубую, нерѣшливую фигуру, и сводить ее съ изящной, тонкой фигурой Вѣры?"

Другой хоръ — молодые голоса раздражительно твердили: „это рѣзкія крайности, карикатурный, преувеличенный образъ, униженіе, направленное на молодое поколѣніе“ и т. д. Таковъ былъ смыслъ упрековъ съ двухъ сторонъ.

Безпристрастные люди говорили мнѣ съ участіемъ, во-первыхъ, о типичной правдѣ этой фигуры, а позднѣе, во-вторыхъ, о нѣкоторомъ вліяніи будто-бы этого типа когдѣ въ обществѣ. Этого слишкомъ много и я тотчасъ уклонился отъ такой заслуги, взявъ себѣ только правдивость изображенія.

Теперь мы нѣсколько отодвинулись отъ этого явленія и можно всѣмъ быть хладнокровнѣе и безпристрастнѣе. Теперь и я могу объяснить, что я самъ видѣлъ и вижу въ этой фигурѣ.

Тогда, повторяю, я хотѣлъ-было объяснить этотъ типъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію Обрыва, но въ виду общаго со всѣхъ сторонъ къ нему неблаговоленія, я отложилъ эту мысль—и все предисловіе, до болѣе удобнаго времени.

Еще я должень сказать, что въ первоначальномъ планѣ Обрыва, набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще несуществовавшаго, у меня былъ предположенъ сосланный, по неблагонадежности, подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, или изъ школы, либералъ, за грубость, за непослушаніе начальству, за то наконецъ, что споетъ какую-нибудь русскую марсельезу или провретея дерзко про власть. Такихъ бывало не мало, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Но какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположен-

ный зародышъ неблагонадежнаго превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо.

Меня крайне удивляло, какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ, кромѣ развѣ самихъ Волоховыхъ! Оно, можетъ-быть, вспоминая свои ранніе утопіи и увлеченія, думало, вѣроятно, видѣть ихъ нѣкоторое отраженіе въ развитіи мыслей Волохова. Напрасно!

Развѣ только потому оно могло видѣть это, что и Волоховъ говоритъ именемъ правды, разума и свободы: но въ этомъ всѣ сходны съ нимъ: и старые, и новые люди, и консерваторы, и либералы! И только въ этомъ. Кто же отказывался отъ этого въ своихъ убѣжденіяхъ? Но дѣло въ томъ, что Волоховъ заблуждается въ значеніи этихъ понятій и съ гордымъ самообольщеніемъ вводитъ въ заблужденіе другихъ, не имѣя подъ собою никакой почвы.

У всѣхъ, самыхъ противоположныхъ лагерей — всегда есть общія точки соприкосновенія, всѣ ратуютъ во имя разума, свободы и правды, всѣ приводятъ это на словахъ, но всѣ разумѣютъ слова по-своему, и оттого употребляютъ различные, часто невѣрные пути.

Волоховъ — будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформѣ — и туда уложило всѣ силы!

Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы!

Поколѣніе, которое — прежнюю, автоматическую военную массу — энергически помогло вождю ея, съ чудесною быстротою, преобразить въ современную, осмысленную и грозную силу! Поколѣніе, которое переполняетъ школы,

жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя!

И все это Волоховы! Кому могла придти такая мысль!

А самая масса общества сверху до низу, вся уходящая въ муравьиную работу, въ бездонные рудники труда, вызванаго новою жизнію? Ужели и это Волоховы?

Нѣтъ, это не Волоховы, а представители новой „правды", воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество!

Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь: и представителемъ этой новой лжи являются Волоховы! Вѣдь у меня въ книгѣ есть фигура блѣдная, неясная—намекъ, такъ сказать, но намекъ на настоящее новое поколѣніе, на лучшее его большинство: это Тушинъ или Тушины, начиная съ вершинъ русской лѣстницы и до низу!

Общество уже выкинуло Волоховыхъ изъ своей среды, какъ болѣзненное явленіе.

Пока явленіе не опредѣлилось и не закончилось — колебалось и общество слѣдило, изучало, наконецъ распознало его, и оно уже исчезаетъ съ лица русской жизни.

Перехожу къ другому хору — старшихъ поколѣній. „Какъ можно, говорили мнѣ, выводить такую грубую, неприглядную фигуру—и ставить съ нимъ рядомъ нѣжную, чистую Вѣру?"

Почему именно вышла рѣзкая, грубая фигура?

Ужели я, нарисовавъ, какъ говорятъ, цѣлую галле-

рею портретовъ, не умѣлъ бы нарисовать портретъ почище, поприличнѣе?

Но вышелъ ли бы онъ тогда вѣренъ и типиченъ? — спрошу я. Вобралъ ли бы онъ въ себя и выразилъ ли бы что-нибудь общее всему этому явленію, которое разыгралось у насъ? Волоховъ не соціалистъ, не доктринеръ, не демократъ. Онъ радикалъ и кандидатъ въ демагоги: онъ съ почвы праздной теоріи безусловнаго отрицанія, готовъ перейти къ дѣйствію—и перешелъ бы, если бъ у насъ могла демагогія выразиться ярче и перейти къ дѣйствію, т.-е. если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернаціональная подземная работа и т. п. *). Онъ и пошелъ бы на это поле работать—искренно, потому что я взялъ не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а—съ его точки зрѣнія—честнаго. т.-е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плута всѣ узнали бы разомъ и отвернулись бы отъ него.

Прибавь я къ этому авторское негодованіе, тогда былъ бы типъ не Волохова, а изображеніе моего личнаго чувства, и все пропало бы. Sine ira—законъ объективнаго творчества.

Точно такъ же, смягчи я этотъ портретъ въ угоду молодымъ голосамъ, не вышло бы героя того явленія, которое разыгралось у всѣхъ на глазахъ!

Онъ или вѣренъ или нѣтъ—дѣйствительности.

Если вѣренъ — то я правъ, и въ этомъ вся заслуга

---

*) Къ несчастью, это оказалось возможнымъ въ извѣстной степени и у насъ, какъ это подтвердилось съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1875 г., когда были писаны эти строки.

писателя, а тамъ уже дѣло читателей выводить изъ образа свои заключенія.

Теперь слѣдуетъ главный corpus delicti: какъ могла влюбиться въ него Вѣра, гордая, тонкая, изящная? Какъ изъ порядочнаго общества могла она уйти въ обрывъ, сблизиться съ такою личностью?

Странный упрекъ!

А вѣдь стоило только оглянуться вокругъ и слегка пробѣжать въ памяти, что̀ всѣ видѣли и пережили въ десятилѣтіе съ 1860 по 1870 годъ, чтобы рѣшить, вѣрно или не вѣрно мое изображеніе.

Мнѣ дѣлали этотъ упрекъ именно въ то самое время, когда это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей—жертву за жертвой, и наводило почти панику на общество.

Упрекаютъ за то, что я записалъ явленіе, явно совершавшееся, какъ будто небывальщину!

Развѣ женщины пренебрегали сближеніемъ съ этими, оторвавшимися отъ порядка, отъ общества, отъ семействъ, грубоватыми героями „новой силы", „новаго дѣла", идеала какого-то „громаднаго будущаго?"

Развѣ многія изящныя красавицы не шли съ ними на ихъ чердаки, въ ихъ подвалы, бросивъ, однѝ родителей, другія мужей и—еще хуже—дѣтей?

Сколько было слуховъ о какихъ-то фаланстеріяхъ, куда уходили гнѣздиться разныя Вѣры!

Какія это женщины? скажутъ мнѣ.—Всякія! отвѣчу я.

Не одна̀ падшія или готовыя къ паденію бросились въ омутъ—нѣтъ.

Кто изъ насъ не назоветъ примѣра такихъ эмиграцій—изъ почтенныхъ семействъ, отъ образованнаго круга, — на поиски новаго труда, новаго счастья, съ принесеніемъ

въ жертву лучшихъ женскихъ качествъ, полученныхъ отъ природы и воспитанія, побѣговъ отъ прямого, скромнаго дѣла и трудныхъ семейныхъ обязанностей?

Сюда не подходятъ, конечно, тѣ серьезныя женщины новаго поколѣнія, которыя, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ работать и которыя, путемъ строгаго, систематическаго образованія, ищутъ усвоить себѣ ту или другую отрасль знанія, профессію, и создаютъ для себя самостоятельную дѣятельность и жизнь. Но тутъ путь дологъ и труденъ, и не всѣ выдерживаютъ его до конца. Тѣ женщины не бѣгаютъ тайкомъ отъ своихъ семей: онѣ открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи. Въ рукахъ этихъ женщинъ — прямое рѣшеніе, такъ называемаго, женскаго вопроса!

Всѣ, конечно, знаютъ и помнятъ примѣры этихъ эмиграцій—и я зналъ нѣкоторыхъ женщинъ, съ которыхъ до этого „паденія" не задумался бы писать свою Вѣру!

Такъ гдѣ же, спрошу и я въ свою очередь, выдумка на молодыя поколѣнія обоего пола?

Я взялъ лучшую изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не прибѣгнувъ къ „старой мудрости" Бабушки и не подготовленная этою же Бабушкою, по невѣдѣнію и также по гордости, къ познанію настоящей „новой правды и новой жизни"—поняла сама на свѣтъ и едва не сгорѣла.

„Зачѣмъ вводить это въ романъ?" говорили между прочимъ. „Зачѣмъ писать романъ?" отвѣчу я, „если онъ не долженъ отражать жизни!"

Я писалъ не одного какого-нибудь Волохова и не одну Вѣру.

„Вѣра нала! какъ можно, какая жалость!" говорили мнѣ въ глаза.

И жаль всѣмъ было моей писаной Вѣры - портрета, но ужели менѣе жаль всѣхъ падшихъ живыхъ Вѣръ?!

Въ IV главѣ пятой части (2-го тома, со стр. 482 — 483—до V-ой главы) находится ключъ къ значенію Вѣры и къ тому, что̀ подготовило ея паденіе.

Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина,—жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новою: она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что̀ отжило въ старой, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни, хотѣла сознательно найти и принять новую правду, удержавъ и все прочное, коренное, лучшее въ старой жизни. Она хотѣла не разрушенія, а обновленія. Но она „не знала", гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ, и не приготовила ни къ какимъ невѣдомымъ ей самой бѣдамъ.

Въ новомъ другѣ Вѣра думала найти опору, свѣтъ, правду, потому что почуяла въ немъ какую-то силу, смѣлость, огонь,—и нашла ложь, которой, по невѣдѣнію и замкнутости, не распознала сначала, а распознавъ, гордо возмечтала, силою любви измѣнить эту новую ложь на свою старую правду и обратить отщепенца въ свою вѣру, любовь и въ свои надежды.

И горько заплатила она за самовольное вкушеніе отъ этого древа познанія зла!

Она воротилась, клоня голову отъ боли и стыда, и пошла къ новой жизни уже другимъ, сознательнымъ путемъ.

До этого я не дописался, оставляя это на долю другимъ, молодымъ и свѣжимъ силамъ.

Повторяю, я не выдумывалъ ничего: сама жизнь писалась у меня, какъ я переживалъ ее и видѣлъ, какъ переживаютъ другіе, такъ она и ложилась подъ перо. Не я, а происшедшія у всѣхъ на глазахъ явленія обобщаютъ мои образы.

*

Обѣ бабушки —и Татьяна Марковна, и старое русское общество —оплакали свой „старый грѣхъ“, разрушившій счастье покоя, тишины и дремоты,—грѣхъ недостатка прозорливости, живой заботливости о новыхъ живыхъ нуждахъ для свѣжихъ и молодыхъ силъ, грѣхъ своего упрямаго и добровольнаго невѣдѣнія, беззаботности, неосновательныхъ страховъ! Онѣ поняли наконецъ, что жизнь не стоитъ, а вѣчно движется!

Марфинька и Викентьевъ, эта чета не дастъ Бабушкѣ ни горя, ни тревогъ. Послѣднія знаетъ, что ни тотъ, ни другой, изъ послушанія ея не выйдутъ и будутъ жить, какъ она укажетъ. Бабушка цѣнитъ это выше всего.

„Оставь Марфиньку!“ —строго говоритъ она (въ X главѣ 3-й части, стр. 118) Райскому, когда онъ вздумалъ, новыми идеалами жизни, смущать ясный міръ ея ума и чувства.—„Она не будетъ счастлива навязываемымъ тобою счастьемъ, и стало-быть, будешь деспотомъ ты, а не я“.

И русскія Марфиньки и Викентьевы никогда не ослушаются бабушки!

Они всегда бодро, рѣзво и послушно, подъ ея глазами, пойдутъ по пути, покоряясь перемѣнамъ, одобреннымъ бабушкою, не нуждаясь ни въ какихъ идеалахъ „новаго счастья“, не думая о будущемъ, не скучая жизнью въ своей средѣ!

Эта часть поколѣній, толпа, большинство, будетъ жить, плодиться и множиться, и населять Русь, посмѣшно работая, веселясь, подчасъ горюнясь и никогда не терзаясь невѣдомыми ей мучительными вопросами!

И Бабушка награждаетъ послушныхъ и добрыхъ дѣтей материнскою заботою о нихъ, наблюдая, чтобъ имъ было вдоволь кушать, мирно спать, весело проводить время.

слѣпка отбывать свой дневной привычный трудъ, получать мѣста, дѣлать карьеру и незамѣтно исчезать, смѣняясь новыми Мароньками и Викентьевыми!

Бабушка безъ опасенія дастъ имъ свободу, отпуститъ за Волгу (или за границу), зная, что они придутъ опять подъ ея крыло такими же, и не уйдутъ никогда.

Она, давая свободу, похвасталась, что она будто только, какъ полиціймейстеръ, смотритъ, чтобы снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не входитъ, пока не позовутъ! (стр. 119, ч. 3-я, гл. X).

Даже Райскій рукоплещетъ ей за эту свободу!

Неправда! преувеличила, похвасталась она: какъ она ни противилась, но время уже повѣяло и на нее и она наружно отступилась отъ правъ на слѣпое послушаніе и дала свободу, но вмѣстѣ съ этимъ усилила невидимый надзоръ, замѣчая каждый взглядъ, слово, шагъ, прибирая свои ключи ко всему. Какъ она тоскуетъ и мечется, какъ допрашиваетъ Райскаго о „новой бѣдѣ", потому что не знала о ней! Если бъ въ Вѣрѣ повторился просто только старый женскій „грѣхъ" бабушки, и особенно если бы героемъ былъ кто-нибудь ея знакомый—старуха догадалась бы. Она вѣрила Вѣрѣ, потому что знала ее, и не боялась за нее: но она не знала, что такое Волоховъ. Она готовила ее противъ извѣстныхъ соблазновъ, но не могла уберечь противъ невѣдомаго, и научить остеречься! „Мой грѣхъ, мой грѣхъ!"—стонетъ она.

Вотъ гдѣ смыслъ ошибки обѣихъ женщинъ: въ гордости и невѣдѣніи! Бабушка знала только старую правду и старую ложь, но новой правды боялась и, боясь, не узнала и новой лжи, и не приготовила къ тому и другому и Вѣру. Она хотѣла отдѣлаться невѣдѣніемъ, умышленною слѣпотою, желала бы, чтобы около нея были все Мароньки и

Викентьевы: но такъ на свѣтѣ не бываетъ. Рядомъ съ Мароньками родятся Вѣры: объ руку съ Райскими, Викентьевыми, являются и Волоховы. А она, не только Волохова, она не хотѣла слушать и любившаго ее внука—Райскаго, когда онъ заговаривалъ о новомъ.

Будущій художникъ когда-нибудь скажетъ, какъ встали, послѣ горькихъ опытовъ, и до чего возросли русскія Вѣры на пути разумной, сознательной жизни!

Райскій, въ посвященіи къ своему роману (въ концѣ второго тома, пятой части, стр. 650 и 651), дѣлаетъ легкій очеркъ отдаленной будущности русскихъ женщинъ. Это его идеалъ женщины.

„Восхищаясь вашею красотою, вашею исполинскою силою—женскою любовью, пишетъ онъ, —я слабою рукою писалъ женщину; я надѣялся, что вы увидите въ ней отраженіе не одной красоты формъ, но и всей прелести вашихъ лучшихъ силъ.

„Мы не равны: вы выше насъ, вы —сила: —мы —ваше орудіе, мы сдѣлаемъ всю черновую работу; а вы, рождая насъ, берегите насъ, какъ провидѣніе, воспитывайте, учите труду, человѣчности, добру и той любви, которую Творецъ вложилъ въ наши сердца,—и мы пойдемъ за вами туда, гдѣ все совершенно, гдѣ вѣчная красота!"

„То-есть: создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ по плоти, вотъ гдѣ ваша задача!"

„Мы творцы въ черной работѣ: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ возлѣланіи внѣшней природы: мы—внѣшніе дѣятели. Вы—созидательницы и воспитательницы людей, вы—прямое, лучшее орудіе Бога" и т. д.

Райскій вѣритъ этому великому будущему русской женщины, видя какая сила, въ роковой моментъ, встала изъ души сокрушенной старухи.

Если она была сильна своею гордою властью, то, подъ грозою, она нашла еще болѣе силы „нести удары“ и страдать съ величіемъ, „не падая во прахъ?“

За эти страницы (502, 503, II тома), гдѣ Бабушка, со стономъ, ходитъ по крутому поволжью, по обрыву, по полямъ, въ какомъ-то забытьи, въ терзаніяхъ, за свой „грѣхъ“, погубившій, по ея мнѣнію, Вѣру, меня упрекали, какъ за какія-то, будто бы чуждыя русской женщинѣ черты.

Черты величія души, чуждыя русской женщинѣ?!

У меня проведенъ цѣлый рядъ „женскихъ тѣней“ въ параллель этой старухѣ, великихъ страдалицъ, жившихъ въ мирной, счастливой средѣ, прежде ничѣмъ особеннымъ незамѣтныхъ, какъ и бабушка, и вдругъ проявлявшихъ великія силы—въ рѣшительныя и грозныя минуты жизни. Новгородская Марѳа, сильныя русскія царицы, жены декабристовъ, и другія жертвы рока, которыми не бѣдна и старая, и новая лѣтопись русской жизни.

„Не похоже на деревенскую старуху!“ говорили мнѣ, т.-е. не реально, натянуто, ходульно!

Можетъ-быть, отчасти я это и самъ чувствовалъ, когда писалъ, и оттого вложилъ этотъ очеркъ въ пеструю фантазію Райскаго. Впрочемъ, я не такой поклонникъ реализма, чтобы не допускать отступленій отъ него. Въ угоду реализма пришлось бы слишкомъ ограничивать, и даже совсѣмъ устранять фантазію, впадать, значитъ, въ сухость, иногда въ безцвѣтность, вмѣсто живыхъ образовъ писать силуэты, иногда вовсе отказываться отъ поэзіи, и все во имя мнимой правды! Но вѣдь фантазія, а съ нею и поэзія, даны природой человѣку и входятъ въ его натуру, слѣдовательно, и въ жизнь: будетъ-ли правдиво и реально миновать ихъ?

Бабушка перемогла себя, видя страданія слабой Вѣры, спасла ее самоотверженнымъ сознаніемъ стараго „грѣха“,

но, къ горю своему, увидѣла, что и это не совсѣмъ извлекло ее изъ обрыва.

Она позвала на помощь Тушина, или лучше сказать, онъ явился самъ, безъ зова, окончательно спасти Вѣру.

Фигура Тушина обрисована у меня въ двухъ-трехъ мѣстахъ (II тома, V глава, стр. 466, 479, далѣе въ гл. XVI и XVIII того же тома).

Это безсознательный новый человѣкъ, какъ его выкроила сама жизнь. Онъ простъ, потому что созданъ такимъ, онъ работаетъ, потому что иначе жизни не понимаетъ, какъ не понимаетъ и того, какъ можно, узнавъ Вѣру, не любить ее. Онъ мудро, т.-е. просто, здравымъ смысломъ, рѣшаетъ вопросы и своей, и чужой жизни, между прочимъ Бабушки и Вѣры, когда онѣ обратились къ нему, и идетъ по своему пути твердымъ, сознательнымъ шагомъ.

Онъ весь сложился изъ природныхъ своихъ здоровыхъ элементовъ, и изъ обстоятельствъ своей жизни и своего дѣла, т.-е. долга и труда. Онъ простой, честный, нормальный человѣкъ, понимаетъ и любитъ свое дѣло, къ которому поставила его жизнь. Природа дала ему талантъ быть человѣкомъ — и ему оставалось не портить этого, оставаться на своемъ мѣстѣ. „Почувствовать и удержать въ себѣ красоту природной простоты“—по словамъ Райскаго, въ этомъ и вся его заслуга. Вѣрить въ эту простоту, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею, т.-е. имѣть сердце и дорожить имъ „если не выше, то наравнѣ съ умомъ“. Тутъ весь очеркъ его.

Тушинъ давно уже хозяйничаетъ у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости, и онъ любитъ свое дѣло, и всѣ новыя идеи и преобразованія застали его готовымъ.

На этомъ сильномъ, простомъ человѣкѣ основались

надежды Бабушки окончательно извлечь Вѣру изъ бездны ея горя—и подать ей руку на остальной путь!

И онъ сталъ, „какъ каменная стѣна“, и оградилъ ее отъ всякихъ обрывовъ.

„Дайте мнѣ Вѣру, говоритъ онъ въ слезахъ отчаянія (II томъ, стр. 626 и 627):—я перенесу ее черезъ обрывъ. Она укроется подъ моей защитой отъ всякихъ грозъ и забудетъ обрывы. Вѣдь если дѣвѣ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, моря переплываютъ и прорываютъ горы, и все идутъ смѣлые люди впередъ!“

„Да, впередъ, на настоящее новое дѣло: это не обломовскій сонъ и не волоховское безпочвенное блужданіе!

И Райскій, вглядѣвшись въ него, рѣшилъ, что Тушины наша настоящая партія дѣйствія, наше прочное будущее: когда настанетъ настоящее дѣло, явятся, вмѣсто утопистовъ, работники — Тушины „на всей лѣстницѣ русскаго общества“. (II т. гл. XVIII).

Нарисовавъ фигуру Тушина, насколько я могъ наблюсти новыхъ серьезныхъ людей, я сознаюсь, что я не докончилъ, какъ художникъ, этотъ образъ—и остальное (именно въ XVIII главѣ II тома) договорилъ о немъ въ намекахъ, какъ о представителѣ настоящей новой силы и новаго дѣла—уже обновленной тогда (въ 1867 и 1868 г., когда дописывались послѣднія главы) Россіи.

Рисовать, сказалъ я выше, трудно и, по-моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодыя силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущій характеръ новыхъ людей, что̀ я и сдѣлалъ въ Тушинѣ. Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ

личности видоизмѣняются почти каждый день—и будутъ неуловимы для пера.

Меня упрекали, зачѣмъ я написалъ отрицательный образъ Волохова—и не далъ противоположнаго образца въ новомъ поколѣніи. На это можно сказать многое. Скажу прежде всего, что послѣ Гоголя, мы въ искусствѣ не сошли съ пути отрицанія, между прочимъ и потому, что художнику легче даются отрицательные образы. Самъ Гоголь пробовалъ, во 2-й части „Мертвыхъ душъ", написать положительный образъ и потерпѣлъ неудачу. А другіе и подавно: въ послѣднее время ни у кого не вышло въ этомъ родѣ ничего художественнаго. Притомъ это старый упрекъ, который дѣлали тому же Гоголю: зачѣмъ въ „Ревизорѣ" или „Мертвыхъ душахъ" не вывелъ онъ ни одного хорошаго человѣка?" На такіе вопросы нечего сказать!

Если я отрицательно отнесся къ Райскому, къ Бабушкѣ, даже къ Марфинькѣ и Вѣрѣ — то почему же я терялъ право на отрицательный пріемъ въ отношеніи Волохова! Но я и въ немъ нашелъ положительную черту –искренность, за что мнѣ и досталось отъ старыхъ поколѣній!

Этого Тушина, говорю я, позвала Бабушка на помощь—и онъ сослужитъ ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины, сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довѣривъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе.

Нужно ли въ заключеніе объяснять значеніе второстепенныхъ лицъ романа: Козлова съ женой, мимоходомъ выглянувшаго чиновника изъ семинаристовъ Опенкина, тинь стараго русскаго маркиза, остатокъ прошлаго вѣка, Тита Никоныча, друга Бабушки, наконецъ пеструю толпу русской крѣпостной дворни?

Въ учителѣ Козловѣ мелькнуло мнѣ лицо русскаго ученаго—труженика, съ намекомъ на участь русской науки

въ обломовскомъ обществѣ. Не имѣя подъ ногами и вокругъ никакой почвы, около—никакой сферы, никакого кружка для плодотворнаго развитія науки—онъ, забытый, загнанный въ глушь, безъ книгъ, безъ денегъ, бьется и влачитъ жалкое, скудное существованіе—среди равнодушныхъ къ наукѣ людей. Въ немъ теплится искра любви къ знанію, но—какъ въ стени—нѣтъ ей ниши, ни посѣва, ни полива, некуда бросить сѣмянъ—и они глохнутъ въ немъ самомъ: а любящее сердце избрало кумиромъ ничтожество, идола, созданнаго безхарактерностью среды, безъ образа. Это его жена. Весь умъ его просился въ науку, все любящее сердце отдалось этой жалкой подругѣ. Ни тамъ, ни сямъ—онъ не нашелъ отвѣта, сгорѣлъ и угасъ одиноко, въ чистомъ пламени своей любви!

Въ лицѣ стараго чиновника изъ семинаристовъ. Опенкина, подвернулся мнѣ подъ руку одинъ изъ безчисленныхъ образчиковъ пьянства, тинъ русскаго человѣка, утонившаго въ винѣ все свое, и прошлое, и будущее, всю жизнь, большею частію тирана своей семьи и бремя для цѣлаго круга, гдѣ онъ живетъ. А гдѣ онъ не живетъ! Этотъ штрихъ русской жизни почти неизбѣженъ во всякой картинѣ нравовъ! Легкою тѣнью прошелъ онъ и у меня въ романѣ.

Въ дворѣ меня самого особенно занимала крѣпостная Мессалина Марина и угрюмый, сосредоточенный ея мужъ. Это, какъ я припоминаю самъ и другіе, бывшіе въ 1849 г. на Волгѣ и близко знакомые съ домомъ моихъ родныхъ—живые, дѣйствительные портреты тогдашней дворни, какъ и лакей Егоръ. Еще болѣе въ самой Бабушкѣ, и во внучкахъ ея, какъ я увидѣлъ послѣ, вкрались нѣкоторыя свѣтлыя, лучшія черты близкихъ мнѣ лицъ, конечно, не цѣликомъ, а типично, при совершенномъ различіи въ событіяхъ и смыслѣ романа.

При обзорѣ отношеній мужскихъ характеровъ къ жен-

скимъ—во всемъ романѣ. я не могу не видѣть, въ каждомъ изъ нихъ, особеннаго вида или рода, словомъ характеристики привязанностей. Напримѣръ, преобладаніе фантазіи, артистическаго и нервнаго влеченія въ склонностяхъ Райскаго ко всѣмъ его идеаламъ. Въ противоположность ему — въ Тушинѣ —отношеніе къ Вѣрѣ носитъ чистый и глубокій, осмысленный и сознательный характеръ человѣческой привязанности, не подавляемой ни чувственностью, ни мелкимъ самолюбіемъ: эта привязанность возникаетъ въ немъ изъ самыхъ капитальныхъ свойствъ его личности и личности Вѣры. Она сильна, несокрушима: онъ мужественно выноситъ „ошибку“, „несчастіе“ Вѣры, какъ онъ называетъ ея паденіе, передъ которымъ не устояла бы другая, менѣе глубокая и сознательная страсть.

Затѣмъ глубокая же, сосредоточенная, но чисто животная до жестокости, также неразрушимая страсть, въ грубой, невоздѣланной натурѣ серьезнаго и тупого Савелья, къ его желтоглазой, невѣрной женѣ.

Далѣе, взаимная, веселая и ясная, какъ весна, любовь Викентьева и Марфиньки, внушенная и лелѣемая самою природою, какъ любовь птицъ, осмысленная ихъ свѣтлымъ, естественнымъ взглядомъ на жизнь и другъ на друга.

Наконецъ, кроткая, безусловная нѣжность болѣзненной, хрупкой Наташи, которую надломила и свела въ могилу не одна обманутая любовь, но вообще суровое дыханіе жизни. Это райская птица, которая и могла только жить въ своемъ раю, подъ тропическимъ небомъ, подъ солнцемъ, безъ зимъ, безъ вѣтровъ, безъ хищныхъ когтей.

Все то, что пишу теперь—повторяю я—не представлялось мнѣ такъ ясно и отчетливо, какъ я увидѣлъ послѣ, закончивъ послѣдній свой романъ. Бѣлинскій справедливо придавалъ огромное значеніе художественному инстинкту. Образы, а вмѣстѣ съ ними и намеки на ихъ значеніе, въ

зародышѣ, присутствовали во мнѣ и инстинктивно руководили моимъ перомъ.

Такимъ образомъ, какъ ни скромна степень художественности моего дарованія, но и во мнѣ сказался необъяснимый процессъ творчества, т.-е. невидимое для самого художника, инстинктивное воплощеніе перомъ-кистью тѣхъ или другихъ эпохъ жизни, которыхъ судьба поставила его участникомъ или свидѣтелемъ. Всего страннѣе, необъяснимѣе кажется въ этомъ процессѣ то, что иногда мелкія, аксессуарныя явленія и детали, представляющіяся въ дальней перспективѣ общаго плана отрывочно и отдѣльно, въ лицахъ, сценахъ, повидимому не вяжущихся другъ съ другомъ, потомъ какъ будто сами собою группируются около главнаго событія и сливаются въ общемъ строѣ жизни! Точно какъ будто дѣйствуютъ тутъ, еще неуловленныя наблюденіемъ, тонкія, невидимыя нити или, пожалуй, магнетическіе токи, образующіе морально-химическое соединеніе невещественныхъ силъ (какое происходитъ съ вещественными силами).

Къ этому загадочному, пока еще не разъясненному, но любопытному явленію въ области творчества, можно отнести и духовное, наслѣдственное средство, какое замѣчается между творческими типами художниковъ, начиная съ Гомеровскихъ, Езоповскихъ, потомъ Сервантесовскаго героя, Шекспировскихъ, Мольеровскихъ, Гётевскихъ и проч., и проч. до типовъ нашего Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя включительно.

Этотъ міръ творческихъ типовъ имѣетъ какъ будто свою особую жизнь, свою исторію, свою географію и этнографію, и когда-нибудь вѣроятно, сдѣлается предметомъ любопытныхъ историко-философскихъ критическихъ изслѣдованій. Донъ-Кихотъ, Лиръ, Гамлетъ, леди Макбетъ, Фальстафъ, Донъ-Жуанъ, Тартюфъ и другіе, уже порожденія, въ созда-

ніяхъ поздѣйшихъ талантовъ, цѣлыя родственныя поколѣнія подобій, раздробившихся на множество брызгъ или капель. И въ новое время обнаружится, напримѣръ, что множество современныхъ типовъ въ родѣ Чичикова, Хлестакова, Собакевича, Ноздрева, и т. д. окажутся разнородностями развѣтвившагося генеалогическаго дерева Митрофановъ, Скотининыхъ, и, въ свою очередь, расплодятся на множество другихъ и т. д. И мало ли что открылось бы въ этихъ богатыхъ и не тронутыхъ рудникахъ!

Но оставимъ это духовное сродство типовъ: я, съ своими героями, не прошусь на Олимпъ. Я просто объясняю свой взглядъ на собственныя мои сочиненія и жалѣю, если мнѣ не удалось выразить того въ нихъ и другихъ, что вижу самъ.

Можетъ-быть и оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, тины, слишкомъ мѣстные, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, близко извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и роднаго автору, и замѣтно пробивается кровная его любовь къ нимъ.

Да, можетъ-быть, и такъ: дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда!

Недаромъ въ одной, писанной за границею, на французскомъ языкѣ, исторіи новой русской литературы, сказано (сколько я помню, не имѣя книги подъ рукою), между прочимъ обо мнѣ, что я писалъ сердцемъ, а сознательный умъ, идею авторъ приписываетъ другимъ, и ставитъ это въ искусствѣ выше образа, живописи и прочее. Словомъ, авторъ клонитъ свою критику въ сторону реализма.

Конечно, реализмъ есть одна изъ капитальныхъ основъ

искусства, но только не тотъ реализмъ, который проповѣдуетъ новѣйшая школа за границею, и отчасти у насъ!

Кто же отвергаетъ рекомендуемое ею стремленіе къ правдѣ—и въ искусствѣ и въ жизни? Сами же эти реалисты сознаютъ, что Гомеръ, Сервантесъ, Шекспиръ, Гете и другіе, а у насъ прибавимъ отъ себя, Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, стремились къ правдѣ, находили ее въ природѣ, въ жизни, и вносили въ свои произведенія. Стало-быть это далеко не новое.

Надо слѣдовать одной природѣ, не нужно вымысловъ небывалаго, преувеличеній, ходуль, натяжекъ, словомъ, никакой лжи! провозглашаютъ нео-реалисты. И, конечно, они правы, если подъ вымысломъ разумѣютъ выдумки небывалаго или невозможнаго въ природѣ и въ жизни. Но то же самое говорили и дѣлали и до нихъ, хотя бы въ русской натуральной школѣ, опередившей появленіемъ французскую.

Чего же еще хотятъ новые реалисты, присвоивая себѣ господство въ искусствѣ, и въ этомъ, и чуть ли не во всѣ послѣдующіе вѣка?

Они, сколько можно понять, кажется, претендуютъ на тѣ же пріемы и пути, какими изслѣдуетъ природу и идетъ къ истинѣ наука, и отрицаютъ въ художественныхъ поискахъ правды такія пособія, какъ типичность, юморъ, отрицаютъ всякіе идеалы, не признаютъ нужною фантазію и т. д.

Вотъ до чего договорились!

Нашу одну природу и жизнь, какъ онѣ есть! говорятъ они! Но вѣдь стремленіе къ идеаламъ, фантазія это тоже органическія свойства человѣческой природы. Вѣдь правда въ природѣ дается художнику только путемъ фантазіи!

Ученый ничего не создаетъ, а открываетъ готовую и скрытую въ природѣ правду, а художникъ создаетъ подобія правды, т.-е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его

фантазіи и онъ переноситъ эти отраженія въ свое произведеніе. Это и будетъ художественная правда.

Слѣдовательно, художественная правда и правда дѣйствительности—не одно и то же. Явленіе, перенесенное цѣликомъ изъ жизни въ произведеніе искусства, потеряетъ истинность дѣйствительности и не станетъ художественною правдою. Поставьте рядомъ два-три факта изъ жизни, какъ они случились, выйдетъ невѣрно, даже неправдоподобно.

Отчего же это? Именно оттого, что художникъ пишетъ не прямо съ природы и съ жизни, а создаетъ правдоподобія ихъ. Въ этомъ и заключается процессъ творчества!

Вѣдь это все азбука эстетики, но передѣлать этой азбуки, какъ и самаго искусства, нельзя.

Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его, хотя и несознательною, пассивною, или замаскированною, стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хоть бы, напримѣръ, къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, къ замѣнѣ худшаго лучшимъ.

И это лучшее и будетъ идеаломъ, отъ котораго не отдѣлаться художнику, особенно когда у него, кромѣ ума есть и сердце.

Нео-реалисты пробуютъ приложить свою теорію къ искусству и даютъ намъ, иногда, и въ живописи, и въ искусствѣ слова, свои снимки будто бы съ природы и съ жизни, сдѣланные „умомъ": но эти попытки пока ограничились сухими, блѣдными и... скучными произведеніями, пожалуй, ума, но никакъ не искусства, если не разумѣть подъ искусствомъ одну технику.

Эти снимки никогда не замѣнятъ картинъ, освященныхъ лучами фантазіи, полныхъ огня, трепета и горячаго дыханія жизни. Писать художественныя произведенія только умомъ— все равно, что требовать отъ солнца, чтобы оно давало лишь свѣтъ, но не играло лучами — въ воз-

духѣ, на деревьяхъ, на водахъ, не давало бы тѣхъ красокъ, тоновъ и переливовъ свѣта, которые сообщаютъ красоту и блескъ природѣ! Развѣ это реально?

И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣнье создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ умепъ—и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе. Однимъ умомъ въ десяти томахъ не скажешь того, что сказано десяткомъ лицъ въ какомъ-нибудь „Ревизорѣ!"

Это правда, что романъ захватываетъ все: въ него прячется памфлетъ, иногда цѣлый нравственный, или научный трактатъ, простое наблюденіе надъ жизнью или философское воззрѣніе, но такіе романы (или просто книги) ничего не имѣютъ общаго съ искусствомъ. Романъ—какъ картина жизни—возможенъ только при вышеизложенныхъ условіяхъ, не во гнѣвъ будь сказать новѣйшимъ реалистамъ!

Гоголь, безспорно,—реалистъ: у кого найдешь больше правды въ образахъ? Но онъ, смѣшa и „смѣясь, невидимо плакалъ": оттого въ его сатиры и улеглась вся безконечная Русь своею отрицательною стороною, со своею плотью, кровью и дыханіемъ.

Какой отрадной теплотой дышатъ его созданія отъ этого юмора, подъ которымъ прячутся его „невидимыя слезы" и котораго нѣтъ у псевдо-реалистовъ, а есть холодная ирошя, продуктъ, пожалуй, ума: они, кажется, ее только одну и допускаютъ въ искусствѣ! Но она никогда не замѣнитъ юмора.

Природа слишкомъ сильна и своеобразна, чтобы взять ее, такъ сказать, цѣликомъ, помѣряться съ нею ея же силами и непосредственно стать рядомъ; она не дастся. У нея свои слишкомъ могучія средства. Изъ непосредственнаго снимка съ нея выйдетъ жалкая, безсильная копія. Она позволяетъ приблизиться къ ней только путемъ творческой фантазіи.

Иначе было бы слишкомъ просто быть художникомъ. Стоило бы только, по совѣту одного лица въ „Разъѣздѣ“ Гоголя, сѣсть у окна, да записывать, что дѣлается на улицѣ, и вышла бы комедія или повѣсть.

Замѣчательно, что нѣкоторые изъ героевъ дня, ставшихъ во главѣ новѣйшаго реализма въ искусствѣ, обязаны были лучшими своими произведеніями именно тѣмъ могучимъ орудіямъ искусства: фантазіи, юмору, типичности, словомъ —поэзіи, отъ которыхъ отрекаются теперь.

Кстати о типичности. Новая реальная школа, сколько можно понять кажется, отвергаетъ и ее. Этоуже значитъ— замахиваться не на одну, такъ-называемую „романтическую школу“, а на Шекспира, Сервантеса, Мольера! Кому какое дѣло было бы, напримѣръ, до полоумныхъ Лира и Донъ-Кихота, если бъ это были портреты какихъ-то чудаковъ, а не типы, т.-е. зеркала, отражающія въ себѣ безчисленныя подобія—въ старомъ, новомъ и будущемъ человѣческомъ обществѣ?

Нѣтъ, напрасно будетъ пророчить себѣ этотъ новый родъ реализма долгій вѣкъ, если онъ откажется отъ пособія фантазіи, юмора, типичности, живописи, вообще поэзіи, и будетъ пробавляться однимъ умомъ, безъ участія сердца!

Написалъ ли бы, безъ всего этого, и между прочимъ безъ сердца, Грибоѣдовъ свою, горячо любимую имъ Москву, въ „Горѣ отъ ума“, Пушкинъ—своего „Онѣгина?“ Гоголь, не говоря уже о его картинахъ малороссійской природы и жизни, даже въ своихъ реальныхъ „Мертвыхъ душахъ“, не создалъ бы этихъ дышащихъ жизнью Коробочекъ, Маниловыхъ, Собакевичей? Не могъ бы равнодушный человѣкъ выписать такими живыми красками, говорить этими образами, такъ близко намъ, какъ будто мы живемъ среди ихъ!

Другой огромный талантъ—Островскій, безъ любви къ каждому камню Москвы, къ каждому горбатому переулку,

къ каждому москвичу, шевелящемуся въ своей кучѣ сора и хлама, создалъ ли бы весь этотъ чудный міръ, съ его духомъ, обычаемъ, дѣлами, страстями,—безъ этой любви, которая сквозитъ въ его изображеніяхъ царей, Мининыхъ, Брусковыхъ, ихъ женъ, дѣтей, свахъ и проч.? Отъ этого, въ его безконечныхъ галлереяхъ, и является вся Великая Россія „во очью", что она писалась фантазіею, юморомъ и любовью, разсыпалась на безчисленныя разновидности типовъ, характерныхъ, всѣмъ знакомыхъ сценъ, именно потому всѣмъ знакомыхъ, что они воздавались художническою поэтическою кистью, а не просто копировались съ жизни.

И Тургеневъ, создавшій, въ „Запискахъ Охотника", рядъ живыхъ миніатюръ крѣпостного быта, конечно, не далъ бы литературѣ тонкихъ мягкихъ, полныхъ классической простоты и истинно-реальной правды, очерковъ мелкаго барства, крестьянскаго люда и неподражаемыхъ пейзажей русской природы, если бъ съ дѣтства не пропитался любовью къ родной почвѣ своихъ полей, лѣсовъ, и не сохранилъ въ душѣ образа страданій населяющаго ихъ люда!

Графъ Левъ Толстой—безспорно великій реалистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, пишетъ конечно съ натуры, особенно въ послѣднемъ своемъ произведеніи. Онъ по своему понялъ, о чемъ хлопочатъ новые реалисты, и обладая тѣмъ, чего имъ недостаетъ, преподалъ манеру, какъ можно, творчески, силою фантазіи, стать очень близко къ природѣ и правдѣ. Какою нѣжною теплотой окружаетъ онъ нѣкоторыя свои лица, напримѣръ своего героя Левина съ женой, или эту мягкую, разваливпуюся отъ заботъ житейскихъ добрую Облонскую, бѣдную гръшницу Каренину, дѣтей, потомъ деревню, поля, охоты и все, что онъ любитъ, съ чѣмъ сжился и чѣмъ пропитался! Все это не мѣшаетъ строгой объективности въ немъ, какъ, напримѣръ, теплый воздухъ и игра солнечныхъ лучей не мѣшаютъ вѣрности рисунка въ пейзажѣ.

Даже такіе, особые, не входящіе въ этотъ кругъ, своеобразные таланты, какъ Достоевскій и Щедринъ—не могли бы, силою одного холоднаго анализа, находить правды жизни—одинъ въ глубокой, никому, кромѣ его недостигаемой пучинѣ людскихъ золъ, другой въ мутномъ потокѣ мелькающихъ передъ нимъ безобразій. Одинъ содрогается и стонетъ самъ—содрогается отъ ужаса и боли его читатель, точно такъ же, какъ этотъ читатель злобно хохочетъ съ авторомъ надъ какой-нибудь „современной идилліей", или внезапно побѣдитъ передъ образомъ „Іудушки".

Подъ этой мрачной скорбью одного и горячей злобой другого—кипятъ свои „невидимыя слезы", прячется своя любовь, которая, вмѣстѣ съ другими силами творчества, лежитъ въ основѣ талантовъ всѣхъ этихъ звѣздъ первой величины.

Не было бы ничего этого у нихъ, если бъ они были только покойные, объективные наблюдатели правды! Всѣ эти, вмѣстѣ взятыя силы, только и ведутъ къ истинной „правдѣ" въ искусствѣ!

Да, много хочетъ и далеко зашелъ новѣйшій реализмъ! Тамъ, куда онъ мѣтитъ, одного ума мало: въ искусствѣ умъ долженъ быть въ союзѣ съ фантазіей.

А безъ этого пусть разгораются негодованіемъ на зло, пусть стремятся служить „злобамъ дня"—ничего, кромѣ претензіи, т.-е. тенденціи, не будетъ.

Поэтому пора бы оставить въ покоѣ ничего невыражающую фразу „искусство для искусства". Этимъ грѣхомъ, между прочимъ, еще не такъ давно упрекали почти всѣхъ нашихъ писателей, даже, кажется, и Пушкина!

Что-нибудь одно: или у писателя нѣтъ таланта — и онъ пишетъ только для искусства писать: но тогда не было бы никакой живописи, никакихъ живыхъ лицъ и ничего бы не выходило.

А если признаютъ талантъ, а съ нимъ и живопись, тогда послѣдняя что-нибудь да выражаетъ. Живой, т.-е. правдивый образъ всегда говоритъ о жизни, все равно о какой.

„Намъ до той или другой жизни дѣла нѣтъ:—все въ искусствѣ должно служить дѣлу, моменту, „злобѣ дня"—проповѣдуютъ ультро-реалисты.

Но вѣдь этакъ пришлось бы ограничить жизнь суетливымъ перебѣганьемъ отъ одной дневной заботы къ другой. Куда же дѣвать всѣ другія, безчисленныя, и мрачныя, и свѣтлыя стороны жизни, картины не однихъ политическихъ, соціальныхъ, но и общечеловѣческихъ, разнороднѣйшихъ страстей, интересовъ, суеты, волненій и горячекъ, скорбей и радостей? Вѣдь жизнь—это безпредѣльное и глубокое море: его не исчерпаешь и не направишь въ одно какое-нибудь узкое русло, а съ нимъ и искусство, ея вѣрное отраженіе!

Лучше бы ужъ называть—„искусство безъ искусства", какъ остроумно, и совершенно основательно, выразился однажды, кажется, „Вѣстникъ Европы", говоря по какому-то поводу о тенденціозныхъ произведеніяхъ.

На скользкой почвѣ крайняго реализма пробовали свои силы и серьезные таланты, но эти попытки оказались безплодны и не прибавили (если только не убавили) ни одного листка къ ихъ лавровому вѣнку.

Нѣтъ—будемъ держать школы старыхъ учителей и идти проложеннымъ ими путемъ, не отказываясь конечно отъ истинныхъ, законныхъ развитій, новыхъ шаговъ въ искусствѣ, хоть бы отъ того же самаго реализма, когда эти шаги не будутъ pas de géants, и когда онъ откажется отъ претензіи колебать основные законы искусства!

Въ нашемъ вѣкѣ намъ далъ образецъ художественнаго романа общій учитель романистовъ — это Диккенсъ. Не одинъ наблюдательный умъ, а фантазія, юморъ, поэзія,

любовь, которой онъ, по его выраженію, „носилъ цѣлый океанъ“ въ себѣ—помогли ему написать всю Англію, въ живыхъ, безсмертныхъ типахъ и сценахъ.

Отъ всѣхъ громкихъ этихъ именъ перехожу опять къ себѣ и доскажу послѣднія слова о своихъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторые старались доказывать, и въ печати, и даже мнѣ самому лично, что романъ „Обрывъ“ вообще будто бы слабѣе другихъ моихъ сочиненій, а послѣднія его 4-я и 5-я части слабѣе первыхъ трехъ.

Если бъ мнѣ сказали просто—„романъ слабъ“, я тотчасъ согласился бы съ этимъ: я самъ болѣе, нежели кто-нибудь, питаю недовѣріе къ своимъ силамъ. Притомъ и нельзя же самому доказать о себѣ, что то или другое сдѣлано хорошо. Но всякому автору позволительно, не нарушая приличій скромности, выражать свое мнѣніе о томъ, что онъ сдѣлалъ лучше и что хуже. И я, на основаніи этого права, нахожу, что послѣднія двѣ части безспорно лучше первыхъ трехъ. Онѣ писаны болѣе созрѣвшею и опытною въ работѣ рукою, онѣ сжатѣе, опредѣлительнѣе и яснѣе первыхъ.

Притомъ онѣ такъ органически связаны съ цѣлымъ романомъ, что безъ нихъ первыя три части не имѣли бы никакого значенія — и я, долго отвлекаемый разными посторонними литературѣ дѣлами отъ доведенія „Обрыва“ до конца, хотѣлъ уже бросить всю первую половину романа. Весь смыслъ его, вся его „причина“ и „суть“ только и объясняются и доказываются двумя послѣдними частями, въ которыхъ, между прочимъ, окончательно разыгрывается и драма Вѣры. Тамъ закончилась и ея фигура — и портреты Бабушки, Райскаго, Козлова съ женой, Марфиньки и всѣхъ остальныхъ.

Безъ этихъ двухъ частей была бы треть романа, разрубленное тѣло, безъ смысла, безъ значенія, словомъ — уродъ.

Можетъ-быть завершеніе этого огромнаго полотна, повторяю, сдѣлано слабо и неудовлетворительно (не мнѣ объ этомъ судить), но отнюдь не слабѣе и хуже, а напротивъ положительно лучше всего, написаннаго мною прежде.

За это „лучше“ я только и вправѣ стоять и стою на своемъ.

Въ заключеніе мнѣ остается еще отвѣтить на послѣдніе, обращаемые ко мнѣ съ разныхъ сторонъ и до сихъ поръ, вопросы. Именно: зачѣмъ я такъ долго, лѣтъ по десяти, писалъ свои романы? Потомъ—зачѣмъ я не пишу ничего другого?

Отвѣтъ на первый вопросъ или упрекъ заключается отчасти въ сказанномъ выше.

Прибавлю только, что если потрудятся вникнуть въ смыслъ моихъ романовъ и найдутъ хотя малую долю того значенія, которое я самъ въ нихъ вижу, то и полагаю, не понадобится быть самому авторомъ, чтобы разсудить и рѣшить о томъ невидимомъ, но громадномъ трудѣ, какого требуетъ построеніе цѣлаго зданія романа! Одной архитектоники, т.-е. постройки зданія, довольно, чтобы поглотить всю умственную дѣятельность автора! соображать, обдумывать участіе лицъ въ главной задачѣ, отношеніе ихъ другъ къ другу, постановку и ходъ событій, роль лицъ, съ неусыпнымъ контролемъ и критикою относительно вѣрности или невѣрности, недостатковъ извѣстности и т. д. Словомъ—c'est une mer à boire!

Я не говорю о самыхъ лицахъ, типахъ: они даются художнику даромъ, почти независимо отъ него, растутъ на почвѣ его фантазіи. Трудъ его — только обработка, отдѣлка ихъ, группировка, участіе въ дѣйствіи. Нельзя одолѣть всего этого однимъ умомъ: приходитъ на помощь независящая отъ автора сила—художественный инстинктъ. Умъ разбиваетъ, какъ паркъ или садъ, главныя линіи,

положенія. придумывать необходимости, а приводить это въ исполненіе и помогаетъ сказанный инстинктъ.

Разумѣется, онъ является при любви, при жаждѣ автора къ своей работѣ, т.-е. при извѣстной степени нервнаго раздраженія. называемаго, на языкѣ идеалистовъ, „вдохновеніемъ“.

Тогда, среди намѣченнаго умомъ главнаго хода или дѣйствія, при созданныхъ фантазіею лица—подъ рукою, какъ будто сами собою, родятся и сцены и детали, перо, кисть едва успѣваетъ писать.

Сколько же времени уходитъ на всю эту, невидимую читателю, работу!

И всегда ли оно въ распоряженіи автора? Всегда ли онъ можетъ сосредоточиться, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ, по обстоятельствамъ, живетъ весь вѣкъ, служа и участвуя, волей и неволей въ свѣтской жизни и платя дань ея требованіямъ?

Объ этомъ никто не подумаетъ, читая легкія страницы романа, и не зная, какъ не легко достаются они автору!

Бѣлинскій сказалъ мнѣ однажды, какъ упомянуто выше: „что̀ другому стало бы на десять повѣстей, у него укладывается въ одномъ романѣ!“

Это сказалъ онъ про самую краткую изъ моихъ книгъ—„Обыкновенную исторію!“

Что сказалъ бы онъ объ Обломовѣ, объ Обрывѣ, куда уложилась и вся моя, такъ сказать, собственная—и много другихъ жизней?

Худо ли, хорошо ли—это другой вопросъ (не мнѣ рѣшать его!): но если въ рамки моихъ романовъ укладывались продолжительные періоды, съ 40-хъ до 70-хъ годовъ, то спрашивается, возможно ли писаніе такихъ картинъ, развивавшихся и писавшихся параллельно теченію самой жизни, хотя бы въ годъ—два? Конечно нѣтъ!

Послѣдній вопросъ: зачѣмъ я не писалъ и не пишу ничего другаго?

Не могу, не умѣю! То-есть, не могу и не умѣю ничего писать иначе, какъ образами, картинами, и при томъ большими, слѣдовательно писать долго, медленно и трудно.

Для образовъ и картинъ требуется извѣстная свѣжесть силъ и охоты: всему есть своя пора. Къ концу поприща человѣкъ устаетъ отъ борьбы со всѣми и со всѣмъ, что ему мѣшало, что не понимало его, что враждовало съ нимъ.

Я не публицистъ, не присяжный критикъ, я жилъ и писалъ больше всего подъ вліяніемъ фантазіи — и вотъ послѣдней перо мое мало имѣетъ силы, не производитъ дѣйствія!

Напрасно просили моего сотрудничества въ журналахъ, въ качествѣ рецензента или публициста: пробовалъ — и ничего не выходило, кромѣ блѣдныхъ статей, уступавшихъ всякому бойкому перу привычныхъ журнальныхъ сотрудниковъ.

Напрасно тоже нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа. „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!“

Не могу, не умѣю! То что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, —то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній.—и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ словомъ писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней приростало.

Гос.

1912 г.

14388

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Глазунова.
Въ С.-Пстербургѣ, Невскій пр., 27.

38. 1. 9. 3/8